

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

6

НОЯБРЬ — ДЕКАБРЬ

«Наука»

Москва

2016

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлеская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

В. А. Виноградов д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Институт языкознания РАН

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

Т. В. Гамкрелидзе д. ф. н., академик РАН; Тбилисский университет, Грузия

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Вяч. Вс. Иванов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт славяноведения РАН; Калифорнийский университет, США

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Зав. отделами:

А. С. Кулева, А. В. Кухто, З. Ю. Петрова

Зав. редакцией:

Н. В. Ганнус

Поступающие в редакцию материалы отбираются редколлекцией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

© Российская академия наук, 2016

© Редколлегия журнала «Вопросы языкознания» (составитель), 2016

© ФГУП Издательство «Наука», 2016

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952

6 issues per year

6

NOVEMBER — DECEMBER

«Nauka»

Moscow

2016

Editor-in-chief:

Vladimir A. Plungian Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. Podlesskaya Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. Vakhtin European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. Alpatov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. Apresjan Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. Boguslavsky Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. Demyankov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitrij O. Dobrovol'skij Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Vladimir A. Dybo Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Tamaz V. Gamkrelidze University of Tbilisi, Georgia
 Vyacheslav Vs. Ivanov Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia; University of California (Los-Angeles), USA
 Nikolai N. Kazansky Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Galina I. Kustova Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. Moldovan Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria Polinsky University of Maryland, USA
 Ekaterina V. Rakhilina National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. Testelest Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Viktor A. Vinogradov Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Mariia D. Voelikova Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Editorial staff:

Anton V. Kukhto, Anna S. Kuleva, Zoya Yu. Petrova

Managing editor:

Nataliia V. Gannus

All submitted materials are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; De Gruyter Saur IBZ — Internationale Bibliographie der Geistes- und Sozialwissenschaftlichen Zeitschriftenliteratur; De Gruyter Saur Internationale Bibliographie der Rezensionen Geistes- und Sozialwissenschaftlicher Literatur; EBSCOhost Modern Language Association (MLA) International Bibliography; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: «Voprosy Jazykoznanija», editorial office, Vinogradov Institute of the Russian Language, Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <http://vja.ruslang.ru>

<http://issuesinlinguistics.ru>

СОДЕРЖАНИЕ

П. В. Гращенков (Москва). Морфология — взгляд из синтаксиса.....	7
Д. А. Чернова, Н. А. Слюсарь, В. К. Прокопеня, Т. Е. Петрова, Т. В. Черниговская (Санкт-Петербург). Экспериментальные исследования грамматики: синтаксический анализ неоднозначных предложений	36
В. С. Храковский (Санкт-Петербург), А. Л. Мальчуков (Санкт-Петербург/Майнц). Взаимодействие и иерархия грамматических категорий глагола: введение в тему и типологическая анкета.....	51
Г. Хентшель (Ольденбург). Регулярная вариативность или «хаос»: вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки»	84

Обзоры

Е. А. Лютикова, Р. В. Ронько, А. В. Циммерлинг (Москва). Дифференцированное маркирование аргументов: семантика, морфология, синтаксис.....	113
--	-----

Рецензии

Г. С. Нечволодов (Тарту). <i>E. Velmezova</i> (éd.). <i>L'École sémiotique de Moscou-Tartu/Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité. Slavica Occitania. Vol. 40. Toulouse: Université de Toulouse, 2015.</i>	128
С. Ю. Семенова (Москва). <i>М. Б. Таилькова. Семантические этюды о «синтаксической деривации».</i> Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013.....	130
О. В. Федорова (Москва). <i>W. J. M. Levelt. A history of psycholinguistics: The pre-Chomskyan era.</i> New York: Oxford University Press, 2013	135

Научная жизнь

А. С. Выренкова, Т. И. Резникова (Москва). Обзор лингвистических проектов, финансируемых Российским гуманитарным научным фондом в 2016 г.	142
З. Ю. Петрова, О. И. Северская (Москва). Международная научная конференция «Словообразование и Интернет» Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов.....	149
А. И. Чиварзина (Москва). Круглый стол «Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты»	155

Указатель статей, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 2016 г.	157
---	-----

CONTENTS

Pavel V. GRASHCHENKOV (Moscow). Morphology — a view from syntax.....	7
Daria A. CHERNOVA, Natalia A. SLIOUSSAR, Veronika K. PROKOPENYA, Tatiana Ye. PETROVA, Tatiana V. CHERNIGOVSKAYA (St. Petersburg). Experimental studies of grammar: Syntactic analysis of ambiguous sentences	36
Viktor S. XRAKOVSKIJ (St. Petersburg), Andrej L. MALCHUKOV (St. Petersburg/Mainz). Hierarchy and interaction of verbal categories: Research program and typological questionnaire.....	51
Gerd HENTSCHEL (Oldenburg). Regular variation or «chaos»: The question of usus in mixed linguistic varieties — the case of Belarusian «Trasyanka»	84

Overviews

Ekaterina A. LYUTIKOVA, Roman V. RONKO, Anton V. ZIMMERLING (Moscow). Differential argument marking: Semantics, morphology, syntax.....	113
--	-----

Reviews

Gleb S. NECHVOLODOV (Tartu). <i>E. Velmezova</i> (éd.). L'École sémiotique de Moscou- Tartu/Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité. Slavica Occitania. Vol. 40. Toulouse: Université de Toulouse, 2015	128
Sofia Yu. SEMENOVA (Moscow). <i>M. B. Tashlykova</i> . Semanticheskie etyudy o "sintaksicheskoi derivatsii" [Semantic studies on syntactic derivation]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013	130
Olga V. FEDOROVA (Moscow). <i>W. J. M. Levelt</i> . A history of psycholinguistics: The pre- Chomskyan era. New York: Oxford University Press, 2013	135

Academic life

Anastasia S. VYRENKOVA, Tatiana I. REZNIKOVA (Moscow). An overview of the projects in linguistics supported by the Russian Foundation for the Humanities in 2016	142
Zoya Yu. PETROVA, Olga I. SEVERSKAYA (Moscow). International scientific conference "Word-formation and the Internet", organized by the Commission on Slavonic word- formation of the International committee of Slavists.....	149
Alexandra I. CHIVARZINA (Moscow). "Deixis and (linguistic) gestures in the Balkans" round table.....	155
Index of the papers published in "Voprosy Jazykoznanija" in 2016	157

МОРФОЛОГИЯ — ВЗГЛЯД ИЗ СИНТАКСИСА *

© 2016

Павел Валерьевич Гращенко

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт востоковедения РАН, Москва, 107996, Российская Федерация; Московский педагогический государственный университет, 119991, Москва, Российская Федерация
pavel.gra@gmail.com

В статье ставится проблема соотношения синтаксического и морфологического компонентов в естественном языке. Предлагается анализ правил организации русских сложных прилагательных, цель которого — показать, что по меньшей мере некоторые законы, оперирующие в синтаксисе, актуальны и для морфологии.

Ключевые слова: морфология, направление ветвления, синтаксис, синтаксические составляющие, сложные слова, сочинение

MORPHOLOGY — A VIEW FROM SYNTAX**Pavel V. Grashchenkov**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 107996, Russian Federation; Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation
pavel.gra@gmail.com

The paper deals with the problem of relations between the syntactic and the morphological components of the natural language. On the data of Russian adjectival compounds, it is shown that at least some of the rules that govern syntax are relevant for morphology as well.

Keywords: branching directionality, compounds, constituency, coordination, morphology, syntax

1. Взаимоотношения между морфологией и синтаксисом

Такие явления, как, например, падеж (и многие другие, если не все вообще, грамматические категории), рассматриваются лингвистами по-разному. Если исследователь стоит на «морфологических» позициях, то падеж для него — языковой знак, означающее которого — семантическая роль, приписываемая имени. Для «морфологического» взгляда на падеж это верно и в случае номинатива, аккумулятива и генитива, для которых множество таких ролей чрезвычайно широко. При «синтаксическом» подходе к падежу падежные признаки номинатива, аккумулятива и генитива будут результатом синтаксического передвижения в определенную структурную позицию.

Подобное различие в подходах может распространяться достаточно широко: то, что одни исследователи склонны анализировать как самостоятельный языковой знак, прошедший процесс грамматикализации, другие рассматривают как следствие определенной синтаксической конфигурации. Ниже мы предлагаем некоторые свидетельства в пользу «синтаксического» взгляда на грамматику. Мы постараемся показать, что в некоторых явлениях, традиционно определяемых как морфологические, действуют те же законы, что и в синтаксисе.

* Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 16-18-02003.

Говоря о том, что некоторые морфологические явления подчиняются синтаксическим законам, мы имеем в виду следующее. Синтаксис — это правила взаимного расположения и оформления словоформ, связанные с определенной интерпретацией. Мы покажем, что на явления из области морфологии, а именно на сочетания элементов внутри слова, накладываются схожие ограничения, связанные с порядком расположения этих элементов, их оформлением и интерпретацией.

Мы начнем с обсуждения взглядов на место морфологии в системе языка, принятых в современной формальной лингвистике. Они распределяются между двумя подходами, которые можно условно определить как «морфология как синтаксис» ($M=C$) и «морфология как независимый языковой модуль» ($M \neq C$). Ниже мы кратко опишем оба эти представления, а также третий вариант языковой архитектуры, при котором морфология не совпадает с синтаксисом, но считается некоторым подмодулем последнего ($M \approx C$).

После изложения формальных подходов к анализу морфологии мы перейдем к анализу языкового материала, легшего в основу нашей работы. Таким материалом будут русские сложные прилагательные и ограничения на их структуру и интерпретацию. Как мы покажем, устройство сложных слов в русском языке изоморфно организации синтаксических составляющих.

1.1. Морфология \neq Синтаксис

Как бы это ни было неожиданно для лингвистической теории, считающей синтаксис основным компонентом грамматики, наиболее ранние и одновременно наиболее влиятельные работы были написаны в духе концепции $M \neq C$, ср. [Chomsky 1970; Halle 1973]. В одной из, пожалуй, наиболее известных статей Н. Хомского «Remarks on nominalization» впервые была обоснована идея лексикализма. В статье [Chomsky 1970] предлагается считать, что как минимум часть деривационных процессов — например, образование имен действия типа *criticism*, *refusal* и т. д. — не связана с синтаксисом. В то же время образование герундиев (*criticizing*, *refusing*), напротив, происходит в синтаксисе, поэтому они в гораздо большей степени наследуют свойства глаголов.

М. Халле в работе [Halle 1973] также высказывается в пользу существования морфологии как независимого языкового компонента. Исследуя правила образования абстрактных существительных в английском и русском языках, а также словоизменительные парадигмы русских имен и глаголов, он приходит к выводу о том, что правила образования слов(оформ) существенно отличаются от правил синтаксиса и фонологии¹.

Среди последующих работ морфологов также хватает таких, которые защищают автономность морфологического модуля. Так, в [Aronoff 1994] предлагалось считать морфологию независимым языковым компонентом, не связанным с семантикой, синтаксисом или фонологией. Аргументация М. Ароноффа во многом строилась на исследовании именных словоизменительных классов в языках мира и их сопоставлении с (часто несопадающими) системами родов, т. е. семантических классов.

Отдельного упоминания заслуживает семейство порождающих грамматик, описывающих ограничения на языковые структуры в терминах так называемых матриц значений атрибутов (*attribute value matrices*), прежде всего — HPSG [Pollard, Sag 1994], LFG [Dalrymple 2001] и др. Грамматики такого типа, будучи порождающими, т. е. имея определенный набор правил, (рекурсивно) применяющихся к некоторому набору элементов, являются вместе с тем лексикалистскими. В подобных грамматиках нет идеи многоуровневой синтаксической структуры и процесса синтаксической деривации от исходной к поверхностной структуре, отсутствует идея передвижения. В силу подобных особенностей и взгляд

¹ Здесь и далее термин «фонологический» будет употребляться в значении «относящийся к озвучиванию синтаксической структуры», в отечественной лингвистике в данном значении чаще употребляется термин «фонетический».

на морфологию в таких теориях сугубо лексикалистский, см., например, [Bonami, Crismann (forthcoming)]. Как замечает по этому поводу Карл Полар, «HPSG is not syntactocentric. There is no assumption that syntax is somehow primary, and that morphology is done in the syntax»² [Pollard 1997: 2].

1.2. Морфология = Синтаксис

Одним из наиболее последовательных синтаксических подходов к морфологии является парадигма распределенной морфологии (Distributed Morphology), первой работой в рамках которой можно считать [Halle, Marantz 1993]. Название другой программной статьи [Marantz 1997] говорит само за себя: «No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon». За этими работами последовало множество других, см., например, ссылки в [Bobaljik 2012].

Основными постулатами распределенной морфологии (далее РМ) является последовательная деривация высказываний как на уровне слов(оформ), так и на уровне фраз в синтаксисе, и так называемое «позднее вставление» (Late Insertion). Порождение высказывания начинается с построения полного синтаксического дерева, поднимаясь от корней и включая вершины, соответствующие отдельным морфемам. После порождения синтаксического дерева происходит вставление словарных единиц (Vocabulary Insertion) — наполнение узлов синтаксического дерева фонологическим материалом. Вершины синтаксического дерева представлены либо лексемами, либо признаками или комбинациями признаков. До момента озвучивания применяются также некоторые «специфически морфологические» операции, такие как морфологическое вставление (Morphological Merger), обеднение (Impoverishment), недоспецификация (Underspecification), слияние (Fusion), расщепление (Fission).

РМ в последние годы стала достаточно популярной среди лингвистов генеративного направления и сильно развила свой понятийный и теоретический аппарат. Не углубляясь в детали РМ, упомянем одну важную ее особенность. Согласно этой теории, все корни лишены указания на категориальную принадлежность. Ярлыки N, V, A и проч. являются результатом присоединения акатегориального корня к вершинам n, v, a и т. д. С одной стороны, такой подход позволяет объяснить частеречную омонимию, часто наблюдаемую, например, в английском, китайском и других языках, ср. англ. *hand* ‘рука’ / ‘передавать’, кит. *yǎnchū* ‘показывать’ / ‘представление’ и т. д. В терминах РМ такие случаи частеречной омонимии анализируются как результат присоединения нулевой категориальной морфемы к акатегориальному корню:

- (1) a. [_n Ø [_v *hand*]] — ‘рука’ b. [_v Ø [_v *hand*]] — ‘передавать’

Подобный подход подвергается критике и переосмыслению в рамках другой теории семейства M=C, а именно в концепции Хагит Борер, см. [Borer 2005a; 2005b; 2014]. Придерживаясь тех же, что и в РМ, взглядов на связь морфологии и синтаксиса, то есть предполагая существование синтаксической структуры «all the way down», вплоть до корня, Борер тем не менее несколько иначе подходит к проблеме деривационной (= рекатегоризирующей) морфологии.

Одно из наблюдений Борер заключается в том, что вторичное прикрепление нулевого деривационного показателя к фонологически непустой деривационной морфеме невозможно, ср.: **to salutation*, **a crystalize* [Borer 2014]. Это свидетельствует о том, что (нулевая) деривационная морфология избирательна, что отличает ее от деривационных морфем, имеющих фонологическую реализацию. Действительно, в случаях [_n Ø [_v *hand*]], [_v Ø [_v *hand*]] нулевые n и v могут соединяться с акатегориальным корнем. В случаях [_n -ation [_v *salut*]], [_v -ize [_a Ø [_n *crystal*]]] *salut(e)* и *crystal* являются глаголом и именем соответственно,

² «В основе HPSG лежит не только синтаксис. Нет посылки, что синтаксис первичен, и морфология — его часть».

т. к. *-(a)tion* может оформлять только глаголы, а *-ize* — только имена. Оказывается, таким образом, что фонологически выраженные деривационные морфемы могут присоединяться к нулевым деривационным показателям, в то время как нулевые показатели не могут оформлять фонологически непустую деривационную морфологию. Это вынуждает Борер сомневаться в реальности элементов $[_n \emptyset]$, $[_v \emptyset]$ и т. п.

Другое важное замечание Борер носит концептуальный характер: иметь две нулевых морфемы с разными функциями, как это представлено в (1), не вполне приемлемо, если мы требуем от нашей системы удовлетворять принципу экономии. Внося, таким образом, некоторые коррективы в систему деривационной морфологии, теория Борер тем не менее последовательно придерживается подхода $M=C$.

Системы РМ, Х. Борер и некоторых других авторов фокусируются именно на объяснении морфологических явлений. В то же время в современной генеративной грамматике есть ряд постулатов, предложенных и использующихся в основном синтаксистами, в основе которых лежит подход в духе $M=C$. Среди таких постулатов, прежде всего, можно упомянуть так называемый «зеркальный принцип» (Mirror Principle), см. [Baker 1985], и иерархию функциональных проекций Г. Чинкве, см. [Cinque 1997]. Как зеркальный принцип, так и иерархия функциональных проекций стремятся уподобить расположение морфологических показателей в словоформе расположению аналитических форм в структуре простой предикации.

Несколько упрощая картину, можно сказать, что исследователи, работающие в терминах современной генеративной грамматики, пытаются в основном «рассмотреть» морфологию в синтаксисе, найти следы отображения/распределения морфологии в структуре клаузы. Ниже, при анализе русского материала, мы пойдем несколько иным путем — постараемся усмотреть следы синтаксической организации морфологии.

1.3. Морфология \approx Синтаксис

Некоторое промежуточное между $M=C$ и $M \neq C$ положение занимает морфология в представлении Рэя Джекендоффа. Несмотря на то, что Джекендофф был одним из первых исследователей, разработавших так называемую X' -теорию, которая легла в основу современного формального синтаксиса (в том числе и нетрансформационных теорий типа LFG или HPSG), см. [Jackendoff 1977], его взгляды на место синтаксиса в языковой системе впоследствии претерпели существенные изменения.

Согласно [Jackendoff 1997], архитектура языковой системы включает три независимых модуля: фонологию, синтаксис и семантику. Морфологии в такой системе отводится вспомогательная функция: она является «подмодулем» фонологического, семантического и синтаксического компонентов. Синтаксический компонент, таким образом, играет гораздо менее важную роль в системе Джекендоффа — синтаксис оказывается одним из трех независимых языковых модулей. Взгляды Джекендоффа во многом напоминают лексикализм: в предлагаемой им архитектуре языковой способности синтаксис представлен как «фразовый синтаксис» наряду со «словарным синтаксисом», соответствующим морфологии. Это, однако, не означает (как в случае РМ), что морфологическая структура порождается в процессе синтаксической деривации, скорее, наоборот, синтаксис по Джекендоффу напоминает механизм создания идиом: из морфем получаются слова точно так же, как из слов — фразы (ср. также грамматику конструкций в различных ее вариантах, HPSG и другие нетрансформационные синтаксические теории).

Итак, морфология у Джекендоффа оказывается уподоблена синтаксису, но сам синтаксис вовсе не рассматривается как процедура рекурсивного бинарного ветвления, представленного универсальной операцией Merge. Роль синтаксиса заключается в осуществлении взаимодействия между фонологией и семантикой, а вместо рекурсивности³ и бинарности используется тематическая иерархия, см. [Jackendoff, Culicover 2005].

³ Критику рекурсивности как результата действия исключительно синтаксиса см. в [Jackendoff 2011].

Взгляд Джекендоффа на морфологию как словарно-синтаксический (word-syntactic) модуль, не совпадающий с фразовым синтаксисом (phrasal syntactic), характерен для системы, предлагаемой в [Ackema, Neeleman 2004; 2007]. Акема и Неелеман критикуют подход, принятый в «синтаксических» моделях морфологии за то, что предсказания последних зачастую не оправдываются.

Одним из главных концептуальных аргументов в пользу M=C обычно считается наличие приоритета в морфологической структуре: если, например, показатель отрицания присоединяется после показателя каузатива, то значение словоформы — ‘не сделал P’, а если показателя каузатива находится поверх показателя отрицания, значение — ‘сделал не P’. Однако, как полагают авторы, такого же эффекта можно добиться, если считать, что морфология является подмодулем синтаксического компонента и иерархичность структуры характерна для обоих языковых компонентов (и морфологии, и синтаксиса).

По мнению Акемы и Неелемана, отсутствие границ между морфологией и синтаксисом предполагает, в частности, возможность выдвижения отдельных элементов морфологической структуры в синтаксисе. Такое ожидание, однако, не оправдывается — в качестве примера авторы приводят следующие английские конструкции:

- (2) английский [Ackema, Neeleman 2007: 333]
- a. *the centre* [of [a [prosperous medieval [city [in Northern Italy]]]]]]
 - b. **the [city_i centre]* [of [a [prosperous medieval [t_i [in Northern Italy]]]]]]

Выдвижение *city* из структуры в (2b) невозможно, так как аппозитивные конструкции (compounds) образуются до синтаксического уровня и «непрозрачны» для него.

Не во всем соглашаясь с аргументацией Акемы и Неелемана, мы в целом разделяем их воззрения на морфологию как подмодуль синтаксиса, непрозрачный для него. С другой стороны, как мы постараемся показать ниже, материал русского языка демонстрирует симметрию в устройстве синтаксиса и морфологии. Такие свойства, как продуктивность морфологических процессов, наличие в них иерархичности, релевантность порядка элементов, направления ветвления и другие характеристики, присущие синтаксису, оказываются важными и в морфологии.

2. Организация сложных слов в русском языке

2.1. Модели образования сложных прилагательных

2.1.1. Продуктивные модели

В отечественной лингвистике, где словообразование на определенном этапе было выделено в отдельное направление, анализу сложных слов посвящено достаточное количество исследований, см. прежде всего работы Е. А. Земской [1992; 2011], а также статью [Федорова 2015], типологически ориентированное исследование И. А. Муравьевой [2004] и др. Ниже мы будем ориентироваться на материал «Русской грамматики» 1980 г. [РГ-80], иногда дополняя его примерами из Интернета.

Рассмотрим некоторые продуктивные модели образования сложных прилагательных, см. также [РГ-80: §754—780], упорядоченные по типу составляющей, образующей сложное слово. В (3) приводятся различные модели на основе именной группы, в (4) — на основе группы глагола, в (5) — на основе предложной группы:

- (3) a. Adj+N: *высокогорный, равнобедренный, легкоатлетический, южноафриканский, глубоководный, сахарносвекольный, высокоэнергетический...*
- b. Num+N: *одноразовый, двухъярусный, дву(х)топливный, четырехколесный... первоклассный, второсортный, третьестепенный...*

- (4) a. V+DO: *водоотводный, кормозаготовительный, теньвыносливый... звуковоспроизводящий, металлообрабатывающий, нефтеперекачивающий...*
- b. V+IO: *электроосветительный, пуленепробиваемый, энергопитаемый, электроуправляемый... электродвижущий, топливоснабжающий, книготоргующий, домовладеющий...*
- c. V+PP: *судоходный, мореходный, водоплав(атель)ный, центробежный... водоплавающий, воздухоплавающий, землеходящий...*
- (5) P+N: *приморский, построчный, заоблачный, настенный, придорожный, международный, послеобеденный...*

Вопрос, который будет интересовать нас далее, — образование сложных слов с применением более чем одной модели.

2.1.2. Границы продуктивности моделей

Ниже мы приводим примеры, в которых сочетается сразу несколько моделей, перечисленных в предыдущем пункте:

- (6) a. Num+Adj+N: **двухвысокоярусный, *трехравносторонний, *многозначный*
- b. DO: Adj+N+V: **глубоководотводный, *сахарносвеклозаготовительный, *цельнометаллообрабатывающий*
- c. IO: Num/Adj+N+V: **высокоэнергозависимый, *дву(х)домовладеющий, *дву(х)топлив(н)оснабжающий*
- d. P+Num/Adj+N: **забелооблачный, *прикрасноморский, *надвустенный*
- e. PP+V/Adj: **замореходный, *отцентробежный, *насудоходный*
vs. ^{OK}*мореходный, OKцентробежный, OKсудоходный*

В (6a) осуществлена попытка сочетания в сложном слове числительного, прилагательного и имени. При том, что грамматичны как отдельные сложные слова *двухъярусный/высокоярусный, трехсторонний/равносторонний, многозначный/разнозначный*, так и именные группы *два высоких яруса, три равных стороны, много разных значений*, итоговое сложное слово оказывается неграмматичным.

Аналогично в (6b) при грамматичности отдельных сложных слов *глубоководный/водотводный* и т. д. и синтаксических сочетаний глагола и распространенного прямого объекта *отводить глубокую воду* и т. д., предполагаемое трехчастное сложное слово оказывается неграмматичным.

В (6c) имеем комбинацию прилагательного и имени, образующих именную группу, которая, в свою очередь, попадает в позицию косвенного объекта. При грамматичности отдельных сложных слов и синтаксических конструкций трехчленное сложное слово снова оказывается невозможным.

В (6d) и (6e) приведены образования с участием предложных групп. В (6d) оказываются неграмматичными комбинации предлога, прилагательного или числительного и вершинного имени, ср. *белооблачный/заоблачный, за белым облаком*, но **забелооблачный*. В (6e) представлен достаточно интересный контраст между неграмматичными сочетаниями предлогов, существительных и управляющих ими глаголов (**замореходный, *отцентробежный, *насудоходный*) и вполне приемлемым сочетанием тех же элементов в том же значении, где предлог, однако, опущен (*мореходный, центробежный, судоходный*).

В АГ-80 принят подход, в соответствии с которым и «опорный компонент», и «компонент, предшествующий опорному» [РГ-80: § 756], определяются как основы. Иначе говоря,

сложные слова по РГ-80 состоят из основ, а не словосочетаний. Как мы покажем несколько ниже, это на самом деле так, хотя и требует специального объяснения.

Действительно, представленный нами выше список продуктивных моделей говорит о том, что образование сложных слов происходит по тем же законам, по которым образуются именные, глагольные и предложные группы. Более того, интерпретация сложных слов подчиняется тем же правилам, что и интерпретация соответствующих им синтаксических единиц⁴.

Так, например, в случаях типа *глубоководный*, *двухъярусный* отношения между второй и первой основой представляют собой семантическую пару «модификатор — предикат», а в случаях типа *водоотводный*, *водоснабжающий* — пару «аргумент — предикат». Правила композиции здесь в точности те же, что и в синтаксисе исходных составляющих: *глубоководный* означает, например, не ‘глубокий и наполненный водой’, а ‘тот, который встречается/используется/... в глубине воды’. Так же *водоотводный* соответствует не значению ‘вода, которая отводит’⁵, а ‘тот, который отводит воду’.

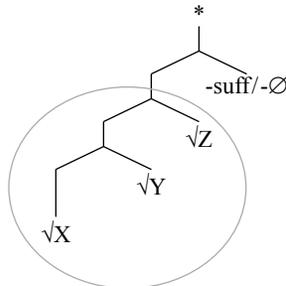
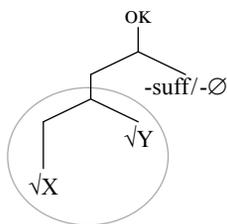
Итак: i) в основе сложных слов лежат синтаксические составляющие определенного типа; ii) комбинации более чем двух моделей образования сложных слов невозможны, иными словами — в каждое сложное слово не может входить более одной составляющей.

2.2. Ограничения на образование сложных слов

2.2.1. Ограничение на количество ветвлений

На основании приведенного выше обсуждения можно сформулировать следующее наблюдение:

- (7) Наблюдение об ограничении на количество ветвлений сложных слов:
Сложные слова могут образовываться только на уровне синтаксического вложения, равного одному:
а. ^{ок} деривация с двумя основами б. *деривация с тремя основами

Таким образом, наше предварительное обобщение состоит в том, что обнаруженный запрет на невозможность сочетания двух моделей образования сложных слов связан с невозможностью образования (более чем одной?) синтаксической составляющей⁶.

⁴ Это наблюдение подсказано нам Е. А. Лютиковой.

⁵ Вернее, если учесть, что комбинация корней *водоотвод* далее оформляется суффиксом *-н*, значение — ‘водный, такой, что отводит’ (уточнение одного из рецензентов).

⁶ Естественно, контраргументы представляют собой немецкие композиты и, например (уточнение одного из рецензентов), сложные слова в санскрите. Однако и за пределами русского, например в английском, голландском и др. языках, подобное ограничение релевантно. Автор не готов в данной статье распространять предлагаемый им анализ на весь типологически доступный современному лингвисту языковой материал. Задача, которая ставилась в этой работе, — на русском материале показать, что синтаксис как минимум *может* «внедряться» в морфологию. Что касается немецкого и санскритского материала, возможно, «глубина» этого «внедрения» там еще больше.

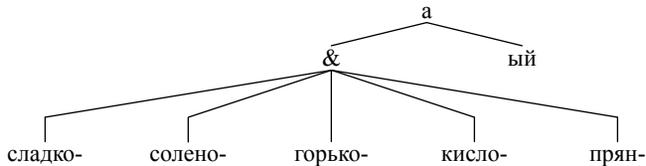
2.2.2. Случаи потенциального нарушения ограничения на количество ветвлений

Разберем несколько случаев, в которых предположительно нарушается сделанное нами обобщение. Первое потенциальное исключение представлено случаями, когда между отдельными основами, входящими в сложное слово, можно усмотреть отношение сочинения:

- (8) а. *А может ли быть вкус сладко-солено-горько-кисло-пряный?* (Интернет)
 б. *Целью исследований ставилось изучение малоцикловой выносливости **деревожелезобетонных** изгибаемых элементов в зоне совместного действия.*

Однако в той формулировке, в какой он был представлен выше, запрет на количество ветвлений здесь не нарушается. Действительно, несмотря на то, что каждый из примеров выше содержит три или более основы, синтаксическая структура всей составляющей — «плоская», так как отдельные основы в ней сочинены⁷ и ни одна не является вершиной для другой. Требование иметь не более чем одно ветвление, таким образом, удовлетворяется:

- (9) [а [& [сладко-][солено-][горько-][кисло-][прян-]] ый]

То же верно и для более сложных примеров:

- (10) *пылевлагодонепроницаемый, водоотталкивающий...*

В случаях типа *сладко-солено-горько-кисло-пряный* и *деревожелезобетонный* подчинительные отношения отсутствуют вовсе, т. е. все участники равноправны и ни один не является вершиной для другого. В случаях типа *пылевлагодонепроницаемый, водоотталкивающий*

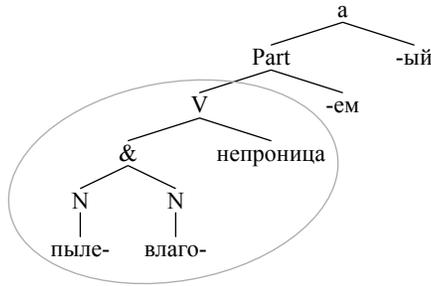
⁷ По замечанию одного из рецензентов, «“плоский” анализ сочинения не вписывается в X'-теорию и стандартный Merge в современных трансформационных теориях. Сейчас наиболее распространен анализ сочинения в терминах CoP». Как справедливо замечено далее, такой анализ не является общепринятым, см. [Borsley 2005]. Проблема, описанная рецензентом, действительно актуальна: операция Merge бинарна и плохо описывает случай объединения n равноправных (в той или иной степени) единиц. В пользу иерархичного анализа сочинения (= CoP) иногда приводятся такие факты как «некомпозициональность» некоторых грамматических характеристик, например числа. Существенным аргументом в пользу «плоского» анализа является отсутствие s-командования в сочиненных структурах, для чего сторонникам CoP также приходится вносить изменения в Merge, см. [de Vries 2003]. Аргументом против специфицированных сочинительных проекций является также наследование всей сочиненной группой категории и дистрибутивных свойств одной из вершин. Естественно, что среди сторонников лексикалистских теорий идея плоского сочинения более популярна, см., например, [Abeillé 2006] о предпочтительности сочинения вершин как операции типа $X_0 \& X_0 \rightarrow X_0$.

Рецензентом был также упомянут запрет на сочинение в морфологии: «Известно, что сочинять элементы слов в норме невозможно (**про-шёл* и *вёл*, ??*про- и переиёл*, хотя возможна языковая игра). Получается, наличие союза играет решающую роль? Но почему так?» Отмечу, что, по мнению некоторых исследователей, сочинение префиксов иногда оказывается возможно, ср. франц.: *pré ou post-industrielle* [Abeillé 2006], а также русские примеры типа *недо- и переоценённые группы с женским вокалом* (Интернет) и т. д.

Считая невозможным обсуждать в рамках данной работы обширную проблематику, связанную с анализом сочинения, мы примем плоский подход к структуре сочиненных составляющих.

отталкивающий и т. д. имеется одно (и только одно) ветвление, вложенное под деривационным показателем. В таких конструкциях сочиненная группа зависит от общей вершины:

(11) [_a [_{Part} [_V [& [_N *пыле-*][_N *влаго-*]] *непроница*] -ем] -ый]

Таким образом, предписание иметь не более одного ветвления выполняется в данном случае.

Еще один тип исключений представлен сложными числительными в сочетании с именами:

(12) *девятистотрехлетний, стодвадцатиграммовый...*

Как нам кажется, однако, все компоненты сложных числительных в действительности представляют одну основу, а не несколько. Это можно показать следующим образом. Порядковые числительные образуются от сложных числительных безо всяких ограничений:

(13) *девятистотретий, стодвадцатый, две тысячи пятнадцатый...*

В то же время никакие другие основы кроме основ числительных не могут образовывать порядковые числительные, например комбинации предлогов/модификаторов с числительными являются неграмматичными:

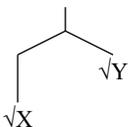
(14) **околодевятистый, *почтидвадцатый, *примернодесятый...*

Порядковые числительные, которые могут образовываться как от числительных с одной основой, так и от числительных с двумя и более основами, показывают, что комбинация нескольких числительных образуется в словаре и на самом деле представляет собой одну основу (а не несколько), ср. также *одинадцать, двенадцать* и т. д. Случаи типа *девятистотрехлетний* и т. п., следовательно, также не являются исключением из сформулированного выше ограничения.

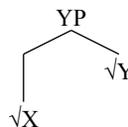
2.2.3. Ограничение на количество ветвлений: анализ

Мы объясняем установленное выше ограничение тем, что объединенные на морфологическом уровне основы не могут формировать составляющие. В случае более чем одного ветвления образование составляющих неизбежно по следующим причинам. Когда мы имеем дело с двухкомпонентной структурой «вершина — зависимое», два объединенных элемента еще не образуют категориально маркированную составляющую, т. е. результат их соединения в рамках сложного слова соответствует (15а), а не (15б):

(15) a. *[[√X]√Y]

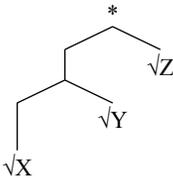
b. [[_{YP} [√X]√Y]√Z]

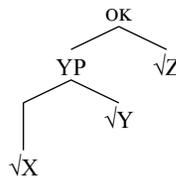
В случае трех иерархически упорядоченных элементов появляется еще одна вершина, которая должна «слиться» (Merge) с результатом соединения двух основ. При таком соединении вершина всегда должна «знать», какого типа элемент она берет в свои зависимые.

В частности, в случае (16a) основа категории Y соединяется с основой категории X. Таким образом, при последовательном слиянии трех элементов, каждый из которых является вершиной другого, третий элемент, т. е. самая «верхняя» из вершин, фактически «видит» экзоцентрическую структуру (16a). Очевидно, подобные образования неграмматичны: лексема Z не может получить информации о том, к какой именно категории принадлежит ее зависимое. Значит, в случае сочетания лексического словарного элемента (основы) и составного элемента (композиции двух основ) вершина обязательно должна присоединять эндоцентрическую структуру с проставленной фразовой категорией (16b), в то время как акатегориальные экзоцентрические комбинации основ оказываются неграмматичными (16a):

(16) а. $*[[\sqrt{X}]\sqrt{Y}]\sqrt{Z}$

б. $[[_{\text{YP}}[\sqrt{X}]\sqrt{Y}]]\sqrt{Z}$

Итак, комбинации из двух основ оказываются грамматичны, потому что они соединяются не с лексемами, а с морфемами, в то время как комбинации из трех основ не могут содержать в своем составе составляющих.

Последнее требование, т. е. необходимость содержать составляющие, вступает при этом в противоречие с тем, что вся конструкция целиком образуется в морфологии, т. е. не выходит за пределы слова⁸.

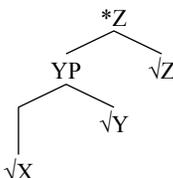
Все словоформы обладают статусом слова, X_0 , в то время как результат их объединения в составляющие имеет фразовую категорию XP. Различие категорий X_0 и XP обычно демонстрируется на примере местоимений: местоимения (XP) могут заменять лишь составляющие, но не слова:

(17) а. *Комнатные растения полезны для здоровья.*

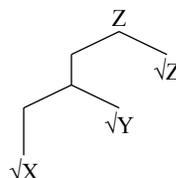
б. **Комнатные они полезны для здоровья.*

Поскольку словоформы обладают категорией X_0 и являются элементарным строительным материалом для образования составляющих, они не могут включать в свой состав сами составляющие (18a), а должны состоять только из единиц категории X_0 (18b):

(18) а. $*[_Z[_{\text{YP}}[\sqrt{X}]\sqrt{Y}]]\sqrt{Z}$

б. $[_Z[[\sqrt{X}]\sqrt{Y}]]\sqrt{Z}$

⁸ Данные утверждения не распространяются на полисинтетические языки, которые с точки зрения логики данной работы могли бы быть представлены как «языки без морфологии». Подробное обсуждение подходов к морфологии в полисинтетических языках, однако, выходит за рамки этой работы.

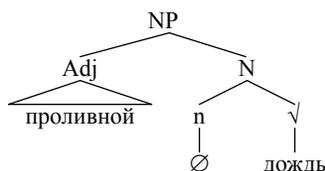
Структуры (16) и (18), таким образом, входят в противоречие. В соответствии с требованиями синтаксиса комбинации из более чем трех подчиненных основ должны маркироваться показателем составляющей. Это не удовлетворяет требованиям морфологии, оперирующей лишь с элементами уровня X_0 .

2.2.4. Ограничение на количество ветвлений и «лейблинг»

Операция присваивания составляющей некоторой категории называется «лейблинг» (labeling). В последние несколько лет вокруг лейблинга, процесса, позволяющего идентифицировать категорию группы⁹, идут достаточно горячие дискуссии.

Лейблинг в синтаксисе выполняет функцию, аналогичную, например, функции деривационных показателей в распределенной морфологии и некоторых других морфологических теориях, — присваивает ярлык акатегориальному элементу. Релевантность и важность этой процедуры для синтаксиса является столь же обсуждаемым вопросом, как и существование нулевых деривационных показателей и акатегориальных корней в распределенной морфологии. Отметим, что если принимать точку зрения, в соответствии с которой корни всегда акатегориальны и получают частичное маркирование от нулевых показателей [_n Ø], [_v Ø] и т. д., то эти же самые показатели оказываются в конечном итоге ответственны и за акатегориальное маркирование составляющих:

(19) [_{NP} [_{Adj} проливной] [_n Ø] [_v дождь]]

Вершина [_n Ø], превращающая акатегориальную основу [_v дождь] в имя, фактически создает маркер именной проекции, который впоследствии наследуется всей именной группой¹⁰. Оставляя несколько в стороне дискуссию о реальности нулевых деривационных показателей [_n Ø], [_v Ø] и т. д., опишем кратко теоретическую значимость лейблинга для синтаксиса.

Согласно работе Н. Хомского [Chomsky 2013], с рождением и развитием X^2 -теории в генеративной грамматике появилось универсальное правило построения структуры составляющей, всегда апеллирующее к понятиям «вершина» и «зависимое» (последние представлены спецификаторами, комплементами, адьюнктами).

С появлением минимализма [Chomsky 2000] на место X^2 -теории пришла универсальная операция слияния (Merge). Как утверждается в [Chomsky 2013], с введением операции слияния основания для априорного выделения вершины проекции исчезли. Слияние просто объединяет любые два элемента, независимо от их типа. Как это ни парадоксально, минимализм оказался лучше совместим с более ранними версиями порождающей парадигмы, где существовали правила фразовой структуры, которые не обязательно предполагали на следование типа составляющей от одной из ее частей, ср., например, правило $S \rightarrow NP VP$.

Лейблинг, с точки зрения [Chomsky 2013], таким образом, не обязательная операция. По Хомскому, Лейблинг возникает на уровне фазы, т. е. не в синтаксисе, а при озвучивании и интерпретации (части) синтаксической структуры. Лейблинг — условие на интерфейс, необходимое для корректной интерпретации, но не для разворачивания высказывания.

В некоторых случаях лейблинг обязателен, а в некоторых — невозможен. Тривиальным случаем первого типа является, например, результат слияния некоторой вершины

⁹ «identification of the category of a phrase» [Chomsky 2013: 37].

¹⁰ Здесь мы абстрагируемся от внутренней структуры адъективной словоформы.

и составляющей, {N, XP}, где источник присваиваемого ярлыка — всегда вершина N. К числу характерных случаев второго типа относятся сочинительные конструкции, которые по природе своей не эндоцентричны.

Лейблингу также посвящена монография американского синтаксиста Н. Хорнштейна [Hornstein 2009]. В соответствии с представлениями Хорнштейна, лейблинг является базовой синтаксической операцией, специфической для языковой способности человека. Возникновение лейблинга, по Хорнштейну, привело к появлению языковой способности и выделению человека в отдельный биологический вид. Операция слияния, согласно Хорнштейну, доступна и предкам человека, высшим приматам, в то время как присваивание ярлыка некоторой полученной в результате слияния сложной единице (т. е. лейблинг) — механизм, свойственный лишь человеческому синтаксису.

2.2.5. Лейблинг и отношения между морфологией и синтаксисом

Итак, ограничение на количество ветвлений позволяет нам установить две закономерности:

(20) а. Лейблинг внутри словоформы невозможен.

б. В морфологии доступны только единицы уровня X_0 , а не XP.

Такой подход подтверждается и примерами (9—11). Структуры с более чем тремя основными встречаются, но все они включают симметричные элементы и не эндоцентричны.

Следовательно, морфология способна оперировать элементами типа X_0 , причем правила их комбинации, как мы показали выше, регулярны и в целом напоминают таковые в синтаксисе. На основании этого можно предположить, что морфология является подмножеством синтаксиса, на котором не определена операция лейблинга. Из-за отсутствия лейблинга морфология может оперировать только вершинами, т. е. единицами категории X_0 . Чуть ниже мы более подробно обсудим процесс лейблинга, разделив его на категориальный и фразовый; пока же скажем, что отличие морфологии от синтаксиса лежит именно в области приписывания некоторому зависимому маркера фразы (а не категории).

Синтаксис тоже оперирует единицами типа X_0 , что выражается в так называемом передвижении вершин (head movement), см., например, [Matushansky 2006] и приведенные там ссылки. Примером последнего являются, в частности, передвижение смыслового глагола в вершину T (V-to-T), (21), или вставление вспомогательного глагола¹¹ в вершину C (T-to-C), (22):

(21) ФРАНЦУЗСКИЙ

Jean embrasse souvent t_v Marie.

‘Жан часто целует Мэри’.

(22) АНГЛИЙСКИЙ

Did John t_{did} kiss Mary?

‘Джон поцеловал Мэри?’

Причина доступности для морфологии только X_0 может также быть совершенно синтаксической. Если мы допустим, что: i) в сложных словах всегда присутствует деривационная морфология; ii) деривационные морфемы в русском языке не могут оформлять составляющих, — ограничение на количество ветвлений (= невозможность лейблинга) автоматически следует из сочетаемостных ограничений русских морфем. В этом отношении русский язык оказывается языком с «максимально ограниченной» морфологией и будет противопоставлен тем языкам, где морфологические показатели могут оформлять составляющие, ср., например, английский *’s*-генитив или тюркские фразовые морфемы комитатива и т. д.

¹¹ Как верно заметил один из рецензентов, «это может быть и смысловой глагол, ранее туда передвинувшийся».

Первое утверждение представляется достаточно правдоподобным. Во-первых, результат слияния двух основ остается акаатегориален, и, стало быть, его невозможно использовать в синтаксисе. Во-вторых, подавляющее большинство русских сложных слов содержит ненулевую деривационную морфологию: *левобережный, южнославянский, бумагоделательный, теньвыносливый*... В-третьих, регулярность причастных образований: *звукоизолирующий, электропитаемый*... также говорит и о продуктивности данной модели, и о необходимости специального маркирования нетипичной для глагольной основы синтаксической функции определения.

Второе ограничение также вполне естественно: синтаксические единицы обладают способностью к выбору типа элемента, с которым они сочетаются (ср. понятие валентности в отечественной лингвистике или *c-selection*, синтаксической селекции, — в западной). Запрет на присутствие XP в составе словоформы может быть продемонстрирован на примере личных местоимений (DP): деривационная морфология не может оформлять личные местоимения, ср.: **он-ный* ('такой как он'/'содержащий его/это'), **он-ство* ('бытие таким как он/это') и т. д.¹²

Итак, материал русских сложных слов показывает, что морфология скорее является не отдельным языковым модулем, а подмодулем синтаксиса, но ограничена типом элементов, операции над которыми в ней производятся. Морфология является «узким синтаксисом», которому недоступен лейблинг и вследствие этого — элементы фразового уровня.

Фактически то, что препятствует образованию сложных слов из более чем двух компонентов, — определение некоторой синтаксической единицы не как вершины, а как составляющей, т. е. лейблинг ее фразовым маркером ?P. Подробнее этот вопрос будет обсужден в 2.3.4, после дискуссии об ограничении на направление ветвления.

2.3. Ограничение на направление ветвления

2.3.1. Последовательно левое ветвление

На основании приведенных выше примеров сложных прилагательных можно сформулировать также следующее ограничение¹³:

(23) Наблюдение об ограничении на направление ветвления:

Все зависимые в сложных словах располагаются слева относительно вершины.

В случае именной группы расположение вершинного и зависимого элементов в сложных словах совпадает с таковым для словоформ в синтаксисе:

- (24) *высокая гора* → *высокогорный*
четыре колеса → *четырёхколесный*
мало ветвей → *маловетвистый*
вся Россия → *всероссийский*

Однако в случае глагольной группы порядок в сложных словах и в синтаксисе составляющих явно не совпадает. В то время как в простой предикации прямые и косвенные объекты,

¹² По замечанию одного из рецензентов, подобное возможно в грузинском языке. Опять-таки границы между морфологией и синтаксисом в грузинском могут не совпадать с таковыми в русском, что не отменяет возможности частичной организации морфологического модуля при участии синтаксиса, наблюдаемого на русском материале (и в грузинском, как ожидал бы автор, степень участия синтаксиса в морфологическом модуле еще более значительна).

¹³ Как отмечает один из рецензентов, для ряда европейских языков этот факт установлен уже А. Г. Нуреном (1854—1925).

а также сирконстанты располагаются справа от глагола, в сложных словах мы вновь находим левое ветвление:

- (25) *отводить воду* → *водоотводный*
пробивать пулей → *пуленепробиваемый*
ходить на судах → *судходный*

Покажем, что в глагольной группе действительно имеет место правостороннее ветвление. Это можно продемонстрировать, например, на объектах, выраженных элементами со сферой действия. При порядке VO предложения ниже имеют две интерпретации: i) 'не съедено три каких-то яблока' (а съедено, например, два) — так называемая широкая сфера действия отрицания и ii) 'есть некоторые конкретные три яблока, и они не съедены' — широкая сфера действия объектного квантора:

- (26) a. *Петя не съел три яблока.* i) Neg > 3 ii) 3 > Neg
 b. *Петя три яблока не съел.* i) *Neg > 3 ii) 3 > Neg

В случае порядка VO доступны оба прочтения, в случае OV — лишь одно, с широкой сферой действия объектного квантора. Принято считать, что «замораживание» сферы действия происходит в тех случаях, когда синтаксическая группа уже подверглась передвижению, см., например, [Antonyuk-Yudina 2009]. Таким образом, порядок с постпозицией объекта можно считать базовым для русского языка, а с препозицией — полученным в результате синтаксической деривации.

Прежде чем перейти к анализу описанных закономерностей, очень коротко остановимся на том, как решается проблема порядка слов в современной генеративной грамматике.

2.3.2. Порядок слов в современной генеративной грамматике и направление ветвления в сложных словах

В современной версии грамматики Хомского, минимализме, поверхностный линейный порядок словоформ является результатом взаимодействия двух процессов: i) слияния элементов в начале деривации (Merge) и ii) их передвижения (Move или Remerger) для согласования признаков (Agree). В генеративной грамматике Хомского выработано большое количество подходов, позволяющих получить определенный поверхностный линейный порядок (из базового порядка, не-/соответствующего поверхностному). В других формальных синтаксических теориях порядок слов более явно отражает порядок следования аргументов (забегая несколько вперед, скажем, что в исследуемом нами материале мы также не предполагаем синтаксических трансформаций).

Наиболее известной здесь является предложенная в [Kayne 1994] так называемая «аксиома линейного соответствия» (Linear Correspondence Axiom, АЛС)¹⁴. Согласно АЛС порядок порождения всех типов составляющих основан на универсальной X' - проекции и одинаков во всех языках: [Specifier [Head [Complement]]]. Комплемент, таким образом, всегда оказывается справа от вершины, и для объяснения, например, поверхностного порядка OV или феномена послеложной группы используются операции согласования и передвижения.

Похожа (и в чем-то опирается) на АЛС система, предложенная в рамках картографического подхода к синтаксису, см., например, [Cinque, Rizzi 2008]. Согласно картографической идее, базовый порядок синтаксических элементов также универсален, а наблюдаемый

¹⁴ Рецензенты единодушно усмотрели в данном утверждении выражение симпатий к гипотезе АЛС. Автор, однако, здесь имел в виду лишь то, что АЛС действительно пользуется большой популярностью среди минималистов. Сам же автор, уделивший большое время синтаксису языков с левым ветвлением, никогда не переоценивал данной гипотезы.

поверхностный порядок является результатом передвижений составляющих и так называемого передвижения остатка (*remnant movement*).

Другая группа подходов к порядку слов объединяется термином «линеаризация» (*linearization*). Основная идея линеаризации заключается в том, что выстраивание конечной линейной цепочки словоформ происходит на уровне фонологии, а не в синтаксисе. Такого взгляда придерживаются, например, Д. Фокс и Д. Песецкий, см. [Fox, Pesetsky 2005]. Упомянутая уже система Хорнштейна [Hornstein 2009], напротив, предполагает, что линеаризация происходит с самого начала синтаксической деривации за счет асимметричной операции слияния (*Merge*).

Поскольку в сложных словах мы имеем дело с элементами уровня X_0 , скажем, что основное средство упорядочивания вершин — (левосторонняя) адьюнкция, см. [Matushansky 2006]. В системе Матушанской предлагается синтаксический подход к передвижению вершин, и их упорядочивание, таким образом, происходит уже в синтаксисе. В исходной минималистской концепции Хомского [Chomsky 2000], однако, передвижение вершин не является синтаксическим процессом, а происходит на уровне фонологии.

Различие в расположении зависимых составляющих — прямых и косвенных объектов, а также предложных групп (правое ветвление), с одной стороны, и вершин (левое ветвление), с другой, скорее всего, связано с подъемом глагольной вершины в синтаксисе при образовании глагольной группы. В соответствии со стандартными представлениями современного формального синтаксиса¹⁵ глагольная вершина порождается в позиции *V*, откуда впоследствии передвигается выше по структуре в позицию малого *v*. Малое *v*, ответственное за лицензирование внешнего аргумента, имеется в глагольной группе, но отсутствует в сложных словах — подтверждением этому является невозможность субъектных сложных слов.

Порядок ветвления в сложных словах и в синтаксисе, таким образом, i) не определяется фонологической линеаризацией, ii) не связан с преобразованием структуры сложных слов. В соответствии с нашим анализом (и вопреки АЛС) зависимые (X_0) всегда располагаются слева от своей вершины. Правосторонним расположением объекта и т. п. мы обязаны процессам, происходящим уже в синтаксисе.

2.3.3. Ограничение на направление ветвления и лейблинг вершин

Итак, в случае, если моделью образования сложного слова является глагольная группа, ветвление в сложных словах левостороннее, а не правостороннее, как в синтаксисе. Похожей является и ситуация в случае отадъективных дериватов типа *морозостойчивый*, *энергоемкий*, *влагостойкий*, *солнцедоступный*, *трудоспособный* и т. д.: вторые части в них так же представляют собой вершины, располагающиеся справа от своих зависимых.

Если в сложных словах мы действительно наблюдаем последовательное левое ветвление независимо от того, какое направление ветвления имеется в «полном» синтаксисе, можно утверждать следующее: i) при образовании сложного слова известно, какая из основ является вершиной, а какая — зависимым; ii) при образовании сложного слова применяются некоторые правила упорядочивания вершины и зависимого, отличные от таковых в синтаксисе составляющих. Разберем по порядку эти и некоторые другие проблемы.

В упоминавшейся выше дискуссии о категориальном статусе основ были представлены две точки зрения. В соответствии с идеями РМ корни всегда акатегориальны, а основы приобретают категориальные значения от нулевых либо фонологически выраженных деривационных показателей. В теории Х. Борер нулевые показатели категории отсутствуют.

Необходимость категориальных показателей обосновывается при помощи понятия так называемой синтаксической селекции (*c-selection*, где *c* — *category, constituent* и т. д.), см. [Grimshaw 1991]. Действительно, откуда, например, у глагола появляется информация о том,

¹⁵ В первую очередь речь идет об исследователях, работающих в рамках минималистской программы.

что он присоединяет именные проекции (в определенном падеже)? Информация о синтаксической селекции, очевидно, должна в каком-то виде содержаться уже у основы — именно свойством основы является способность присоединять зависимое определенной категории (27) и в определенном падеже (28):

(27) *решить/задумать прогуляться* vs. *предложить/рекомендовать прогулку*

(28) *подчинять/контролировать кого/что* vs. *командовать/управлять кем/чем*

Отметим, что способность присоединять зависимое определенной категории не меняется при переходе словоформы в другой лексический класс, т. е. действительно принадлежит к числу свойств основы:

(29) *решение/задумка прогуляться* vs. *предложение/рекомендация прогулки*

Можно сделать вывод, что корень уже каким-то образом обладает информацией о составляющей, которую будет присоединять, а именно — о типе ее проекции (именная группа/группа инфинитива), падеже (винительный или какой-либо из косвенных) и т. д.

Отдельно отметим, что селекция применяется не просто к типу категории, но и к типу проекции: нам важно знать не только то, что именная, глагольная или адъективная проекция выбирается вершиной, но и каков, например, падеж данной именной проекции. Однако падеж, как известно, есть свойство составляющей — он приписывается всей группе в целом и распространяется на отдельные ее части, см., например, предложенные на материале русского и других славянских языков подходы [Babby 1986; Franks 1994] и последовавшие за ними работы.

Здесь мы сталкиваемся с определенным противоречием. Если селективные ограничения на категорию составляющей и ее (падежные и проч.) признаки есть у корня, то корень должен требовать конкретного падежа и типа составляющей не только в «большом» синтаксисе, но и при образовании сложных слов. В то же время, если отбросить некоторые единичные исключения¹⁶, можно утверждать, что никаких падежных признаков зависимая основа не несет. Более того, часто она не может содержать даже деривационной морфологии, ср.:

(30) *^{??}гигантскоголовый* vs. *большеголовый*

**опасностеносный* vs. *вредноносный*

**жидкостеотводный* vs. *водоотводный*

**энерги[j]епитаемый* vs. *электропитаемый*

**строени[j]евладеющий* vs. *домовладеющий*

**детстволобивый* vs. *жизнелюбивый*

¹⁶ Рецензент указал здесь на следующие исключения: i) сложные слова: *сумасшедший, сногшибательный, ничегонеделанье, себялюбивый, себевластный*; ii) «все композиты, начинающиеся с числительных от 2 до 99, включая обозначения десятков: *десятисложных, двадцатиразрядный, двухкомпонентный* и т. п.»; iii) «*игриво-скерцозный, пузырьчато-кранчатый* и т. д.», т. е. случаи сочинения. Примеры всех трех групп автору известны и действительно требуют отдельного упоминания. Наиболее простым является случай (iii): сочиненные сложные слова представляют собой безусловное исключение из ограничений на морфологию на зависимом слове. Примеры группы (i), как полагает автор, являются заимствованиями (достоверно это можно утверждать лишь про *себевластный*, встречающееся в древнорусском, см. [Срезневский 1983] и заимствованное, скорее всего, из старославянского) либо результатом калькирования (*себялюбивый*, возможно, образовано от *себялюбие*, предположительно калькированного из немецкого, см. [Виноградов 1994]). Про группу (ii) можно сказать,

Первая основа в сложных словах, таким образом, обычно представляет собой корень без каких-либо показателей (исключения из этого правила, впрочем, не редки, хотя и ограничены: *финскойязычный, перистолистный, горнодобывающий, воднолыжный, верхне-мецкий* и т. д.). В то же время, как мы говорили выше, семантические отношения в сложных словах всегда прозрачны и совпадают с таковыми в синтаксисе. Так, например, перед основой существительного-вершины в сложных словах должны идти зависимые основы прилагательных или числительных, перед глагольной основой идут зависимые основы имен и т. д. Селективность, таким образом, сохраняется, но она выполняется не для составляющих, а для основ: вершина сложного слова должна присоединять основы той же категориальной принадлежности, которой обладают зависимые от нее составляющие в «большом» синтаксисе.

Итак, последовательно асимметричное расположение вершин и зависимых позволяет нам говорить о том, что i) собственно отношение «вершина — зависимое» определено уже в самом начале деривации, на уровне элементов X_0 ; ii) корни (зависимых X_0) уже обладают категориальной принадлежностью.

Данные русских сложных слов, таким образом, подтверждают, что операция слияния асимметрична, как это было принято в стандартных версиях минимализма, см. [Chomsky 2000; Hornstein 2009] и вопреки высказанному позже в [Chomsky 2013] утверждению о том, что слияние не приводит к образованию эндоцентрических конструкций.

Еще один интересный результат можно сформулировать, сравнивая селективные ограничения основ для «большого» (XP) и «малого» (X_0) синтаксиса. А именно: селективные ограничения X_0 -синтаксиса являются подмножеством таковых у XP-синтаксиса.

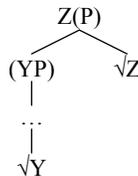
Таблица

Селективные ограничения на зависимое

Синтаксис	XP	X_0
Категория зависимого (проекция зависимого)	N, V, Adj...	N, V, Adj...
Тип словоформы	падеж, нефинитная форма...	—

Из данного наблюдения есть одно возможное следствие для «большого» синтаксиса. Можно предположить, что синтаксис «выбирает» (с-selects) не составляющие определенной категории, а именно вершины, над которыми впоследствии надстраиваются сами проекции. Синтаксис XP тогда отличается тем, что он накладывает дополнительные ограничения на тип составляющей (падеж, нефинитная форма...), которые нерелевантны для X_0 -синтаксиса. Схематическое представление результата слияния вершины с ее зависимым (составляющей, вершиной) дано ниже:

$$(31) [_{Z(P)} [_{(YP)} [\dots \sqrt{Y}]] \sqrt{Z}]$$

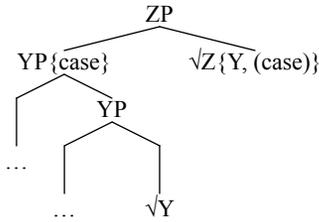

что этот случай — единственный, в котором словоизменительная морфология действительно присутствует, более подробно этот материал проанализирован в работе [Гращенков (в печати)].

Подобная общая схема имеет следующие реализации для случая синтаксиса составляющих и синтаксиса вершин (морфологии):

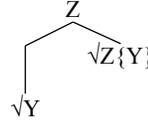
(32) а. XP-синтаксис

$[_{XP} [_{YP\{case\}} \dots [_{YP} \dots [\sqrt{Y}]]] \sqrt{Z} \{Y, (case)\}]$

б. X₀-синтаксис

$[_Z [\sqrt{Y}] \sqrt{Z} \{Y\}]$

Вершина Z (N/V) выбирает проекцию типа Y (Adj, Num.../N). Данное ограничение («валентность» на Y) является обязательным: Z всегда выбирает либо вершину Y, либо ее проекцию YP. В случае если перед нами составляющая, YP, вершина накладывает также дополнительное ограничение — на поверхностную реализацию YP (тип падежа, нефинитной формы и т. д.).

Итак, селективные ограничения вершин могут быть представлены не в терминах фраз, а в терминах ядерных узлов (X₀), которые могут (но не обязаны) быть развернуты до максимальных проекций (XP).

2.3.4. Ограничения на количество ветвлений, направление ветвления и лейблинг составляющих

Последнее сделанное нами утверждение приходит в противоречие с одной из предыдущих посылок — утверждением о том, что лексический элемент имеет обязательную валентность на XP определенного типа, см. (16). Уточним эту посылку. Наше исходное допущение необходимо переформулировать так, чтобы оно было совместимо со следующими фактами: i) грамматичностью сложных слов с подчинением из двух частей; ii) грамматичностью сложных слов с сочинением из любого количества частей; iii) неграмматичностью сложных слов с подчинением из трех и более частей; iv) способностью лексических вершин получать информацию о категории зависимого как от вершин, так и от составляющих.

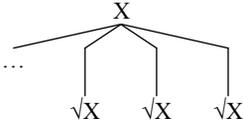
Валентность на XP состоит из двух частей: i) тип категории (X); ii) указание о том, что зависимое является фразой, а не вершиной (?P). Как следует из предложенного здесь подхода, именно первое условие является обязательным. Одновременно с этим мы считаем, что фразовый статус зависимого есть не что иное, как механическое следствие присутствия в нем более чем одной вершины¹⁷. Можно предположить, что маркирование показателем вершины (X) и присваивание фразовой категории (?P) — разные процессы.

При сочинении отдельных элементов имеет место только присваивание категориального ярлыка, но не маркирование фразовой категорией. Это связано с тем, что структура является плоской: в ней нет последовательного подчинения, которое давало бы статус фразы. В то же время все сочиненные вершины (при образовании сложных слов) — одной категории, которая также присваивается всему сочинительному комплексу (33а).

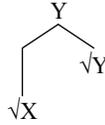
У подчинительных составляющих не более чем из двух частей есть маркер результирующей категории, но нет фразового маркера (33б). У подчинительных составляющих из трех и более частей есть и категориальный маркер, и маркер их фразового статуса (33с):

¹⁷ Опять-таки принимая по умолчанию «плоский» анализ сочиненных составляющих, см. сноску 7.

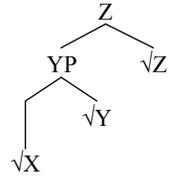
(33) a.

b.

c.

Можно предположить, что маркирование некоторой единицы как проекции (?P), а не вершины (33с) происходит следующим образом. Некоторая лексическая вершина Z, присоединяя определенный элемент, должна знать i) его категорию; ii) состоит ли он лишь из вершины или имеет ветвящуюся вниз структуру. Информация о ветвлении (?P) либо его отсутствии (X_0) необходима для установления отношений доминирования, структурного приоритета и т. д. Таким образом, каждая следующая вершина проверяет не только то, какой категории ее зависимое, но и то, заканчивается ли на нем ветвление вниз. Если заканчивается, зависимому присваивается категория X_0 , если нет — XP, независимо от особенностей дальнейшего ветвления.

Значит, наше исходное допущение о том, что при трех последовательно подчиненных основах последней вершине требуется «знать», какую XP она присоединяет, верно. Необходимо было лишь уточнить, что категория X присваивается XP благодаря специальной операции лейблинга, а фразовый статус появляется автоматически в результате того, что максимально доминирующая вершина «смотрит» вниз по структуре, обнаруживает там более одного ветвления, из-за чего зависимому добавляется фразовый маркер ?P.

Итак, важным, на наш взгляд, результатом является добавление механизма лейблинга составляющей. Именно присваивание ярлыка ?P, происходящее «от противного» — всем элементам, не являющимся X_0 -вершиной, — и отличает, как представляется, ветвление в морфологии от ветвления в синтаксисе.

Наконец, упомянутая выше идея РМ о связи категориального маркера проекции и морфологического деривационного показателя, присваивающего (акатегориальному) корню тип составляющей, находит отклик в нашей системе. Основа (X_0) распространяет категориальный признак на всю составляющую (XP), которую она проецирует, и опять-таки (зависимая) основа выбирается при слиянии с другой лексической основой, которая будет вершиной после слияния двух основ или основы и составляющей.

Можно было бы предположить, что в такой системе категориальное маркирование всей составляющей является избыточным. Действительно, если селективный признак может быть удовлетворен типом категории вершины, категория составляющей избыточна. Однако категориальное маркирование составляющих представляется важным для «большого» синтаксиса — последовательного циклического передвижения (successive cyclic movement), аргументного передвижения (A-movement) и т. д. — эти проблемы, однако, выходят за рамки морфологических явлений.

2.3.5. Ограничения на количество и направление ветвлений: промежуточные итоги

Итак, перечислим результаты обсуждения установленных выше запретов на количество и направление ветвления: i) частеречные категории основ доступны с самого начала деривации; ii) как лексическая основа, так и деривационный морфологический показатель должны «знать» категорию вершины составляющей, которую они присоединяют; iii) категориальное маркирование предопределяет расположение основ в составе сложного слова; iv) однократное слияние основ не приводит к маркированию фразовым показателем, для этого необходимо двукратное (или более) слияние основ при подчинении одной основы другой.

Прокомментируем вкратце пункт (ii). Как было сказано, в случае лексических основ, которые присоединяют некоторое зависимое, категория основы важна при выборе и интерпретации зависимого (ср. *двудомный* vs. *дваждырожденный*), а также — для определения его расположения относительно вершины. Категориальная селекция свойственна также и суффиксам. Например, суффиксы *-(ч)ат-*, *-ист-*, см. [РГ-80: §637—642], принимают только существительные — свойство, которое сохраняется и при оформлении сложных слов (*бородавчатый* — *двухколенчатый*, *крахмалистый* — *тонкослоистый*). Напротив, причастные суффиксы *-(е/о)м-*, *-(я/а/ю)щ* образуют сложные прилагательные только от глаголов (*водонепроницаемый*, *водоотталкивающий*). Категориальная селективность у суффиксов, таким образом: i) столь же действенна, как и «валентность» на определенную категорию у лексем; ii) сохраняется при переходе к сложному слову.

2.3.6. Сложные слова с предлогом

Определенное исключение для каждого из двух перечисленных выше ограничений представляет употребление предлогов в сложных словах. Во-первых, предлоги не располагаются справа от зависимых, как другие вершины:

- (34) *заоблачный, приморский, построчный, настенный, придорожный, международный, послеобеденный...*

Во-вторых, предлоги хотя и не нарушают напрямую запрета на количество ветвлений, (35a—b), все же допускают случаи образования сложных слов из сочетания глагола и обстоятельного участника, выраженного предложной группой, где сам предлог не получает поверхностной реализации, (35c):

- (35) a. **забелооблачный, *прикрасноморский, *надвустенный*
 b. **помореходный, *отцентробежный, *насудоходный*
 c. *мореходный (ходить по морю), центробежный (бежать от центра), судоходный (ходить на судне), воздухоплавающий (плавать по воздуху), землеходящий (ходить по земле)...*

Предлоги принято считать вершинами предложных групп по той причине, что они присваивают падеж зависимой от них именной группе. Однако в составе сложных слов падеж не может быть выражен. В то же время семантические отношения между предлогом и именем остаются неизменными. В случае предлога и существительного, *заоблачный...* предлог конкретизирует нахождение объекта относительно ориентира. В случае глагольных сирконстантов, *мореходный...* фонологически невыраженный предлог задает способ передвижения, обозначаемого глагольной основой. В обоих случаях функция предлога — задавать или конкретизировать семантическую роль участника, вводимого существительным.

Сформулированные еще в 80-х гг. критерии вершинности, см. [Hudson 1980; Zwicky 1985] можно разделить на грамматические и семантические. Грамматические критерии неприменимы к сложным словам из-за того, что они накладывают ограничения на морфологическую форму, а в сложных словах морфология у зависимых фактически отсутствует.

Семантические критерии вершинности — это (связанные между собой) критерии обязательности и дистрибутивного эквивалента. Критерий обязательности гласит, что из двух синтаксически связанных элементов вершиной является тот, употребление которого обязательно. Критерий дистрибутивного эквивалента говорит о том, что для каждой составляющей существует один элемент, который эквивалентен всей составляющей и именно он является вершиной. В именных группах, составленных из существительного и прилагательного, например, вершиной является существительное — именно его употребление обязательно и именно оно представляет собой всю составляющую.

Подобный взгляд на образование составляющих был представлен в цитируемой выше работе [Grimshaw 1991], см. также [van Riemsdijk 1998]. В [Grimshaw 1991] предполагается, что предлоги являются частью расширенной проекции существительного. Действительно, в аргументных или адьюнктивных предложных группах (*зависеть от солнца, ходить по морю*) глагол присваивает семантическую роль (актанта или сирконстанта) существительному и проецируемой им именной группе. Предлог здесь выполняет вспомогательную функцию — он помогает уточнить семантические отношения между вершинами и накладывает морфосинтаксические ограничения на форму зависимого.

Как показывают примеры *мореходный, центробежный, судоходный, воздухоплавающий, землеходящий* и т. д., предлог может быть опущен. Можно предположить, что обязательным элементом и/или дистрибутивным эквивалентом в предложных группах является существительное. Предлог, в соответствии с анализом в [Grimshaw 1991], мы будем считать элементом расширенной проекции существительного.

Действительно, семантические отношения предлога с именной и глагольной вершинами в корне отличаются от семантических отношений имени и его атрибутов или глагола и его аргументов. В случае отыменной или отглагольной вершины проецируемые ими зависимые имеют строго определенную семантическую функцию. В случае имени это сужение экстенционала (прилагательное), квантификация (числительные) и т. д. В случае глагола выбирается зависимое, заполняющее его семантическую валентность или наречие, модифицирующее передаваемое им событие.

В случае конструкций с предлогом выбор (с-selection) зависимого (= предлога) осуществляется либо существительным (*заоблачный*), либо глаголом и существительным (*мореходный*). В сложных словах типа *заоблачный*, предлоги необходимы, так как они являются единственным источником информации о семантической роли. В случаях типа *мореходный*... семантическая роль присваивается глаголом всей именной проекции, поэтому предлог может быть опущен, а его значение восстановлено прагматически.

Итак, предлог не является вершиной из-за того, что он не выбирает (с-selects) существительного в качестве зависимого. Напротив, такой выбор осуществляет имя — оно является вершиной в случаях типа *заоблачный*, поэтому и располагается справа от предлога. Таким образом, данные случаи не являются нарушением запрета на направление ветвления.

В случаях типа *мореходный* третий элемент — предлог — не просто не выражен фонологически, а отсутствует и в синтаксической структуре. Поэтому данные случаи не являются нарушением запрета на количество ветвлений.

Можно привести следующий аргумент в пользу того, что вершиной в сложных прилагательных типа *заоблачный* является существительное. Как мы показали выше, в сложных словах вершинный элемент распространяет свое значение категориального признака на результат слияния двух элементов. В случаях сочетания существительного и прилагательного, существительного и числительного таким элементом является имя. Продемонстрируем это на примере суффиксов *-ист* и *-(ч)ат*, которые имеют ограниченную сочетаемость и соединяются только с существительными:

(36) а. (*грубо*)зернистый, (*тонко*)волоконистый, (*мелко*)щетиניстый...

б. (*дву*)створчатый, (*трех*)зубчатый, (*четыре*)коленчатый...

Можно утверждать, что сложные прилагательные с *-ист* и *-(ч)ат* ведут себя так же, как и сочетания одиночных именных основ с данными суффиксами. Иными словами, суффиксы *-ист* и *-(ч)ат* обладают способностью выбирать (только) основы категории существительного как в случае одиночных именных основ, так и в сложных словах.

Категория существительного так же определяет дистрибуцию по отношению к деривационному суффиксу и в случае сложного слова. Так, в примерах ниже присоединение предлога не влияет на сочетание именной основы с суффиксом:

(37) *(при)дорожный, (при)каспийский, (между)народный, (после)обеденный...*

Случаи несовпадения формы сложного прилагательного и соответствующей ему формы простого прилагательного (*приморский — морской, настенный — стенной*) связаны с выбором акцентной парадигмы, т. е. относятся к фонологическому компоненту. Выбор суффикса *-н, -ск* и т. д., таким образом, является прерогативой существительного — наличие предлога никак не влияет на этот процесс.

Можно также сделать предположение о том, что предлоги вовсе не обладают собственным значением частеречного признака, см. схожую идею в [Grimshaw 1991]. Мы, однако, не будем подробно обсуждать здесь данную проблему, поскольку она выходит за пределы темы настоящей работы.

Подытоживая дискуссию о том, что именно является вершиной в сочетаниях предлога и существительного, можно сказать следующее. С точки зрения семантического выбора (*s-selection*) именно существительное (возможно, вместе с глаголом) выбирает предлог. Если говорить о категориальном выборе, то здесь также вершиной является существительное: его категориальная характеристика учитывается при дальнейшем ветвлении, как в «большом» синтаксисе, так и в сложных словах. Предлог проявляет селективные свойства лишь на уровне составляющих, ?Р, требуя от фразовой категории необходимой морфологической формы. С точки зрения предложенной выше модели, в которой категориальная принадлежность основы/составляющей является атрибутом корневого (X_0) синтаксиса, можно сказать, что в сложных словах, т. е. в X_0 -синтаксисе, вершиной однозначно является имя. Вершинные свойства предлога проявляются при переходе к синтаксису составляющих (ХР) — возникает дополнительное требование определенной поверхностной формы вершины (и вслед за этим — всей составляющей в целом).

2.4. Сочинение в сложных словах

2.4.1. Ограничение на сочинение вершин

Обсудим еще одну закономерность в образовании сложных слов, которая носит достаточно регулярный характер и в силу этого может быть интересна при синтаксическом взгляде на морфологию. В сложных словах, состоящих из вершины и зависимого, достаточно продуктивны образования с сочинением зависимых элементов:

(38) *черно- и желтолицый, двух- и четырехколесный, стале- и чугунолитейный, водо- и газоснабжающий, водо- и воздухопроницаемый, высоко- и среднеоплачиваемый...* (Интернет)

В этих примерах мы наблюдаем сочинение разных типов зависимых: прилагательных и числительных внутри именной группы, прямые и косвенные объекты, а также сирконстанты внутри группы глагола. Возможность образовывать сочиненные структуры в рамках сложных слов распространяется и на другие части речи, ср. *нефте- и газопереработка* и т. д. Подобное свойство — способность к сочинению — само по себе свидетельствует о синтаксической природе сложных слов. Достаточно показательны также примеры, где используются сочинительные средства (как фонологически, так и семантически) более сложные, чем одиночный союз *и*:

(39) а. *Над разномастными двух-, трех- и даже пятиэтажными кирпичными домами возвышались острые шпильки двух магических башен...* (Интернет)

б. *Двух, а иногда и трехуровневые гипсокартонные потолки с овалами или кругами...* (Интернет)

Нас, однако, будет интересовать некоторое ограничение, которое действует в сочиненных сложных словах. А именно: сложные слова, которые имеют общее зависимое при двух вершинах, представляются неграмматичными.

- (40) а. **черноглаз-* и *лицый*, **черноглазый* и *лицый*
 б. **двухколес/н-* и *местный*, **двухколесный* и *местный*
 с. **сталеплавиль/н-* и *литейный*, **сталеплавильный* и *литейный*
 д. **водоснабжа/ющ-* и *запасующий*, **водоснабжающий* и *запасующий*
 е. **воздухонепроница/ем-* и *наполняемый*, **воздухонепроницаемый* и *наполняемый*
 ф. **высококвалифицирова/нн-* и *оплачиваемый*, **высококвалифицированный* и *оплачиваемый*

То же верно и для слов других частей речи, ср.: **нефтепереработка* и *продажа*. Можно сформулировать следующее обобщение:

- (41) Наблюдение об ограничении на сочинение вершин:
 При образовании сложных слов допустимо лишь сочинение зависимых, а сочинение вершин невозможно.

Данное ограничение не распространяется, впрочем, на сложные прилагательные, образованные при помощи сочинения:

- (42) *воздушно-капельный, кислородно-водородный, огненно-красный, яично-желтый, каменисто-мусорный, зубно-губной, солено-сладкий, солнечно-мглистый, негодующе-гневный, железобетонный, французско-русский...*¹⁸

Как можно заметить, сочинение — если основа производная — возможно для основ, уже оформленных категориальным суффиксом, который при этом не обязательно совпадает: *каменисто-мусорный, солнечно-мглистый, негодующе-гневный...* Непроизводные основы могут сочиняться с производными: *яично-желтый, солено-сладкий*¹⁹... В то же время употребление «под общим» суффиксом невозможно и для сочиненных структур (ср. **двухколес-* и *местный* и т. п.):

- (43) **французо-русский, воздухо-капельный, зубо-губной...*

Это говорит о том, что единственный «уровень сборки» словоформ, лицензирующий сочинение — адъективная флексия. Общая адъективная флексия допустима для сочиненных прилагательных, что отличает их от других частей речи. Сочинение существительных невозможно ни под общим деривационным суффиксом (44), ни под общей флексией (45):

- (44) *окружить* и *уничтожить* → **окруже-уничтожение*
нарезать и *приготовить* → **нарезо-приготовление*
 (45) *окружить* и *уничтожить* → **окружене-уничтожение*
нарезать и *приготовить* → **нарезане-приготовление*

Адъективные флексии, таким образом, отличаются от прочих бóльшим количеством структуры.

¹⁸ Случаи *огненно-красный, яично-желтый* и им подобные, одна из интерпретаций которых — ‘красный как огонь’, ‘желтый как яйцо’, на наш взгляд, так же могут соответствовать бессоюзному сочинению ‘огненный, красный’, ‘яичный, желтый’ и т. д. Впрочем, возможно, модель, допускающая уподобительную интерпретацию с *как*, требует отдельного рассмотрения.

¹⁹ Суффикс *-(ь)к* непродуктивен в современном русском.

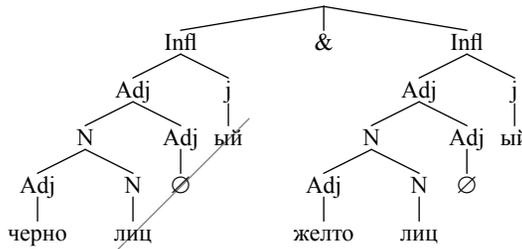
вещества и йодосодержащие вещества'. В случае (47a), таким образом, перед нами коллективное, а в (47b) — дистрибутивное прочтение.

Дистрибутивное прочтение явно указывает на структуру²⁰ с фонологической редукцией совпадающего материала, так как вершина (*содержащий*) может получать интерпретацию в составе каждого конъюкта: [[D1] H] & [[D2] H]. Напротив, наличие совместной интерпретации 'препарат, содержащий и железо, и йод' может свидетельствовать как об общем зависимом при одной вершине, так и о редукции материала из второй составляющей. Структура с фонологической редукцией не исключает прочтения, в котором удаляемый элемент анализируется эквивалентно в каждом из конъюнктов: 'препарат содержит йод и препарат содержит железо'.

Отсутствие тождественности у сокращаемого материала очевидно и по примерам *двух- и трехэтажные дома*, *двух- и трехуровневые кровати* и т. д. В этих случаях также возможно прочтение, предполагающее наличие двух типов объектов: *двухэтажные дома* и *трехэтажные дома* и т. д.

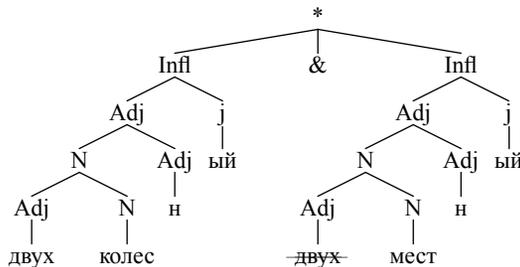
Итак, (грамматичному) сочинению зависимых в русских сложных словах соответствует следующая структура:

(48) [Infl [Adj [N [Adj *черно*] [N ~~лиц~~]] [Adj \emptyset]] [j *ый*]] & [Infl [Adj [N [Adj *желто*] [N *лиц*]] [Adj \emptyset]] [j *ый*]]

Если попытаться построить по тем же правилам (в действительности неграмматичные) случаи типа **черноглазый- и лицый*, **двухколесный- и местный* и т. д., необходимо также сочинять составляющие и элидировать потенциальные общие части:

(49) **[Infl [Adj [N [Adj *двух*] [N *колес*]] [Adj *н*]] [j *ый*]] & [Infl [Adj [N [Adj ~~двух~~] [N *мест*]] [Adj *н*]] [j *ый*]]*

²⁰ По замечанию одного из рецензентов, «есть, кроме того, случаи (в “большом” синтаксисе), где фонетическая редукция при дистрибутивном прочтении в принципе невозможна, например: *красный и белый флаги*. Здесь подразумеваются два флага, но при этом, разумеется, “флаги” восстановить в первой позиции невозможно... Так что ставить знак равенства между “дистрибутивным” прочтением и наличием эллипсиса я бы не стал». Скажем здесь следующее. Во-первых, возможен анализ, предполагающий произнесение вершины одной составляющей и присваивание признака множественного числа одному из конъюнктов в контексте сочинения. Во-вторых, автор также не возражает и против «узкого» анализа, предполагающего сочинение лишь зависимых конъюнктов без эллипсиса. Важно, чтобы в этом случае аналогичным был бы и анализ сочинения в «большом синтаксисе» (что, очевидно, и предлагает рецензент).

Подобные структуры неграмматичны по той же причине, по которой они не могут быть образованы и в «большом» синтаксисе. Действительно, возьмем именную группу *две большие елки и две маленькие елки*. В обоих случаях имеет место последовательно левостороннее ветвление, поэтому и запреты на сочинение ожидаются одинаковые. Если образовать высказывание с сочинительным сокращением по тем же правилам, что и в (48) выше, т. е. удалить лишь одно крайнее левое зависимое из второго конъюнкта, мы получим: *две большие елки и маленькие елки*. Очевидно, что данный пример не эквивалентен приведенному выше *две большие елки и две маленькие елки*, иными словами не может быть образован от него сочинительным сокращением²¹. Единственное отличие между *две большие елки и маленькие елки* и **двухколесный и местный* — в том, что первый случай грамматичен. Это объясняется отсутствием отдельных единиц **лицый*, **местный* ('имеющий n мест') и т. д.

Таким образом, сочинение, само по себе отождествляемое прежде всего с синтаксисом, не только применимо в сложных словах, но и подчиняется в этом случае тем же законам, что и при образовании именных групп. Заметим также, что сочинение, как и порядок основ, оказывается чувствительно к тому, какой элемент является вершиной, а какой — зависимым.

3. Заключение: синтаксис сложных слов и «большой» синтаксис

Выше мы рассмотрели некоторые ограничения на структуру сложных слов, связанные с количеством ветвлений, направлением ветвления, а также с сочинением внутри сложных слов.

Мы оттачивались от того, что в основе сложных слов лежат синтаксические составляющие определенного типа. При этом, как было обнаружено, комбинации более чем двух моделей образования сложных слов невозможны. Мы также установили, что зависимые в сложных словах всегда располагаются слева от своей вершины. Из этого следует, что отношение «вершина — зависимое» определено уже в самом начале деривации и что основы к этому моменту уже обладают определенной категориальной принадлежностью.

Мы предположили, что существует два типа лейблнга: категориальный (N, V, Adj...) и фразовый (X₀ vs. XP). Анализ русских сложных слов показывает, что в морфологии существует (и необходим) фразовый лейблнг, но невозможен при этом категориальный лейблнг. Таким образом, морфология, скорее, является не отдельным языковым модулем, а подмодулем синтаксиса, но ограничена типом элементов, операции над которыми производятся.

Основываясь на анализе сложных слов, мы сделали также некоторые предположения об устройстве «большого» синтаксиса, т. е. организации составляющих в простой предикации. Синтаксис XP-элементов отличается от синтаксиса X₀-элементов тем, что он требует, чтобы составляющие стояли в определенной морфологической форме (падеже, нефинитной форме...). Данное требование отсутствует в «малом» синтаксисе, т. е. при построении слов, так как элементами, которыми оперирует морфология, являются не словоформы, а основы, лишённые признаков падежа и т. д. Категориальное маркирование составляющих происходит уже на уровне корня и далее распространяется на всю проекцию, наследуясь при каждом следующем слиянии как внутри синтаксической вершины, так и за ее пределами.

Подобное «распределение обязанностей» было проиллюстрировано на материале предлогов и связанных с ними проекций. В предложной группе существительное является вершиной с точки зрения категориального признака всей проекции (N). В то же время предлог проявляет вершинные свойства, требуя от составляющей определенной падежной формы.

²¹ Один из анализов, предлагающих объяснение для невозможности интерпретации фразы *две большие и маленькие елки* как результата сочинительного сокращения с элиминацией числительного, приводится в [Maxwell, Manning 1996]. В данной работе предлагается анализировать сочинительные конструкции не как эллипсис некоторого количества материала из одной из составляющих, а как сочинение «малых», поверхностно представленных групп, «what you see is what you get». Автор благодарит рецензента за указание на этот источник.

Мы также сделали некоторые другие предположения о ходе синтаксической деривации, а именно: фразовый лейблинг является «побочным продуктом» последовательного слияния элементов. Однократное слияние не приводит к маркированию фразовым показателем, однако при двукратном (или более) слиянии результирующий элемент получает маркер составляющей ?Р. Составляющие — элементы, чья глубина равна двум или более ветвлениям, и их необходимо отличать от элементов X_0 для того, чтобы устанавливать в них отношения доминирования, с-командования и т. д. Наличие фразового ярлыка ?Р отличает, таким образом, «синтаксис синтаксиса» от «синтаксиса морфологии», оперирующей только X_0 -элементами.

О синтаксической природе (сложных) слов свидетельствует также способность к сочинению и ограничения, налагаемые на результирующие словоформы. Например, сочинение, как и порядок основ, оказывается чувствительно к тому, какой элемент является вершиной, а какой — зависимым.

Итак, и в синтаксисе, и в морфологии (по крайней мере — в той части морфологии, которая обслуживает образование сложных слов) действуют одни и те же правила слияния элементов. Различие между ними — в том, какого рода «строительный материал» используют эти правила. В то же время отдельные элементы словоформы оказываются недоступны для синтаксиса, т. е. синтаксис при порождении высказывания берет из морфологии уже готовый материал.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

&	— сочиненная составляющая	Neg	— отрицание
a	— проекция прилагательного	Num	— числительное
Adj	— прилагательное	P	— предлог
DO	— прямой объект	Part	— причастие
Infl	— группа флексии	PP	— предложная группа
IO	— косвенный объект	V	— глагол
N	— существительное		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Виноградов 1994 — Виноградов В. В. История слов. М.: Изд. Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН, 1994. [Vinogradov V. V. *Istoriya slov* [The history of words]. Moscow: Vinogradov Russian Language Institute Publ., 1994.]
- Гращенков (в печати) — Гращенков П. В. Сложные прилагательные и выбор синтаксического формализма. [Grashchenkov P. V. *Slozhnye prilagatel'nye i vybor sintaksicheskogo formalizma* [Compound adjectives and the choice of syntactic formalism]. Forthcoming.]
- Земская 1992 — Земская Е. А. Словообразование как деятельность. М.: Наука, 1992. [Zemskaya E. A. *Slovoobrazovanie kak deyatel'nost'* [Word formation as an activity]. Moscow: Nauka, 1992.]
- Земская 2011 — Земская Е. А. Современный русский язык. Словообразование. М.: Флинта, Наука, 2011. [Zemskaya E. A. *Sovremennyyi russkii yazyk. Slovoobrazovanie* [The Modern Russian language. Word formation]. Moscow: Flinta, Nauka, 2011.]
- Казенин 2011 — Казенин К. И. Проблема «размеров» конъюнктов в русском языке: данные некоторых типов сочинительных конструкций // Вопросы языкознания. 2011. № 4. С. 46—60. [Kazenin K. I. The issue of conjuncts' «size» in Russian: Some types of coordinative constructions. *Voprosy jazykoznanija*. 2011. No. 4. Pp. 46—60.]
- Муравьева 2004 — Муравьева И. А. Типология инкорпорации. Дисс. ... докт. филол. наук. М.: РГГУ, 2004. [Murav'eva I. A. *Tipologiya inkorporatsii. Dokt. diss.* [A typology of polysynthesisism. Doct. diss.]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2004.]
- РГ-80 — Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Русская грамматика в 2 т. М.: Наука, 1980. [Shvedova N. Yu. (ed.). *Russkaya grammatika* [Russian grammar]. In 2 vol. Moscow: Nauka, 1980.]
- Срезневский 1893 — Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка по памятникам. В 3-х томах. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1893. [Sreznevskii I. I. *Materialy dlya slovarya drevnerusskogo yazyka po pamyatnikam* [Materials for the Old Russian dictionary based on literary texts]. In 3 vol. St. Petersburg.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1893.]

- Федорова 2015 — Федорова Л. Л. Сложные прилагательные неотчуждаемой принадлежности в русском языке // Московский лингвистический журнал. 2015. Т. 17. Вып. 2. С. 61—74. [Fedorova L. L. Compound adjectives of inalienable possession in Russian. *Moskovskii lingvisticheskii zhurnal*. 2015. Vol. 17. No. 2. Pp. 61—74.]
- Abeillé 2006 — Abeillé A. In defense of lexical coordination. *Empirical Issues in Syntax and Semantics*. 2006. Vol. 6. Pp. 7—36.
- Ackema, Neeleman 2004 — Ackema P., Neeleman A. *Beyond morphology: Interface conditions on word formation*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Ackema, Neeleman 2007 — Ackema P., Neeleman A. Morphology ≠ Syntax. *The Oxford handbook of linguistic interfaces*. Ramchand G., Weiss Ch. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2007. Pp. 325—352.
- Antonyuk-Yudina 2009 — Antonyuk-Yudina S. Long-distance scrambling, VP ellipsis, and scope economy in Russian. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 2009. Vol. 15. No. 1. Available at: <http://repository.upenn.edu/pwpl/vol15/iss1/>.
- Aronoff 1994 — Aronoff M. *Morphology by itself: Stems and inflectional classes*. (Linguistic Inquiry monograph series, 22.) Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Babby 1986 — Babby L. H. The locus of case assignment and the direction of percolation: Case theory and Russian. *Case in Slavic*. Brecht R. D., Levine J. S. (eds.). Columbus: Slavica Publishers, 1986. Pp. 170—219.
- Baker 1985 — Baker M. The Mirror Principle and morphosyntactic explanation. *Linguistic Inquiry*. 1985. Vol. 16. Pp. 373—416.
- Bobaljik 2012 — Bobaljik J. D. *Universals in comparative morphology*. Cambridge (MA): MIT press, 2012.
- Bonami, Crysmann (forthcoming) — Bonami O., Crysmann B. The role of morphology in constraint-based lexicalist grammars. *Cambridge handbook of morphology*. Hipsley A., Stump G. T. Cambridge: Cambridge Univ. Press.
- Borer 2005a — Borer H. *In name only. Structuring sense*. Vol. I. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Borer 2005b — Borer H. *The normal course of events. Structuring sense*. Vol. II. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Borer 2014 — Borer H. *Taking form. Structuring sense*. Vol. III. Oxford: Oxford Univ. Press, 2014.
- Borsley 2005 — Borsley R. Against ConjP. *Lingua*. 2005. Vol. 115. Pp. 461—482.
- Chomsky 1970 — Chomsky N. Remarks on nominalization. *Readings in English Transformational Grammar*. Jacobs R. A., Rosenbaum P. S. (eds.). Boston: Ginn, 1970. Pp. 184—221.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step: Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2000. Pp. 89—155.
- Chomsky 2013 — Chomsky N. Problems of projection. *Lingua*. 2013. Vol. 130. Pp. 33—49.
- Cinque 1997 — Cinque G. *Adverbs and functional heads: A cross-linguistic perspective*. New York: Oxford Univ. Press, 1997.
- Cinque, Rizzi 2008 — Cinque G., Rizzi L. The cartography of syntactic structures. *CISCL Working Papers*. 2008. Vol. 2. Pp. 43—58.
- Dalrymple 2001 — Dalrymple M. *Lexical Functional Grammar*. (Syntax and semantics, 34.) New York: Academic Press, 2001.
- Fox, Pesetsky 2005 — Fox D., Pesetsky D. Cyclic linearization of syntactic structure. *Theoretical Linguistics*. 2005. Vol. 31. No. 1/2. Pp. 1—46.
- Franks 1994 — Franks S. Parametric properties of numeral phrases in Slavic. *Natural Language and Linguistic Theory*. 1994. Vol. 12. No. 4. Pp. 597—674.
- Grimshaw 1991 — Grimshaw J. 1991. *Argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1991.
- Halle 1973 — Halle M. Prolegomena to a theory of word formation. *Linguistic Inquiry*. 1973. Vol. 4. Pp. 3—16.
- Halle, Marantz 1993 — Halle M., Marantz A. Distributed morphology and the pieces of inflection. *The view from Building 20*. Hale K., Keyser S. J. Cambridge (MA): MIT Press. Pp. 111—176.
- Hornstein 2009 — Hornstein N. *A theory of syntax: Minimal operations and UG*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2009.
- Hudson 1980 — Hudson R. A. Constituency and dependency. *Linguistics*. 1980. Vol. 18. No. 3/4. Pp. 179—198.
- Jackendoff 1977 — Jackendoff R. *X-Bar syntax: A study of phrase structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 1977.
- Jackendoff 1997 — Jackendoff R. *The architecture of the language faculty*. Cambridge (MA): MIT Press, 1997.

- Jackendoff 2011 — Jackendoff R. What is the human language faculty? Two views. *Language*. 2011. Vol. 87. No. 3. Pp. 586—624.
- Jackendoff, Culicover 2005 — Jackendoff R., Culicover P. *Simpler syntax*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2005.
- Kayne 1994 — Kayne R. S. *The antisymmetry of syntax*. (Linguistic Inquiry monograph series, 25.) Cambridge (MA): MIT Press, 1994.
- Kazenin 2010 — Kazenin K. Russian gapping: Against ATB. *Proceedings of Formal Studies in Slavic Linguistics 7.5*. Zybatov G. (ed.). Frankfurt am Main: Peter Lang. Pp. 85—100.
- Marantz 1997 — Marantz A. No escape from syntax: Don't try morphological analysis in the privacy of your own lexicon. *University of Pennsylvania Working Papers in Linguistics*. 1997. Vol. 4. Pp. 201—225.
- Matushansky 2006 — Matushansky O. Head-movement in linguistic theory. *Linguistic Inquiry*. 2006. Vol. 37. Pp. 69—107.
- Maxwell, Manning 1996 — Maxwell J. T., Manning Ch. A theory of non-constituent coordination based on finite-state rules. *Proceedings of the LFG '96 Conference*. Butt M., King T. R. (eds.), Stanford: CSLI Publications. Pp. 1—30. Available at: nlp.stanford.edu/manning/papers/coordination.ps.
- Pollard 1997 — Pollard C. *Lectures on the foundations of HPSG*. Ms. Columbus: Ohio State Univ., 1997. Available at: <http://lingo.stanford.edu/sag/L221a/cp-lec-notes.pdf>.
- Pollard, Sag 1994 — Pollard C., Sag I. A. *Head-driven phrase structure grammar*. Chicago: Chicago Univ. Press, 1994.
- van Riemsdijk 1998 — van Riemsdijk H. Categorical feature magnetism: The endocentricity and distribution of projections. *Journal of Comparative Germanic Studies*. 1998. Vol. 2. Pp. 1—48.
- Zwicky 1985 — Zwicky A. M. Heads. *Journal of Linguistics*. 1985. Vol. 21. Pp. 1—29.
- de Vries 2003 — de Vries M. Hierarchy in coordinate structures. *Germania et alia: A linguistic webschrift for Hans den Besten*. Van Riemsdijk H. (ed.). Groningen: Univ. of Groningen, 2003. Pp. 1—15.

Статья поступила в редакцию 18.01.2016.

ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ГРАММАТИКИ: СИНТАКСИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НЕОДНОЗНАЧНЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ*

© 2016

Дарья Алексеевна Чернова,
Наталья Анатольевна Слюсарь,
Вероника Константиновна Прокопеня,
Татьяна Евгеньевна Петрова,
Татьяна Владимировна Черниговская[®]

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург,
199034, Российская Федерация; [®]tatiana.chernigovskaya@gmail.com

Проблема построения грамматической структуры предложения при восприятии речи — одна из центральных для психолингвистики. Синтаксически неоднозначные предложения, в которых грамматика допускает построение нескольких различных структур, дают возможность рассмотреть факторы, на основе которых совершается выбор интерпретации, и тем самым становятся инструментом для изучения механизмов синтаксического анализа. В статье представлена серия экспериментов на материале русского языка, полученные результаты могут быть вписаны в общую картину того, как идет синтаксический анализ при восприятии речи.

Ключевые слова: ментальная грамматика, синтаксическая неоднозначность, синтаксический анализ

EXPERIMENTAL STUDIES OF GRAMMAR: SYNTACTIC ANALYSIS OF AMBIGUOUS SENTENCES

Daria A. Chernova, Natalia A. Slioussar, Veronika K. Prokopenya,
Tatiana Ye. Petrova, Tatiana V. Chernigovskaya[®]

St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russian Federation;
[®]tatiana.chernigovskaya@gmail.com

Parsing in sentence processing is one of the key problems of psycholinguistics. Syntactically ambiguous sentences, which allow for several possible parses, give an opportunity to reveal the factors that guide the choice of the interpretation and thus become an instrument for studying sentence processing. In this paper we present several experiments with reference to Russian. The results may help to gain a better understanding of how syntactic processing may proceed.

Keywords: mental grammar, sentence processing, syntactic ambiguity

Введение

Одна из проблем, которые находятся в центре внимания современной психолингвистики, — построение грамматической структуры предложения при восприятии речи. Особую роль в изучении этого процесса играет исследование разрешения неоднозначности.

* Исследование поддержано грантом РГНФ №14-04-00586 «Экспериментальное изучение контекстуальных факторов, влияющих на процесс речевосприятия».

Синтаксический анализатор преобразует линейную цепочку словоформ в некую структуру в соответствии с правилами грамматики, но в случае неоднозначности, когда грамматика допускает построение нескольких различных структур, он оказывается в положении «визитя на распутье». Именно на таком материале можно получить интересные данные о стратегиях его работы.

Являются ли используемые при синтаксическом анализе стратегии универсальными для всех языков? Если да, то и стратегии разрешения неоднозначности должны быть одинаковы. Межъязыковые сравнения зачастую затруднены тем, что тот или иной тип неоднозначности встречается лишь в небольшом числе языков. Однако в тех случаях, когда подобные сравнения возможны, они обычно выявляют аналогичные предпочтения в различных языках. Исключением из этого правила являются предложения с адьюнктом, имеющим двух потенциальных «хозяев», например, два имени в сложной именной группе (*Доклад ученого, о котором я вам говорил*) или два предложения — главное и вложенное придаточное (*John said that Bill left yesterday* ‘Джон сказал, что Билл уехал(,) вчера’). Роль адьюнкта при сложной именной группе может играть придаточное предложение (*Я встретил служанку графини, которая жила в доме неподалеку*), причастный оборот (*Я встретился со служанкой графини, жившей в доме неподалеку*) или предложная группа (*Я встретил служанку графини со вздорным характером*). Исследования того, как носители языка интерпретируют неоднозначные предложения с адьюнктами-придаточными при сложной именной группе, проводились на материале нескольких десятков индоевропейских и неиндоевропейских языков (см., например, [Grillo, Costa 2014]), так как эта конструкция представляет особый интерес в контексте межъязыковых сопоставлений с выявлением универсальных правил и специфичных для конкретного языка параметров синтаксического анализа. Дело в том, что в ряде языков зависимый компонент чаще интерпретируется как относящийся к первому существительному (так называемое раннее закрытие, далее РЗ), а в ряде языков — ко второму (так называемое позднее закрытие, далее ПЗ). Вопрос о причинах такой вариативности остается открытым: она не объясняется генеалогическим родством или структурным сходством языков и противоречит представлениям об универсальности механизмов синтаксического анализа. Предпринимались попытки объяснить эту вариативность просодическими особенностями исследуемых языков [Fodor 1998], наличием или отсутствием в них определенных синтаксических конструкций [Grillo, Costa 2014], различным весом ряда факторов, влияющих на выбор РЗ и ПЗ [Gibson et al. 1996], частотностью рассматриваемых прочтений в корпусе [Mitchell et al. 1995]. Однако ни одно из предложенных объяснений не было признано исчерпывающим.

На материале русского языка неоднозначные предложения на примере конструкций с двумя вариантами присоединения придаточного (раннее и позднее закрытие) впервые были рассмотрены И. А. Секериной [Sekerina 2003]: по результатам опросника и эксперимента с регистрацией скорости чтения был сделан вывод о том, что для русского языка предпочтительным является раннее закрытие — отнесение адьюнкта, выраженного относительным придаточным предложением, к вершине именной группы, то есть предложение *Кто-то застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе* чаще интерпретируется носителем русского языка как «на балконе стояла служанка». Впоследствии эти данные были уточнены О. В. Федоровой, О. В. Драгой, И. С. Яновичем, М. В. Юдиной; в частности, были исследованы влияющие на интерпретацию факторы, в их числе длина и структура придаточного [Федорова, Янович 2005], объем рабочей памяти носителя языка [Fedorova, Yanovich 2006], влияние предшествующего контекста и рода входящих в именную группу существительных [Юдина 2006]. Предпочтение раннего закрытия также продемонстрировано в исследованиях О. В. Драгой [2006] на материале конструкций с трехсловной именной группой. Однако, несмотря на значительную проработанность темы на материале русского языка, остается ряд нерешенных вопросов. Так, О. В. Федорова отмечает, что предпочтение РЗ в русском языке спорно, интерпретация зависит от длины определительного

придаточного и может возникнуть «иллюзия РЗ», которая исчезнет при контроле длины адьюнкта [Федорова, Янович 2004], кроме того, различные экспериментальные методики зачастую дают разные результаты [Юдина и др. 2007]. Более того, как отмечено Л. Конечны и Б. Хемфорт [Konieczny, Hemforth 2000] и М. Тракслером [Traxler et al. 1998], предпочтение к типу закрытия может быть обусловлено типом самого адьюнкта. Соответственно, может оказаться плодотворным исследование адьюнктов разных типов. Русский язык отличается развитым словоизменением, в нем широко представлен такой тип синтаксической связи, как согласование, и исследование синтаксических процессов, неразрывно связанных с процессами морфологическими, особенно целесообразно на материале русского языка.

В данном исследовании рассмотрены закономерности интерпретации предложений с адьюнктом, выраженным причастным оборотом или предложной группой, при сложной именной группе. Во-первых, эти конструкции не содержат анафоры, а следовательно, дают возможность рассматривать собственно синтаксические процессы отдельно от процессов, связанных с анафорическим разрешением. Во-вторых, особенности словоизменения русских причастий (их согласование по роду, числу и падежу с определяемым словом) позволяют сопоставить интерпретацию неоднозначных предложений и предложений с разрешенной неоднозначностью, а значит, получить более полное представление о том, как используется морфологическая информация при синтаксической обработке. Предложения с разрешенной неоднозначностью имеют только одну правильную интерпретацию, однако, поскольку такие структуры представляют для синтаксического анализа сложность, в их обработке возможны сбои, которые могут и должны выступать как самостоятельный объект лингвистического анализа, поскольку могут читки, ослышки, неправильное толкование услышанного или прочитанного представлять собой ценный материал для изучения архитектуры речевого механизма [Русакова 2013].

При изучении синтаксического анализа интерес представляют два ключевых вопроса: на основе чего принимается решение об интерпретации конструкции и как разворачивается процесс обработки неоднозначной конструкции во времени, то есть, иными словами, может изучаться, с одной стороны, процесс интерпретации, а с другой стороны — ее результат. Результат языковой обработки дают возможность зафиксировать так называемые опосредованные экспериментальные методики (оффлайновые, «методики карандаша и бумаги»). Так, для получения данных о том, как было понято носителем языка неоднозначное предложение, может быть использована анкета с вопросами по содержанию прочитанных предложений или выбором подходящей перифразы [Секерина 1997]. Данные о ходе синтаксической обработки в реальном времени могут быть собраны с применением непосредственных, или онлайнowych, методик, регистрирующих скорость обработки того или иного стимула. В фокусе данного исследования находится именно выбор интерпретации неоднозначного предложения носителем языка; для изучения того, какие факторы могут влиять на выбор, использованы экспериментальные методики, предлагающие испытуемому выбрать подходящую интерпретацию предложения.

1. Эксперимент I. Опросник с выбором ответа: интерпретация предложений с причастным оборотом, в которых неоднозначность снимается за счет показателей падежа

В нашу задачу входило описание того, как носители русского языка воспринимают предложения с причастным оборотом при сложной именной группе, в которых потенциальная синтаксическая неоднозначность снята или не снята за счет падежных показателей¹.

¹ Эксперимент был предварительно проанализирован в [Чернова 2015].

1.1. Метод

Мы составили 24 набора стимульных предложений, в каждом из которых предложения предъявлялись в одном из трех условий: неоднозначном (1а), в условии РЗ (1б) или в условии ПЗ (1в). Неоднозначность снималась морфологически, при этом лексический состав изучаемой конструкции не менялся, а изменения в других частях предложения были минимальными. В неоднозначном условии первое существительное в сложной именной группе стояло в падеже, формы причастия которого омонимичны причастию в родительном падеже (для соответствующего числа и рода). В условиях РЗ и ПЗ первое существительное стояло в падеже, в котором причастия не совпадают с формой родительного падежа, таким образом неоднозначность снималась.

- (1) а. *На улице я столкнулся со служанкой графини, много лет жившей в доме неподалеку.*
 б. *На улице я встретил служанку графини, много лет жившую в доме неподалеку.*
 в. *На улице я встретил служанку графини, много лет жившей в доме неподалеку.*

При составлении стимульного материала мы учитывали факторы, которые, согласно предыдущим исследованиям, могут влиять на процесс обработки и интерпретации рассматриваемых конструкций, в частности ряд грамматических и лексико-грамматических характеристик входящих в конструкцию слов, а также некоторые просодические характеристики предложений.

1) Грамматические характеристики. Среди 24 составленных нами триплетов стимульных предложений в 12 использовались существительные мужского рода (2, 3) и в 12 — женского рода (4, 5), как в форме единственного (2), так и в форме множественного числа (3—5), при этом число и род существительных в сложной именной группе всегда совпадали.

- (2) *Свидетель упомянул напарника водителя, вчера видевшего это ограбление.*
 (3) *На конкурс выдвинули сотрудников институт, недавно получивших значительный грант.*
 (4) *Церковь высказалась против повестей писательниц, недавно выдвинутых на премию «Букер».*
 (5) *Эксперт разбирался в фотографиях находок, много лет хранившихся в городском музее.*

2) Лексико-грамматические характеристики. Поскольку существенную роль в интерпретации синтаксических отношений может играть лексико-грамматическая категория одушевленности, в стимульный материал вошло по шесть предложений в каждой из четырех возможных комбинаций существительных в сложной именной группе: сочетание двух одушевленных имен (2), одушевленного с неодушевленным (3), неодушевленного с одушевленным (4) и двух неодушевленных (5).

3) Просодические характеристики. Поскольку, согласно работе [Fodor 1998], длина адьюнкта может оказывать влияние на его синтаксическую интерпретацию, длина причастных оборотов во всех стимульных предложениях была примерно одинаковой (12—13 слогов).

4) Семантические характеристики. Так как в нашу задачу входит описание обработки предложений с неоднозначностью, не снятой контекстом, необходимо подтвердить, что вероятность каждой из интерпретаций прагматически приблизительно одинакова: например, что, с точки зрения носителя языка, в доме неподалеку может жить как служанка, так и графиня, что в музее могут храниться как сами находки, так и их фотографии и т. д.

Для этого был проведен вспомогательный эксперимент, в котором приняли участие 32 носителя русского языка в возрасте от 20 до 35 лет, не участвовавших в основном

эксперименте. Испытуемым предлагалось по четырехбалльной шкале (0 — очень плохо, никуда не годится, 1 — неестественно, скорее плохо, 2 — естественно, скорее хорошо, 3 — совершенно естественно, абсолютно приемлемо) оценить естественность предложений типа (6) и (7), отражающих интерпретацию примера типа (5):

(6) *В музее хранились фотографии.*

(7) *В музее хранились находки.*

Каждый испытуемый видел одно предложение из пары типа (6—7), таким образом, каждую интерпретацию оценили 16 человек. При сопоставлении средних баллов в каждой паре предложений было выявлено, что значимых различий нет, то есть стимулы могут считаться сбалансированными по степени прагматической вероятности двух возможных интерпретаций.

Эксперимент проводился в электронной форме с помощью сервиса webanketa.com. Испытуемым была дана инструкция прочесть предложения и ответить на вопросы по их содержанию. Каждое предложение предъявлялось на экране монитора, испытуемый читал его (без ограничения времени), а дочитав, нажимал на кнопку, после чего оно исчезало с экрана и появлялось задание продолжить фразу, выбрав один из двух вариантов ответа, например (8). Задания были связаны с интерпретацией неоднозначной конструкции. Порядок следования вариантов ответа к заданиям для всех предложений был случайным.

(8) *В доме неподалеку жила ... а) графиня б) служанка.*

Стимульный материал был распределен по трем экспериментальным протоколам по методу латинского квадрата, таким образом, в каждый протокол вошло 8 неоднозначных предложений, 8 предложений в условии РЗ и 8 предложений в условии ПЗ. Помимо 24 экспериментальных предложений, в каждый протокол было включено 32 предложения-филлера типа (9а), не содержащих неоднозначности (основная роль таких предложений заключается в том, чтобы скрыть от испытуемого цель эксперимента). После каждого филлера следовало аналогичное задание продолжить фразу, при этом в качестве вариантов предлагалось два слова, каждое из которых упоминалось в предыдущем предложении, например (9б):

(9) а. *Спектакль «Недоросль» по пьесе Фонвизина со стихами Юлия Кима воспринимался как политическая сатира.*

б. *Автор пьесы — ... 1) Ким 2) Фонвизин.*

Филлеры давали возможность отвлечь внимание испытуемого от однотипных стимульных предложений и потенциальной неоднозначности в них, так как на задания к предложениям-филлерам всегда был только один правильный ответ. Кроме того, большое количество ошибок в ответах на задания к предложениям-филлерам может свидетельствовать о невнимательности испытуемого и, соответственно, о нецелесообразности учета его ответов на задания к интересующим нас целевым экспериментальным предложениям.

В опросе приняло участие 60 испытуемых, носителей русского языка в возрасте от 18 до 35 лет. Ни один из испытуемых не сделал более одной ошибки в заданиях к предложениям-филлерам, поэтому при последующем анализе были учтены все данные.

1.2. Результаты эксперимента I

Полученные ответы рассматривались с точки зрения того, был ли причастный оборот отнесен к вершине именной группы («ответ РЗ») или к зависимому имени («ответ ПЗ»). Соотношение ответов на вопросы к неоднозначным предложениям представлено в табл. 1. В ходе статистического анализа было выявлено, что испытуемые значимо чаще относят зависимый компонент к первому имени, то есть к вершине именной группы ($\chi^2 = 10,85, p < 0,01$).

Таблица 1

Соотношение ответов на вопросы к неоднозначным предложениям (эксперимент I)

Одушевленность существительных	Ответы РЗ	Ответы ПЗ
Одуш.-одуш.	92 (78,6%)	25 (21,4%)
Одуш.-неодуш.	71 (60,7%)	46 (39,3%)
Неодуш.-одуш.	43 (36,3%)	75 (63,7%)
Неодуш.-неодуш.	77 (67,5%)	37 (32,5%)
Всего	283 (60,8%)	183 (39,2%)

Кроме того, применив метод логистической регрессии, мы установили, что распределение ответов зависит от того, являются ли входящие в сложную именную группу существительные одушевленными или неодушевленными. Значимым оказался фактор одушевленности первого существительного ($Z = 14,91$, $p < 0,01$), а также взаимодействие между этим фактором и фактором одушевленности второго существительного ($Z = 28,52$, $p < 0,01$). Иначе говоря, интерпретация с РЗ выбирается значимо чаще, если первое существительное в сложной именной группе одушевленное, а также если оба существительных совпадают с точки зрения одушевленности.

Интерес представляет также анализ ответов, полученных на задания к однозначным предложениям. В этих ответах допущено большое количество ошибок, при этом, как видно из табл. 2, ошибочных интерпретаций предложений с ПЗ существенно больше, чем ошибочных интерпретаций предложений с РЗ (в первом случае их 53,6 %, т. е. больше половины фраз интерпретировано неверно). Иначе говоря, предложение типа (1в) ошибочно интерпретируют как «в доме жила служанка» примерно вдвое чаще, чем предложение типа (1б) ошибочно интерпретируют как «в доме жила графиня». Это отличие статистически достоверно ($\chi^2 = 46,69$, $p < 0,01$). Это характерно для всех комбинаций существительных, за исключением сочетания неодушевленного существительного с одушевленным, где количество ошибок в интерпретации предложений с ранним и поздним закрытием почти совпадает: в этом контексте больше верных ответов на задания к предложениям с ПЗ, чем в остальных [Чернова 2014].

Таблица 2

Ошибки в ответах (эксперимент I)

Одушевленность существительных	Ошибки в условии РЗ	Ошибки в условии ПЗ
Одуш.-одуш.	21 (17,1%)	65 (53,6%)
Одуш.-неодуш.	23 (19,4%)	40 (33,1%)
Неодуш.-одуш.	32 (27,0%)	39 (32,1%)
Неодуш.-неодуш.	18 (15,4%)	47 (40,0%)
Всего	94 (19,7%)	191 (53,6%)

1.3. Анализ результатов эксперимента I

Полученные данные свидетельствуют о том, что при интерпретации неоднозначных конструкций с причастным оборотом при сложной именной группе в русском языке предпочтительным является РЗ. Большое количество ошибок при интерпретации предложений со снятой неоднозначностью тоже подтверждает наличие тенденции к РЗ: предложения с ПЗ интерпретируются неверно значительно чаще. Таким образом, действие общей стратегии соотносить адъюнкт с вершиной именной группы оказывается настолько сильным,

что в случае, если закодированная во флексиях морфологическая информация (в данном случае информация о падеже) свидетельствует о ПЗ, она часто игнорируется, что приводит к ошибочной интерпретации согласовательной связи и предложения в целом.

Трудность операции согласования для постпозитивных адъективных словоформ отмечается и при речепорождении: «Рассогласование с существительным адъективных словоформ, стоящих в постпозиции, является событием регулярным, а отнюдь не уникальным» [Русакова 2013: 339], при этом «провоцирует сбой дистантное расположение адъективной словоформы по отношению к существительному», поскольку «к тому моменту, когда говорящий осуществляет морфологическое оформление постпозитивной адъективной словоформы, он уже успеваеt “забыть” морфологические характеристики определяемого существительного» [Там же: 394]. Наши данные свидетельствуют о том, что аналогичное явление — вытеснение из рабочей памяти грамматических характеристик дистантно расположенного слова — характерно и для восприятия речи.

Однако в случае, если существительные в сложной именной группе не совпадают по одушевленности, проявляется другая тенденция — относить причастный оборот к одушевленному существительному. Таким образом, в неоднозначных конструкциях с неодушевленным первым и одушевленным вторым существительным причастный оборот значимо чаще относится ко второму имени, а в аналогичных однозначных предложениях количество ошибок в условии ПЗ практически такое же, как и в условии РЗ, а не вдвое больше. Иначе говоря, тенденция соотносить адьюнкт с одушевленным именем оказывается сильнее тенденции к РЗ.

Для уточнения полученных данных об учете морфологических показателей при синтаксическом анализе предложения нами был проведен еще один эксперимент, в ходе которого изучались особенности обработки морфологических показателей разных типов.

2. Эксперимент II. Опросник с открытым ответом: интерпретация предложений с причастным оборотом, в которых неоднозначность снимается за счет показателей падежа и числа

В задачу данного эксперимента входило изучение того, как обрабатываются морфологические показатели при синтаксическом анализе. В качестве материала были взяты неоднозначные предложения и предложения, где потенциальная неоднозначность снята за счет того, что причастие согласуется с определяемым словом по падежу (*Я упомянул служанку графини, периодически бывавшую/бывавшей в доме напротив*) и по числу (*Контролер посмотрел на попутчика пассажиров, ехавшего/ехавших без билета*).

2.1. Метод

В эксперимент вошло два блока стимулов. Первый блок содержал неоднозначные предложения с причастным оборотом при сложной именной группе, а также предложения, в которых неоднозначность, как и в предыдущем эксперименте, была снята за счет показателей падежа (10а—в). Всего было составлено 12 наборов из трех предложений. Они были распределены по трем экспериментальным протоколам по методу латинского квадрата, так что в каждый протокол вошло по четыре предложения в каждом из трех условий. Во всех предложениях имена существительные, входившие в состав сложной именной группы, были одушевленными. Длина причастного оборота составляла 7—9 слов.

- (10) а. *Конверт предназначался помощнику детектива, следившему за директором.*
 б. *Конверт предназначался помощнику детектива, следившего за директором.*
 в. *Конверт предназначался для помощника детектива, следившего за директором.*

Второй блок стимулов содержал неоднозначные предложения с причастным оборотом при сложной именной группе, а также предложения, в которых неоднозначность была

снята за счет показателей числа. Каждое предложение выступало в одном из шести условий, по числу возможных комбинаций существительных в единственном и множественном числе (11а—е). Всего было составлено 24 набора предложений, распределенных методом латинского квадрата по шести экспериментальным протоколам, в каждый из которых вошло по четыре предложения в каждом из шести условий. Во всех предложениях имена существительные, входившие в состав сложной именной группы, были одушевленными. Длина причастного оборота составляла 7—9 слогов.

- (11) а. *Контролер посмотрел на попутчика пассажира, ехавшего без билета.*
 б. *Контролер посмотрел на попутчиков пассажиров, ехавших без билета.*
 в. *Контролер посмотрел на попутчика пассажиров, ехавших без билета.*
 г. *Контролер посмотрел на попутчиков пассажира, ехавших без билета.*
 д. *Контролер посмотрел на попутчика пассажиров, ехавшего без билета.*
 е. *Контролер посмотрел на попутчиков пассажира, ехавшего без билета.*

Было составлено шесть анкет (стимулы первого блока повторялись в первой и третьей, второй и пятой, четвертой и шестой анкетах), в каждую, помимо 36 целевых предложений, вошло также 60 филлеров.

Эксперимент проводился в электронной форме с помощью сервиса webanketa.com. Испытуемым была дана инструкция прочесть предложение и ответить на вопрос по его содержанию. На экране появлялось предложение, прочитав которое, испытуемый нажимал на кнопку, после чего предложение исчезало с экрана и появлялся вопрос (*Кто следил за директором? Кто ехал без билета?*). Испытуемый вносил ответ в нужную графу и нажимал на кнопку, чтобы перейти к следующему предложению. Вариантов ответа испытуемому не предлагалось, чтобы не акцентировать его внимание на потенциальной неоднозначности. В отличие от использовавшегося в первом эксперименте задания с закрытым ответом, где испытуемому предлагалось выбрать один из двух вариантов, это задание позволяло зафиксировать и металингвистические суждения испытуемых, в частности, указание на неоднозначность предъявляемых предложений (если испытуемый замечал, что предложение может иметь две интерпретации, он мог это указать, в то время как опросник с закрытым ответом не давал такой возможности): нас интересовало, осознается ли синтаксическая неоднозначность носителем языка. Кроме того, отсутствие вариантов ответа снижало вероятность догадки испытуемого о цели эксперимента.

В эксперименте приняли участие 42 испытуемых от 20 до 65 лет. Ни один из испытуемых не сделал более двух ошибок в заданиях к предложениям-филлерам, поэтому при последующем анализе были учтены все данные.

2.2 Результаты эксперимента II

Полученные ответы рассматривались с точки зрения того, был ли причастный оборот отнесен к вершине именной группы («ответ РЗ»), к зависимому имени («ответ ПЗ») или же в ответе содержалось указание на неоднозначность («ответ НЕОДН»). В таблицах 3 и 4 приведены результаты по первому и второму блоку стимулов соответственно.

Таблица 3

Соотношение ответов в первом блоке стимулов (эксперимент II)

	Ответы РЗ	Ответы ПЗ	Ответы НЕОДН	Другое
Условие РЗ	115 (73,3%)	40 (25,5%)	1 (0,6%)	1 (0,6%)
Условие ПЗ	74 (48,4%)	78 (51,0%)	1 (0,6%)	0 (0,0%)
Условие НЕОДН	102 (61,1%)	59 (35,3%)	3 (1,8%)	3 (1,8%)

Таблица 4

Соотношение ответов во втором блоке стимулов (эксперимент II)

	Число двух существительных и причастия	Ответы РЗ	Ответы ПЗ	Ответы НЕОДН	Другое
Условие РЗ	ед.ч. + мн.ч. + ед.ч.	141 (92,2%)	11 (7,2%)	0 (0,0%)	1 (0,6%)
	мн.ч. + ед.ч. + мн.ч.	134 (84,8%)	21 (13,3%)	0 (0,0%)	3 (1,9%)
Условие ПЗ	ед.ч. + мн.ч. + мн.ч.	28 (17,5%)	131 (81,9%)	0 (0,0%)	1 (0,6%)
	мн.ч. + ед.ч. + ед.ч.	21 (13,1%)	138 (86,3%)	0 (0,0%)	1 (0,6%)
Условие НЕОДН	ед.ч. + ед.ч. + ед.ч.	96 (57,8%)	63 (38,0%)	7 (4,2%)	0 (0,0%)
	мн.ч. + мн.ч. + мн.ч.	95 (59,4%)	61 (38,1%)	3 (1,9%)	1 (0,6%)

Как видно из полученных данных, носители русского языка практически не замечают синтаксической неоднозначности в предъявляемых предложениях (только в 1,8 % ответов указано ее наличие при интерпретации предложений с варьированием показателей падежа и в 3% — при интерпретации предложений с варьированием показателей числа). Подтверждается ранее выявленная тенденция относить причастный оборот к вершине именной группы в неоднозначных контекстах. Ответов РЗ в неоднозначных контекстах значительно больше, чем ответов ПЗ (для первого блока стимулов: $\chi^2 = 5,85, p < 0,01$, для второго блока $\chi^2 = 7,2, p < 0,01$).

Наиболее информативными оказываются данные об ответах на вопросы к предложениям с разрешенной неоднозначностью: они свидетельствуют о том, что механизмы обработки падежных и числовых показателей различны. Так, предложения, где неоднозначность снята за счет показателей падежа, часто интерпретируются ошибочно: в среднем около 37 % ошибочных ответов. При этом ошибки допускаются неслучайным образом: предложения в условии ПЗ ошибочно интерпретировались как предложения с РЗ значительно чаще, чем предложения в условии РЗ ошибочно интерпретировались как предложения с ПЗ (48,4 % и 25,5 % ошибок соответственно, $\chi^2 = 17,2, p < 0,01$). Что касается предложений, где неоднозначность снята за счет показателей числа, в большинстве случаев носители языка интерпретируют их правильно: наши респонденты дали 87 % верных ответов. Немногочисленные ошибки в ответах на стимулы этой группы делаются случайным образом: значимой разницы между условием РЗ и условием ПЗ не выявлено ($\chi^2 = 3,4, p > 0,05$).

Таким образом, показатели числа оказываются более надежными при интерпретации согласовательных связей в предложении по сравнению с показателями падежа (число ошибок в интерпретации тех и других отличается почти в три раза). Это согласуется с данными о сбоях при порождении конструкций указанного типа: как отмечает М. В. Русакова [2013: 393—394], более чем 90 % случаев рассогласования постпозитивных словоформ с определяемым существительным приходится именно на категорию падежа. Такой тип рассогласования фиксируется достаточно часто, даже в печатных источниках, ср. в [НКРЯ]: *Редактура явно пришлась на ту часть, где предполагалось прописать процедуры обращения с боеголовками, снимаемых с носителей.* [Георгий Бовт. Буш прислушался к Путину в одном. Договор США станет испытанием для президента (2002) // «Известия», 2002.05.14].

Среди причин такого «невнимания» к падежным показателям, их «перцептивной невыпуклости», может быть характер передаваемых категорией падежа грамматических значений. Согласно А. М. Пешковскому, в отличие от числа как семантической категории падеж является категорией чисто синтаксической [Пешковский 1956: 32]. Разумеется, подобное противопоставление несколько упрощает реальное положение дел: известно, что падеж также несет семантическую нагрузку, кодируя семантические роли (ср.: *письмо сестры* и *письмо сестре*). Однако бесспорным остается положение о том, что семантическая нагруженность категории числа больше: числовые противопоставления (за исключением некоторых

периферийных значений граммемы числа) отражают противопоставления во внеязыковой действительности, в отличие от падежных граммем (словоформы *яблоко* и *яблоки* отсылают к разным денотатам, в то время как словоформы *яблоко* и *яблоку* — к одному и тому же). Русакова отмечает, что выбор падежа в процессе порождения высказывания обусловлен «сиюминутными» потребностями, а характеристика денотата в поле количества стабильна. Согласно нашим данным, такой сбой, связанный с «забыванием» падежных характеристик, происходит не только при порождении, но и при восприятии высказывания.

3. Эксперимент III.

Интерпретация предложений с предложной группой

При сложной именной группе возможен еще один тип адьюнктов — предложные группы. На материале немецкого языка [Konieczny, Nemforth 2000] было показано, что предпочтения при синтаксической интерпретации предложных групп отличаются от тех, которые наблюдаются при интерпретации придаточных предложений, поэтому представляется целесообразным включить их в рассмотрение и сопоставить особенности обработки адьюнктов разных типов в русском языке.

3.1. Метод

Для эксперимента было составлено 12 стимульных предложений с предложной группой, примыкающей к сложной именной группе. В половине предложений использовались существительные мужского рода (12, 15), в половине — женского рода (13, 14), а также были в равных пропорциях представлены все комбинации одушевленного и неодушевленного имени в сложной именной группе (12—15). Длина предложных групп составляла 6—7 слогов.

- (12) *Свидетель упомянул **напарника водителя в форменной одежде**.*
- (13) *Старушки говорили об **исполнительнице песни с высоким рейтингом**.*
- (14) *Критики восхищались **картиной художницы с оптимистичным настроем**.*
- (15) *Спасатели с трудом добрались до **подвала монастыря с толстыми стенами**.*

С целью подтвердить, что вероятность каждой из интерпретаций приблизительно одинакова с точки зрения прагматики, был проведен вспомогательный эксперимент, аналогичный тому, который проводился для оценки степени вероятности каждой из возможных интерпретаций стимула в эксперименте I. В нем 32 носителя русского языка в возрасте от 20 до 35 лет, не принимавших участия в основном эксперименте, оценили по четырехбалльной шкале (0 — очень плохо, никуда не годится, 1 — неестественно, скорее плохо, 2 — естественно, скорее хорошо, 3 — совершенно естественно, абсолютно приемлемо) естественность предложений типа (16) и (17), отражающих интерпретацию примера типа (12):

- (16) *Напарник был в форменной одежде.*
- (17) *Водитель был в форменной одежде.*

Каждый испытуемый видел одно предложение из пары типа (16—17), таким образом, каждую из интерпретаций оценили 16 человек. При сопоставлении средних баллов в каждой паре предложений было выявлено, что значимых различий нет, то есть стимулы могут считаться сбалансированными по степени прагматической вероятности двух возможных интерпретаций.

Эксперимент проводился в электронной форме с помощью сервиса webanketa.com. Испытуемым была дана инструкция прочесть предложения и ответить на вопросы по их

содержанию. Каждое предложение предъявлялось на экране компьютера, после нажатия кнопки оно исчезало и появлялось задание продолжить фразу, связанное с интерпретацией неоднозначной конструкции, например (18):

(18) *Форменная одежда была на ... а) напарнике б) водителе.*

Порядок следования вариантов ответа был случайным. Помимо 12 экспериментальных предложений, в анкету вошло 24 филлера типа (19а). После каждого из филлеров также следовало задание продолжить фразу, а в качестве вариантов предлагалось два имени существительных, каждое из которых упоминалось в предложении, например (19б):

(19) а. *Он вытащил из кармана перочинный нож и нарезал листок бумаги на тонкие полоски.*

б. *Он вытащил из кармана ... а) листок бумаги б) перочинный нож.*

В опросе приняло участие 85 испытуемых, носителей русского языка в возрасте от 18 до 35 лет. Ни один из испытуемых не сделал более одной ошибки в заданиях к предложениям-филлерам, поэтому при последующем анализе были учтены все данные.

3.2. Результаты эксперимента III

Полученные ответы рассматривались с точки зрения того, была ли предложная группа отнесена к вершине именной группы («ответ РЗ») или к зависимому имени («ответ ПЗ»). Соотношение ответов представлено в табл. 5. Анализ показал, что ответы распределены на случайном уровне, выраженного предпочтения того или иного варианта не наблюдается. Отсутствует также влияние фактора одушевленности входящих в конструкцию имен.

Таблица 5

Соотношение ответов в эксперименте III

Одушевленность существительных	Ответы РЗ	Ответы ПЗ
Одуш.-одуш.	126 (49,4%)	129 (50,6%)
Одуш.-неодуш.	104 (40,8%)	151 (59,2%)
Неодуш.-одуш.	128 (50,2%)	127 (49,8%)
Неодуш.-неодуш.	154 (60,4%)	101 (39,6%)
Всего	512 (50,2%)	508 (49,8%)

Выявленная для интерпретации конструкций с причастным оборотом тенденция к РЗ не проявилась при интерпретации предложных групп, что может быть вызвано различными причинами. С одной стороны, это может свидетельствовать о том, что в случае предложных групп выбор действительно случаен, т. е. никаких стратегий разрешения неоднозначности нет. С другой стороны, такое распределение ответов может быть вызвано конкуренцией противоречащих друг другу тенденций, например, тенденции к РЗ и описанной Дж. Фодор [Fodor 1998] тенденции относить короткий адьюнкт к ближайшему (зависимому) имени, что связано с меньшим числом слогов в предложной группе по сравнению с причастным оборотом и относительным придаточным.

Для уточнения этих вопросов необходим дополнительный эксперимент с сопоставлением особенностей обработки длинных и коротких предложных групп. В случае, если длинные предложные группы будут интерпретироваться так же, как и короткие, подтвердится первое предположение о случайности выбора интерпретации адьюнктов такого типа. В случае же, если будут обнаружены отличия, можно будет сделать вывод о том, что общая тенденция к РЗ не прослеживается под влиянием фактора длины составляющей.

4. Эксперимент IV. Роль длины адьюнкта в интерпретации предложений с предложной группой

С целью уточнения результатов, полученных в эксперименте III, был проведен еще один эксперимент, в котором проверялось влияние длины адьюнкта на выбор интерпретации предложения.

4.1. Метод

В дополнение к 12 предложениям, использовавшимся в эксперименте III, в которых за сложной именной группой следовала предложная группа длиной в 6—7 слогов (20а), были составлены предложения с предложной группой, длина которой была в 1,5—2 раза больше, при этом изменения лексического состава были минимальными (20б).

(20) а. *Свидетель упомянул напарника водителя в форменной одежде.*

б. *Свидетель упомянул напарника водителя в темно-зеленой форменной одежде.*

Стимулы были разнесены в два экспериментальных протокола по методу латинского квадрата (в каждый протокол вошло по шесть предложений с «длинной» и по шесть предложений с «короткой» предложной группой). Кроме того, в каждом протоколе было по 24 предложения-филлера. В остальном структура эксперимента IV полностью повторял структуру эксперимента III.

В эксперименте приняло участие 36 испытуемых, носителей русского языка от 18 до 35 лет. Ни один из испытуемых не сделал более одной ошибки в заданиях к предложениям-филлерам, поэтому при последующем анализе были учтены все данные.

4.2. Результаты эксперимента IV

На вопросы к предложениям с «длинными» предложными группами было дано 140 (64,8 %) ответов РЗ и 76 (35,2 %) ответов ПЗ, это различие является статистически достоверным ($\chi^2 = 9,69, p < 0,01$). В предложениях с «короткими» предложными группами соотношение ответов иное: 122 (56,5 %) ответов РЗ и 94 (43,5 %) ответа ПЗ, это различие статистически значимым не является ($\chi^2 = 1,82, p = 0,2$). Таким образом, подтверждается гипотеза о том, что фактор длины составляющей играет существенную роль в синтаксической интерпретации. В тех контекстах, где предложная группа длиннее определяемой ею сложной именной группы, адьюнкт значимо чаще относится к первому имени, что соответствует как тенденции к РЗ, выявленной в предыдущих экспериментах, так и предсказанию теории антигравитации, сформулированной Дж. Фодор [Fodor 1998]. Согласно этой теории достаточно длинные, т. е. «просодические тяжелые» составляющие встраиваются в синтаксическое дерево выше. При уменьшении длины предложной группы доля ПЗ-интерпретаций возрастает, однако, вопреки предсказаниям теории антигравитации, не становится преобладающей: вероятность каждой из интерпретаций приближается к распределению 50/50. Таким образом, это распределение не является случайным, а вызвано одновременным действием двух противоречащих друг другу тенденций.

Итоги

Проведенные экспериментальные исследования позволяют сделать ряд выводов, касающихся особенностей обработки синтаксически неоднозначных предложений в русском языке и — шире — морфосинтаксической обработки предложений при восприятии речи на русском языке в целом.

В условиях естественной коммуникации человек достаточно редко сталкивается с реальной, а не потенциальной неоднозначностью, в том числе синтаксической, потому что

в большинстве случаев она снимается контекстом: либо узким (лексическим значением входящих в синтаксическую конструкцию слов), либо широким (знанием о мире и/или конкретной внеязыковой ситуации) [Касевич 1988; Черниговская 2013]. Поэтому в ситуации, когда левый контекст отсутствует (например, в начале текста), а правый еще не поступил — а именно такая ситуация была смоделирована в наших экспериментах — носители языка продолжают видеть и выбирать какой-то один из вариантов прочтения неоднозначного предложения. Отсутствие вербального отчета испытуемого о затруднении в интерпретации неоднозначного предложения говорит о том, что для интерпретатора любое предложение, как правило, имеет только одно значение. Для ситуации естественной коммуникации это означает, что носитель языка обычно не замечает потенциальной опасности коммуникативной неудачи в случае, если вариант прочтения, задуманный говорящим/пишущим, и вариант прочтения, выбранный слушающим/читающим, не совпадут [Мустайко 2015].

Морфологическая обработка задействована в синтаксическом анализе, но не всегда эффективно. В русском языке, обладающем развитым словоизменением, установление синтаксических отношений происходит главным образом за счет морфологических средств, то есть центральное место занимают механизмы согласования и управления, и синтаксический анализ немислим без морфологической обработки. В наших экспериментах показан ход этой морфологической обработки и выявлено, что не все морфологические показатели оказываются одинаково надежными, а значит, одинаково успешно учитываемыми при синтаксическом анализе. Если показатели числа при установлении согласовательных связей между определением и определяемым словом практически всегда интерпретируются верно, то о показателях падежа такого вывода сделать нельзя: падежная информация используется в синтаксической обработке гораздо менее эффективно, вплоть до сведения ответов к уровню случайного угадывания или даже преобладания неверных ответов. Разумеется, речь идет не о любом случае обработки падежных показателей, а только об особых структурах, к которым относятся рассмотренные нами фразы с причастным оборотом при сложной именной группе. Интересно, что аналогичную «ненадежность» маркер падежа проявляет и в ситуации порождения речи: в подобных конструкциях часто допускаются сбои [Русакова 2013]. Поэтому целесообразно говорить о быстром вытеснении из рабочей памяти падежных характеристик, не имеющих коррелята во внеязыковой действительности, при сохранении в ней характеристик числовых, имеющих такой коррелят.

В рамках нескольких экспериментов на материале русского языка нами было продемонстрировано общее предпочтение носителей языка относить адьюнкт, выраженный причастным оборотом, к вершине именной группы (а не к зависимому имени), что согласуется с имеющимися в литературе данными об аналогичном предпочтении для адьюнктов, выраженных относительным придаточным предложением [Sekerina 2003; Драгой 2006]. Эта тенденция также имеет место в случае интерпретации однозначных, но «ненадежных» морфологических показателей, что продемонстрировано нами на материале конструкций, где неоднозначность разрешена за счет показателей падежа. Данные же, полученные на материале конструкций с адьюнктом, выраженным предложной группой, требуют отдельного обсуждения, однако указанная стратегия с некоторыми оговорками действует и в этом случае тоже. Это дает основания утверждать, что русский язык относится к группе языков, предпочитающих раннее закрытие адьюнктами различных типов: придаточными предложениями, причастными оборотами, предложными группами.

Принципиальное значение при разрешении неоднозначности такого типа играет дискурсивный фактор: вершина именной группы является более дискурсивно выделенной, чем зависимое имя, а одушевленное имя — более дискурсивно выделенным, чем неодушевленное [Bock, Warren 1985: 60]. Мы предполагаем, что именно поэтому мы наблюдаем общее предпочтение РЗ в конструкциях с причастным оборотом и одновременно тенденцию относить адьюнкт к одушевленному имени в случае, если имена не совпадают по одушевленности (что согласуется с данными, полученными на материале конструкций с относительным придаточным предложением при сложной именной группе [Драгой 2006]).

Существенным фактором, оказывающим влияние на синтаксический анализ предложения, является просодика. Она играет роль даже при восприятии письменного текста, так как, согласно гипотезе имплицитной просодии [Fodor 2002], читаемые предложения проговариваются про себя, и длина составляющих обуславливает расстановку пауз. Средняя длина причастных оборотов, как и ранее исследованных придаточных предложений [Федорова, Янович 2004], в русском языке достаточно велика (длина причастного оборота — в слогах — обычно превосходит длину сложной именной группы, к которой он относится), что обуславливает предпочтение РЗ. В случае же адьюнктов, выраженных предложной группой, действие этого фактора проявилось следующим образом: в коротких предложных группах дискурсивный фактор обуславливал РЗ, а просодический фактор — ПЗ, в связи с чем распределение ответов происходит на случайном уровне (предпочтения ПЗ при интерпретации предложений с коротким адьюнктом не наблюдается), а с увеличением длины адьюнкта имеет место выраженное предпочтение РЗ.

Таким образом, тенденцию к определенному типу интерпретации нельзя признать универсальной и априорной: наблюдается вариативность от одной конструкции к другой (например, для адьюнктов разных типов) даже в рамках одного языка: синтаксический анализ предполагает опору на морфологические, лексические, просодические и дискурсивные особенности речевого материала.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Драгой 2006 — Драгой О. В. Разрешение синтаксической неоднозначности: правила и вероятности // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 44—61. [Dragoi O. V. The resolution of syntactic ambiguity: Rules and possibilities. *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 6. Pp. 44—61.]
- Касевич 1988 — Касевич В. Б. Семантика. Синтаксис. Морфология. Л.: Наука, 1988. [Kasevich V. B. *Semantika. Sintaksis. Morfologiya* [Semantics. Syntax. Morphology]. Leningrad: Nauka, 1988.]
- Мустайоки 2015 — Мустайоки А. Коммуникативные неудачи сквозь призму потребностей говорящего // Язык и мысль: современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 543—559. [Mustaioki A. Communicative failures from the perspective of the speaker's needs. *Yazyk i mysl': sovremennaya kognitivnaya lingvistika*. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015. Pp. 543—559.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Пешковский 1956 — Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956. [Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [The Russian syntax in scientific presentation]. Moscow: Uchpedgiz, 1956.]
- Русакова 2013 — Русакова М. В. Элементы антропоцентрической грамматики русского языка. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Rusakova M. V. *Elementy antropocentricheskoj grammatiki russkogo yazyka* [Elements of the Russian anthropocentric grammar]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Секерина 1997 — Секерина И. А. Психолингвистика // Кибрик А. А., Кобозева И. М., Секерина И. А. (ред.). Фундаментальные направления современной американской лингвистики. М.: УРСС, 1997. [Sekerina I. A. Psycholinguistics. *Fundamental'nye napravleniya sovremennoi amerikanskoi lingvistiki*. Kibrik A. A., Kobozeva I. M., Sekerina I. A. (eds.). Moscow: URSS, 1997.]
- Федорова, Янович 2004 — Федорова О. В., Янович И. С. Об одном типе синтаксической многозначности, или Кто стоял на балконе // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»: Труды международной конференции «Диалог'2004». М.: Наука, 2004. С. 644—649. [Fedorova O. V., Yanovich I. S. On a certain type of syntactic ambiguity, or Who stood on the balcony. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii*: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2004». Moscow: Nauka, 2004. Pp. 644—649.]
- Федорова, Янович 2005 — Федорова О. В., Янович И. С. Разрешение синтаксической многозначности в русском языке: роль длины и структуры придаточного // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог'2005». М.: Наука, 2005. С. 487—490. [Fedorova O. V., Yanovich I. S. The resolution of syntactic ambiguity in Russian: The role

- of length and structure of the subordinate clause. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2005»*. Moscow: Nauka, 2005. Pp. 487—490.]
- Черниговская 2013 — Черниговская Т. В. Чеширская улыбка кота Шрёдингера: язык и сознание. М.: Языки славянских культур, 2013. [Chernigovskaya T. V. *Cheshirskaya улыбка кота Shredingera: язык i soznanie* [The Cheshire smile of Schrödinger's cat: Language and consciousness]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2013.]
- Чернова 2015 — Чернова Д. А. Интерпретация синтаксически неоднозначных конструкций в русском языке: адьюнкт при сложной именной группе // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 11(53). С. 189—194. [Chernova D. A. Interpretation of syntactically ambiguous structures in Russian: Adjunct complex nominal group. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*. 2015. No. 11(53). Pp. 189—194.]
- Юдина 2006 — Юдина М. В. Понимание и порождение высказываний с синтаксической неоднозначностью (на примере относительных придаточных в русском языке) // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»: Труды международной конференции «Диалог'2006». М.: Наука, 2006. С. 578—582. [Yudina M. V. Understanding and generation of statements with syntactic ambiguity (as exemplified by relative clauses in Russian). «*Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2006»*». Moscow: Nauka, 2006. Pp. 578—582.]
- Юдина и др. 2007 — Юдина М. В., Федорова О. В., Янович И. С. Синтаксическая неоднозначность в эксперименте и в жизни // «Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии»: Труды международной конференции «Диалог'2007». М.: Наука, 2007. С. 605—610. [Yudina M. V., Fedorova O. V., Yanovich I. S. Syntactic ambiguity in the experiment and in life. «*Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Trudy mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2007»*». Moscow: Nauka, 2007. Pp. 605—610.]
- Bock, Warren 1985 — Bock J. K., Warren R. K. Conceptual accessibility and syntactic structure in sentence formulation. *Cognition*. 1985. Vol. 21. Pp. 47—67.
- Chernova 2014 — Chernova D. Animacy effect in attachment ambiguity resolution // Шестая международная конференция по когнитивной науке: тезисы докладов. Калининград: МАКИ Калининград, 2014. С. 43—44. [*Shestaya mezhdunarodnaya konferentsiya po kognitivnoi nauke: Tezisy dokladov*. Kaliningrad: MAKI Kaliningrad, 2014. Pp. 43—44.]
- Fedorova, Yanovich 2006 — Fedorova O., Yanovich I. Early preferences in RC-attachment in Russian: The effect of working memory differences. Proceedings of FASL 14. Lavine J., Franks S., Tasseva-Kurkchieva M., Filip H.(eds.). Ann Arbor (MI): Michigan Slavic Publications, 2006. Pp. 113—128.
- Fodor 1998 — Fodor J. D. Learning to parse? *Journal of Psycholinguistic Research*. 1998. Vol. 27. Pp. 285—319.
- Fodor 2002 — Fodor J. D. Prosodic disambiguation in silent reading. *Proceedings of the North East Linguistic Society*, 32. Amherst: GSLA, Univ. of Massachusetts, 2002. Pp. 113—132.
- Gibson et al. 1996 — Gibson E., Schütze C., Salomon A. The relationship between the frequency and the complexity of linguistic structure. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1996. Vol. 25. Pp. 59—92.
- Grillo, Costa 2014 — Grillo N., Costa A. A novel argument for the universality of parsing principles. *Cognition*. 2014. Vol. 133. No. 1. Pp. 156—187.
- Konieczny, Hemforth 2000 — Konieczny L., Hemforth B. Modifier attachment in German. Relative clauses and prepositional phrases. *Reading as a perceptual process*. Kennedy A., Radach R., Heller D., Pynte J. (eds.). Oxford: Elsevier, 2000. Pp. 517—526.
- Mitchell et al. 1995 — Mitchell D. C., Cuetos F., Corley M. M. B., Brysbaert M. Exposure-based models of human parsing: Evidence for the use of coarse-grained (non-lexical) statistical records. *Journal of Psycholinguistic Research*. 1995. Vol. 24. No. 6. Pp. 469—488.
- Sekerina 2003 — Sekerina I. The late closure principle in processing of ambiguous Russian sentences. *The proceedings of the Second European conference on formal description of Slavic languages*. Potsdam: Universität Potsdam, 2003. Pp. 1—17.
- Traxler et al. 1998 — Traxler M., Pickering M., Clifton C. Adjunct attachment is not a form of lexical ambiguity resolution. *Journal of Memory and Language*. 1998. Vol. 39. Pp. 558—592.

Статья поступила в редакцию 28.04.2016.

**ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ И ИЕРАРХИЯ
ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ ГЛАГОЛА:
ВВЕДЕНИЕ В ТЕМУ И ТИПОЛОГИЧЕСКАЯ АНКЕТА***

© 2016

**Виктор Самуилович Храковский^{a, @},
Андрей Львович Мальчуков^{a, b}**

^aИнститут лингвистических исследований РАН, Санкт-Петербург, 199053, Российская Федерация; ^bУниверситет имени Иоганна Гутенберга, Майнц, 55099, Германия; [@]khakovv@gmail.com

В статье изложена программа изучения синтагматического взаимодействия грамматических категорий глагола в духе традиций Санкт-Петербургской типологической школы. В основу предлагаемого подхода положены понятие типологической маркированности, учение В. С. Храковского о доминантных и рецессивных категориях и концепция Байби об иерархии глагольных категорий. В рамках предлагаемого подхода ограничения на сочетаемость глагольных категорий определяются общими функциональными факторами, такими как функциональная совместимость, релевантность, избыточность и частная (дистрибутивная) маркированность. Во второй части статьи представлена анкета, нацеленная на описание взаимодействия глагольных категорий (и их грамем) в языках мира.

Ключевые слова: аномальные сочетания грамем, взаимодействие грамматических категорий, вид, время, залог, иерархии грамматических категорий, иерархии маркированности, лицо/число, маркированность, наклонение

**HIERARCHY AND INTERACTION OF VERBAL CATEGORIES:
RESEARCH PROGRAM AND TYPOLOGICAL QUESTIONNAIRE**

Viktor S. Xrakovskij^{a, @}, Andrej L. Malchukov^{a, b}

^aInstitute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences, St. Petersburg, 199053, Russian Federation; ^bJohannes Gutenberg-Universität Mainz, Mainz, 55099, Germany; [@]khakovv@gmail.com

The article presents a research program of the study of interaction of verbal categories couched in the tradition of St. Petersburg Typological School. The developed approach to syntagmatic interaction of verbal categories aims at integrating insights from the studies of typological markedness patterns with the work of V. S. Xrakovskij on dominant and recessive categories, as well as with Bybee's conception of the hierarchy of verbal categories. The suggested approach seeks to constrain syntagmatic co-occurrence of grammatical categories in reliance to such functional factors as functional compatibility, relevance, economy and local markedness. The article also includes a questionnaire designed to guide a systematic investigation of interaction of verbal categories and their grammemes in the world's languages.

Keywords: aspect, hierarchies of verbal categories, infelicitous grammeme combinations, interaction of verbal categories, markedness, markedness hierarchies, mood, number, person, tense, voice

* Мы выражаем признательность Российскому научному фонду за финансовую поддержку проекта «Грамматические категории в языках мира: иерархия и взаимодействие (типологический анализ)», в рамках которого была подготовлена эта статья (грант № 14-18-03406). Мы также благодарим С. Ю. Дмитренко за помощь в работе над этой статьей. Наша особая благодарность анонимным рецензентам, чьи благожелательные и полезные замечания позволили избежать ряда неточностей и неверных формулировок.

1. Проблема взаимодействия грамматических категорий в языкознании

Хотя проблематика взаимодействия грамматических категорий в имплицитном виде затрагивается в любом грамматическом описании — как отдельных языков, так и в общетеоретических и типологических работах — в фокусе внимания исследователей она до последнего времени, как правило, не оказывалась. Сказанное справедливо, прежде всего, по отношению к проблематике синтагматического взаимодействия категорий в пределах одной словоформы. В то же время парадигматическое взаимодействие граммем в составе грамматических категорий является предметом лингвистического описания со времен структурализма. О правилах синтагматического взаимодействия категорий (например, глагольных категорий вида и времени) известно меньше, хотя для отдельных языков и языковых семей подобное описание вполне традиционно (так, например, ни одна грамматика любого славянского языка, в том числе, разумеется, и русского, не обходится без описания «видо-временной системы» глагола).

В рамках структуралистского подхода (см. работы Р. О. Якобсона и его последователей) в центре внимания находились отдельные грамматические категории и в особенности значения («значимости», *valeurs*) граммем в составе категории; такая целевая установка более подходит для описания грамматической системы отдельных языков, чем для целей межязыкового сопоставления. В постструктуралистскую эпоху синтагматическое взаимодействие категорий тоже, как правило, исследовалось «по касательной». В определенном смысле исключение здесь представляют работы по теории грамматикализации [Lehmann 1982; Bybee et al. 1994; Heine, Kuteva 2002; Hopper, Traugott 2003; Bisang et al. 2004; см. также Майсак 2005], в которых изучается типологически наиболее вероятная и, тем самым, частотная эволюция грамматических значений, которая в синхронии предстает в виде регулярных моделей полисемичных форм. В подобных работах отмечались случаи грамматической многозначности, возникающей, например, при развитии перфектива в перфект, а перфекта в показатели прошедшего времени; однако подобная многозначность не всегда связывает разные категории (например, вид и время), и к тому же она не всегда разрешается синтагматическим контекстом.

Наконец, сторонники генеративного направления также специально не занимались этой проблематикой, поскольку основным предметом их изучения является синтаксис, точнее, построение формальных моделей синтаксиса на основе некоторой универсальной теории языка. Впрочем, работы так называемого «картографического направления» [Cinque 2006; Rizzi 2004 и др.] в рамках генеративного подхода, как и работы по формальной семантике, в частности по проблеме композициональности [Hinzen, Werning 2012], внесли определенный вклад в разработку проблематики иерархии грамматических категорий, предложив ряд интересных обобщений, в том числе и типологического характера. В целом, однако, нельзя не согласиться с В. А. Плуныным, который справедливо считает проблему взаимодействия грамматических категорий одной из наименее разработанных в теории грамматики [Плунын 2011: 73]. Даже в фундаментальном исследовании И. А. Мельчука эта проблематика специально не рассматривается, хотя отдельные интересные явления описаны в терминах «морфологических фразем» и «заместительного означаемого» морфемы [Мельчук 2001: 50, 57]; в обоих случаях речь идет о проявлениях рецессивности морфемы в терминологии работы [Храковский 1996].

2. Типологические подходы

В последнее время проблема синтагматического взаимодействия привлекает больше внимания, особенно в типологии. Уже Дж. Гринберг [Greenberg 1966] использовал в своих работах понятие типологической маркированности (унаследованное от структуралистов), однако в последующих работах (в частности, В. Крофта и М. Хаспельмата) это понятие

подверглось реинтерпретации и уточнению¹. Во-первых, дополнительно к понятию формальной маркированности (нулевое выражение) и функциональной маркированности добавляется понятие дистрибутивной маркированности, которое понимается как более ограниченная дистрибуция маркированного члена оппозиции в контексте, включая контекст морфологический. Во-вторых, В. Крофт [Croft 1990; 2003] вслед за работой [Tiersma 1982] вводит понятие частной маркированности (local markedness) — избирательные предпочтения разными граммемами различных контекстов, лексических и грамматических. Из этого следует, что маркированность в оппозициях может иметь избирательный характер. Например, у топонимов локативный падеж может быть немаркированным (нулевым), поскольку они предпочтительно употребляются в этом падеже.

Среди типологических работ особо отметим две. Во-первых, это исследование [Aikhenvald, Dixon 1998], где авторы описывают, как выбор граммы одной грамматической категории зависит от выбора граммы другой грамматической категории. Так, выбор числовой формы в определенных случаях может влиять на возможность выражения падежа и наоборот. Отчасти эти ограничения объясняются дистрибутивной маркированностью (маркированный член в большей степени ограничивает выбор), но существуют и другие факторы. В частности, А. Айхенвальд и Р. Диксон отмечают, что отрицание и аспект могут воздействовать на выражение других категорий, например падежа имени (ср. *взять деньги* и *не брать денег*; о взаимодействии глагольных категорий с отрицанием см. [Miestamo 2005]). Таким образом, падеж будет скорее иерархически зависимой категорией (т. е. выбор падежной формы может зависеть от наличия/отсутствия отрицания и выбора определенной аспектуальной формы). Из сказанного следует, что глагольные (точнее, предикативные — clausal) категории будут скорее воздействовать на категории именные, чем наоборот.

Другая работа — статья [Храковский 1996]. В ней, в отличие от работ, связанных с традицией маркированности, взаимодействие понимается более широко. Помимо случаев, когда выбор в рамках одной категории влияет на возможность выражения другой категории (или отдельных граммем другой категории), также рассматриваются случаи, когда выбор в составе одной категории влияет на функцию (или форму) граммем другой категории. В этой работе введены важные понятия доминантной категории (влияющей на выражение функции другой категории) и рецессивной категории (подвергающейся реинтерпретации или запрещенной в контексте другой категории). Хотя этот подход проиллюстрирован на русском материале (наиболее подробно — на примере взаимодействия императива с другими категориями), он имеет явную типологическую ориентацию. В последующем разделе 4 будут приведены примеры взаимодействия, отчасти почерпнутые из этой работы.

3. Иерархия глагольных категорий

Вопрос об иерархии грамматических категорий имеет давнюю традицию, см. историю вопроса в [Храковский 1996; Xrakovskij 2014], однако в типологии он получил наиболее убедительное решение по отношению к глагольным категориям в исследовании [Bybee 1985]. В этой работе, где был поставлен вопрос о типологической мотивации распределения категорий на деривационные и флективные (словообразовательные и словоизменительные), было показано, что уровень фактора лексической релевантности, т. е. степень воздействия соответствующей категории на семантику глагольной основы, не одинаков у разных категорий: релевантность будет явно выше у залоговых или аспектуальных значений в сравнении с наклонением или временем.

¹ Хаспельмат [Haspelmath 2006] обсуждает 12 различных пониманий маркированности (нулевое выражение, фонетическая сложность, семантическая сложность, частотность в употреблении, типологическая частотность и др.) и показывает, что большинство из них обусловлены частотностью в употреблении.

Более того, Дж. Байби установила, что существует шкала релевантности, которая определяет также порядок расположения показателей соответствующих категорий в словоформе [Bybee 1985]. В огрубленном виде, типологически предпочтительное расположение аффиксов можно представить в следующей иерархии:

(1) [[[[[[VAL]Voice]ASP]Tense]Mood]AGR]

Как видно из этой схемы, валентностные категории, VAL (т. е. «актантная деривация» типа каузатива), обладают наибольшей релевантностью и располагаются в цепочке морфем контактно к глагольной основе², а (субъектное) согласование обладает наименьшей релевантностью и занимает, как правило, периферийную позицию. Дж. Байби установила эту иерархию на основе позиционных предпочтений отдельных грамматических категорий, последующие исследования подтвердили эти тенденции [Malchukov 2004].

В других работах функционального направления высказывались сходные идеи об иерархии глагольных категорий. Так, в Функциональной грамматике Амстердамской школы С. Дика и К. Хенгевельда [Dik 1997; Hengeveld, Mackenzie 2008] и Референциально-ролевой грамматике Р. Ван Валина [Van Valin 2005; 2010] предлагается иерархия, которую в наиболее обобщенном виде можно представить следующим образом:

(2) [ADVif[ADVmod[ADVasp[V(x)(y)...]ASP]Tense/Mood]IF]

В отличие от иерархии Дж. Байби (2) не включает показатели согласования, зато включает наречия, семантически соотносимые с аспектуальными, темпоральными или модальными показателями (в теории С. Дика они именуются «сателлитами» в отличие от грамматических показателей — «операторов»). Иначе устроена и интерпретация иерархии, в которой иллокутивные показатели (типа императива) занимают высшую позицию, показатели времени и эпистемического наклонения располагаются ниже, а аспектуальные маркеры еще ниже. Эта иерархия объясняется через семантическое понятие сферы действия (scope), т. е. иллокутивные показатели (IF в схеме (2)) включают в свою сферу действия временные и модальные, а последние, в свою очередь, включают аспектуальные.

Сходные идеи предлагались и другими авторами. Так, А. Е. Кибрик [1992] сравнивал устройство глагольной словоформы (в агглютинативном хиналугском языке) с матрешкой, в которой в значении внешнего оператора есть переменная, заполняемая значением другой категории. А. Е. Кибрик также предположил, что только те пары категорий, которые связаны отношениями «оператор — переменная», могут взаимодействовать между собой. Хотя, как было показано в работе [Храковский 1996], это утверждение является слишком сильным, идея о том, что взаимодействие определяется иерархией, все же значима. Она также напоминает о понятии реинтерпретации или «навязывания» (coercion), известном по работам в области формальной семантики, где считается, что оператор способен приписывать аргументу другую интерпретацию [Pustejovsky 1995]. Классическим примером может служить реинтерпретация неисчисляемых имен как исчисляемых под влиянием соответствующего контекста (например, *принес молока* = *принес бутылку/стакан молока*). Сходные примеры наблюдаются в сфере глагола. Так, стивы могут иметь инхоативное прочтение в контексте точечных обстоятельств (*Suddenly John knew the answer/understood the question* 'узнал/понял'). Подобное переосмысление состояний (states) как достижений (achievements) Смит [Smith 1997] объясняет правилом «external override», которое в общем случае предсказывает, что наречие может менять акциональные характеристики лексемы, если между ними возникает конфликт. Микаелис с позиций грамматики конструкций предлагает обобщение принципа «external override» как зависимости значения лексических единиц от значения конструкций («the meaning of the lexical item adjusts to the meaning of the structure in which it is embedded» [Michaelis 2004: 5]).

² Ср.: каузативные аффиксы «большой частью непосредственно примыкают к корневой морфеме исходного глагола» [Недялков, Сильницкий 1969: 25].

Эти примеры имеют непосредственное отношение к вопросам синтагматического взаимодействия, поскольку показывают, что при прочих равных доминантная категория (в терминах работы [Храковский 1996]) включает рецессивную категорию в свою сферу действия, а не наоборот, см. [Malchukov 2011].

4. Взаимодействие глагольных категорий: несколько иллюстраций

В этом разделе, предвещающем анкету, мы для ясности изложения проиллюстрируем случаи взаимодействия категорий, большей частью на русском материале. При этом мы во многом опираемся на работы [Храковский 1990; 1996; Храковский 2001], где проиллюстрированы возможности этого подхода на материале русского языка, с особым вниманием к взаимодействию императива с другими глагольными категориями. В частности, отмечено, что императив, как правило, является доминантной категорией.

4.1. Императив и время

Простейшим примером нетривиального взаимодействия императива с другими глагольными категориями, который справедлив и для русского языка, и для большинства других языков, является наблюдение, что в императиве временные показатели, как правило, отсутствуют [Храковский 1992; Гусев 2005; Aikhenvald 2010]. Подобный запрет, разумеется, объясняется семантически. Как показывают многочисленные примеры из лингвистической литературы [Бирюлин, Храковский 1992; Храковский 2001; Гусев 2005; 2013; Schalley 2008; Aikhenvald 2010], даже если в том или ином языке выражаются различные значения времени, они обычно отсутствуют в формах императива. И это не удивительно, если учесть, что повелительный речевой акт, естественно, относится к плану будущего. Правда, в некоторых языках формы императива выражают темпоральные значения, относящиеся к будущему времени, но эти значения несколько иной природы, как, например, формы немедленного/дистантного императива в эвенском языке, см. пример из работы [Malchukov 2001]:

(3) а. *Hör-li!*
идти-IMP.2SG
'Иди (сейчас)!'

б. *Hör-de-j!*
идти-DIST.IMP-REFL.SG
'Иди (позже)!'

Кроме того, граммы временной дистанции нередко реинтерпретируются, приобретая модальную окраску; при этом дистантный императив, как и следует ожидать, воспринимается как имеющий более вежливое значение, чем императив немедленный. Последний предполагает более высокую степень контроля говорящего над адресатом и, соответственно, более высокую степень принуждения; ср. [Aikhenvald 2010: 130—131].

4.2. Императив и вид

Более сложным представляется взаимодействие императива с видом. В частности, есть языки, где в императиве употребляется только одна видовая форма — перфективная или имперфективная, см. [van der Auwera et al. 2009; Мальчуков, Храковский 2015]. Кроме того, в ряде языков наблюдается не запрет на выражение видовых граммем, а их реинтерпретация. Например, в императиве русского языка могут употребляться и перфективные, и имперфективные формы. Однако если в индикативе основной функцией имперфективных форм является выражение длительного действия, то в императиве имперфективные формы

дополнительно могут выражать и ингрессивное значение. Например, фраза *Пиши письмо* чаще выражает значение ‘начинай писать письмо’, а не значение ‘продолжай писать письмо’, что означало бы, что адресат уже находится в процессе написания письма³.

Как показано в работе [van der Auwera et al. 2009], формальная маркированность является еще одним фактором, который способствует выбору аспектуальных форм императива. Так, при равенстве всех остальных условий, выбирается немаркированный вид. Если принять общее мнение, согласно которому имперфектив является функционально немаркированным видом [Jakobson 1957; Бондарко 1971; Мельчук 1998], этим можно объяснить и необычное поведение отрицательного императива в русском языке [Мальчуков, Храковский 2015]. Как показано в [Храковский, Володин 1986: 147—154], в русском языке отрицательный императив (прохибитив) регулярно выражается как раз императивами несовершенного вида, а отрицательные формы императива совершенного вида реинтерпретируются, получая превентивную интерпретацию (выражение предостережения):

(4) а. *Не делай ошибок!*

б. *Смотри, не сделай ошибки!*

Сходные случаи употребления отрицательной формы перфективного императива со значением предостережения отмечаются в венгерском (где перфектив также выражается префиксами) и в китайском языке (перфективный показатель — суффикс *le*). В этих случаях также можно усматривать реинтерпретацию маркированной аспектуальной формы в контексте нейтрализации (см. подробнее [van der Auwera et al. 2009]).

4.3. Императив и лицо/(число)

Важно подчеркнуть, что существуют языки (такие как нивхский, кламат, лезгинский, монгольский, японский), в которых лично-числовая парадигма есть у императива, но не у индикатива. Языки же, в которых лично-числовая парадигма есть у индикатива, но не у императива, нам неизвестны, что позволяет сформулировать следующую импликацию: если лично-числовая парадигма есть в индикативе, то она есть и в императиве (обратное неверно) [Храковский, Володин 1986: 87]. В тех языках, где лично-числовые парадигмы есть и в императиве, и в индикативе, они обычно отличаются друг от друга по ряду параметров. Во-первых, лично-числовые показатели императива, как правило, полностью или частично отличаются от аналогичных показателей индикатива (и остальных косвенных наклонений); ср., например, формы 2-го л. императива, имперфекта индикатива и кондиционалиса в финском языке (ед. ч. *anna-Ø-Ø* ‘дай’, *anno-i-t* ‘ты дал’, *anta-isi-t* ‘ты дал бы’; мн. ч. *anta-kaa-Ø* ‘дайте’, *anno-i-tte* ‘вы дали’, *anta-isi-tte* ‘вы дали бы’). Во-вторых, в парадигме императива центральными (и, соответственно, наиболее частотными) являются формы 2-го л., тогда как в парадигме индикатива (и остальных косвенных наклонений) формы 2-го л. не бывают центральными. В-третьих, парадигмы императива и индикатива в очень многих случаях отличаются друг от друга по составу форм. В частности, в императивной парадигме может не быть периферийных форм (например, форм 1-го л. ед. ч. или 3-го л.), хотя в индикативной парадигме и парадигмах остальных косвенных наклонений эти формы обычно есть. Более того, как показано в типологической литературе, наличие/отсутствие лично-числовых форм императива предсказывается определенной универсальной иерархией, в которой правостоящие (более периферийные) формы предполагают наличие левостоящих (более центральных) форм (см. схему 1 ниже).

Вместе с тем в императивной парадигме могут быть формы, которых нет в индикативной парадигме. Имеются в виду формы типа *идем* и *идемте*, из которых первая —

³ Имеются в виду примеры типа: — *Надо*, — *согласилась Валя*. — *Пока садись, пиши письмо командир* [НКРЯ].

«исключающая» — обозначает, что Агенсом является Говорящий вместе с единственным Слушающим, а вторая — «включающая» — обозначает, что Агенсом является Говорящий вместе со многими Слушающими; соотносимая с этими формами индикативная форма 1-го л. мн. ч. типа *идем* имеет более широкую интерпретацию, обозначая, что Агенсом является Говорящий не только со Слушающим(и), как у императивных форм, но и/или с третьим(и) лицом(-ами).

В-четвертых, для многих периферийных императивных форм характерна многовариантность (типа *давай(те) (будем) читать*), которая обычно не наблюдается в индикативной парадигме. В-пятых, лично-числовые показатели в императивной парадигме, выражая те же этикетные значения, что и в индикативе (типа *Садитесь* при обращении к единственному Слушающему), могут выражать и специфические этикетные значения. Например, в селькупском языке императивные формы переходных глаголов в императивном предложении с прямым дополнением, выступая в своем «собственном» субъектно-объектном спряжении, обозначают приказ (*Ūt tat-äty* ‘Воды принеси’), а выступая в «чужом» субъектном спряжении, обозначают просьбу (*Ūt tat-äš* ‘Воды принеси, пожалуйста’) [Кузнецова и др. 1980: 234—235]. Обратим внимание, что и эти случаи естественно объяснять как взаимодействие категорий (переходности и связанного с ней типа спряжения и склонения): реинтерпретация и в этом случае направлена на выражение функционально полезных различий (здесь — этикетных значений, важных для императивного акта), т. е. для выражения «удачных сочетаний» грамматических значений.

Что касается лично-числовой парадигмы отрицательных императивных форм, которые принято называть прохибитивными, то она может по составу отличаться от лично-числовой парадигмы императивных форм. Во-первых, двум императивным формам может соответствовать одна прохибитивная форма: например, в языке кламат двум императивным формам 2-го л. ед. и мн. ч. (причем форма ед. ч. может употребляться вместо формы мн. ч., являясь, таким образом, формой общего числа) *qalgi-Ø* ‘иди(те) есть’, *qalgi-at* ‘идите есть’ в прохибитивной парадигме соответствует одна форма, состоящая из императивной формы ед. ч. и неспецифической отрицательной частицы *qay* и являющаяся формой общего числа; ср. *qtanč-a* ‘спи’, *qay qtanč-a* ‘не спи(те)’. Во-вторых, периферийные императивные формы в отдельных случаях могут не иметь соотносимых прохибитивных форм, как, например, в японском языке, где отсутствует прохибитивная форма 1-го л. общ. ч. при наличии в императивной парадигме формы 1-го л. общ. ч. типа *ём-о* ‘почитаем-те/почитаю-ка’.

Наряду с несоответствием лично-числовых форм можно наблюдать несоответствие вариантов этих форм. В лично-числовой парадигме прохибитива число вариантов отдельных форм может быть либо меньше, либо больше, чем в лично-числовой парадигме императива. Так, с одной стороны, в императивную парадигму ряда славянских языков входят и формы НСВ (типа *пой*), и формы СВ (типа *спой*), тогда как в прохибитивную парадигму — только формы НСВ (типа *не пой*), поскольку форма СВ (типа *не спой*) функционирует как превентивная. Выше (см. 4.2) этот случай был нами объяснен как реинтерпретация маркированной аспектуальной формы в контексте нейтрализации.

4.4. Императив и залог

Примером взаимодействия императива и залога является реинтерпретация пассива в императивном контексте. Пассивные императивы во многих языках избегаются по семантическим соображениям (императив предполагает агентивность субъекта, пассивность — исключает); в тех языках, где такие формы возможны, они могут интерпретироваться как пермиссивный каузатив, т. е. эта интерпретация является навязанной (coerced) значением императива. Примеры такой реинтерпретации мы находим и в английском языке: так, согласно работе [Davies 1986: 15] конструкции с пассивным императивом получают рефлексивно-пермиссивную интерпретацию:

- (5) *Be checked by a doctor!*
= ‘Let a doctor check you (Пусть доктор тебя осмотрит)’.

5. Разрешение синтагматических конфликтов: запреты и реинтерпретации

Выше было показано, что граммема императива способна ограничивать употребление граммем других категорий или реинтерпретировать их. Подобные примеры конфликтных сочетаний [Malchukov 2009; 2011; Мальчуков, Храковский 2015], которые разрешаются либо запретом, либо реинтерпретацией рецессивной категории, можно привести и на материале разных категорий из многих других языков. Примером **запрета**, продиктованного правилами семантической совместимости, может служить сочетаемость иллокутивных и эпистемических наклонений в корейском [Sohn 1994]. Необычной с точки зрения типологии особенностью корейского языка является разведение показателей наклонения и эпистемической модальности (реалиса/ирреалиса) по разным порядкам (чаще эти значения выражаются в рамках одной категории; см. идеализированную категорию наклонения по И. А. Мельчуку, включающую как эпистемические, так и иллокутивные граммемы; см. об этом П.3.1. ниже). Одна из суффиксальных позиций открыта для показателей реалиса/ирреалиса и эвиденциальных значений (индикатив, ретроспектив, реквестив/субьюнктив и суппозитив), а окончания (sentence-enders) отводятся для показателей иллокутивной силы высказывания, кумулятивно выражающих также и степени вежливости (декларатив, интеррогатив, императив и пропозитив).

Важно отметить, что не все теоретически возможные комбинации эпистемической модальности и показателей иллокутивной силы реализуются на практике. Если показатели декларатива и интеррогатива сочетаются с показателями индикатива и «ретроспектива» (комбинирующего темпоральные и эвиденциальные значения) как в примерах (6a—c), то показатели императива и пропозитива (выражающего значения типа ‘давай сделаем’) употребляются с показателями реквестива; см. (6d—e):

- (6) Корейский язык [Sohn 1994: 338, 339, 342, 40, 45]
- a. *Ka-n-ta*
идти-IND-DC
‘Он(а) идет’.
 - b. *Mek-ess-n-unya?*
есть-PST-IND-INT.PLN
‘Он(а) ел(а)?’
 - c. *W-ass-te-la*
приходить-PST-RETR-DC
‘Он пришел (как я заметил)’.
 - d. *Po-si-p-si-o!*
смотреть-SH-AH-REQ-IMP.DEF
‘Посмотри, пожалуйста!’
 - e. *Wuli ilccik ttena-sip-sita!*
мы рано уходить-SH-AH-REQ-PROP
‘Давай уйдем рано!’

Следует отметить, что другие, теоретически вполне возможные, комбинации (декларатива и интеррогатива с реквестивом или императива и пропозитива с индикативом и ретроспективом) в корейском языке отсутствуют [Sohn 1994]. Как будет показано ниже, такие модели,

когда реализуются лишь «естественные» комбинации граммем в отличие от менее естественных сочетаний, представляют собой реализацию принципа локальной маркированности⁴.

В качестве примера **реинтерпретации** рассмотрим один случай нетривиального взаимодействия вида и времени, хорошо известный на славянском материале [Breu 1994], но имеющий общетипологическую значимость; см. [Malchukov 2009; 2014] о «парадоксе перфективного презенса». Поскольку перфективный ракурс семантически несовместим со значением (актуального) настоящего, формы перфективного презенса либо отсутствуют в парадигме глагола, либо одна из форм (временная или аспектуальная) реинтерпретируется. В восточнославянских языках рецессивной является категория времени (основным значением презентных форм от перфективных глаголов является футуральное — *сделает*), в южнославянских рецессивным является вид: перфектив получает итеративную реинтерпретацию. См. пример из болгарского языка, заимствованный из работы [Comrie 1976: 69]:

- (7) Болгарский
спогледнат *се*, *поусмихнат* *се* *девојки...*
 взглянуть.PFV.PRES.3PL REFL улыбнуться.PFV.PRES.3PL REFL девушки
 ‘Переглянутся, улыбнутся друг другу девушки...’

В работе [Breu 1994] предлагается сходная интерпретация славянских данных и отмечается, что в южнославянских языках в данном контексте время доминирует над видом, а в восточнославянских аспект является доминирующей категорией. Этот подход (и даже терминология) очень близок к концепции работы [Храковский 1996]. О типологии перфективных презентов см. [Malchukov 2009; 2014], а также недавнюю монографию [Аркадьев 2015: 156—161].

6. Факторы, ограничивающие синтагматическое взаимодействие грамматических категорий

Проблему взаимодействия грамматических категорий можно рассматривать с различных точек зрения. В настоящей статье мы в соответствии с подходом Санкт-Петербургской типологической школы (см., например, [Храковский 1990; 1996; Malchukov 2009; 2011]) главное внимание уделяем «синтагматическому взаимодействию» грамматических категорий, в особенности взаимодействию отдельных **граммем**. Этот подход учитывает не только ограничения сочетаемости, но и случаи реинтерпретации граммем в определенном морфологическом контексте. В рамках этого подхода индуцирующая реинтерпретацию граммема называется **доминантной**, а граммема, которая подвергается реинтерпретации, **рецессивной** [Храковский 1990]. Таким образом, мы исходим из того, что граммема является двусторонней единицей. Показатель рецессивной граммемы меняет значение в случае реинтерпретации, а в определенном морфологическом контексте вообще может возникнуть запрет на его выражение (блокировка рецессивной граммемы).

Сочетаемость отдельных граммем зависит от целого ряда факторов [Malchukov 2011]. Один из них — фактор **функциональной совместимости**. Например, в работе [Храковский 1990] делается вывод, что императив выступает в качестве доминантной граммемы в отношении других граммем глагола в связи с тем, что он может вызывать реинтерпретацию или блокировать выражение видо-временных категорий (см. раздел 4 выше). Такая

⁴ В контексте дискуссии об обязательности грамматических категорий В. А. Плуныя [2011: 70—73] вводит интересное понятие «имплицитивной реализации граммем», при которой употребление граммем одной категории блокируется граммемами другой категории (например, в русском языке настоящее время блокирует выражение рода, а прошедшее время — выражение лица). Это понятие имеет непосредственное отношение к проблематике взаимодействия категорий, но не полностью эквивалентно нашему пониманию запретов в неудачных сочетаниях граммем, поскольку не мотивировано семантическими запретами/предпочтениями, играющими важную роль в нашем подходе.

реинтерпретация регулярно возникает в контекстах, где сочетание соответствующих граммем функционально недопустимо по семантическим и/или прагматическим соображениям.

Другой фактор — **маркированность**. Речь здесь идет о «дистрибутивной маркированности» в терминах В. Крофта [Croft 1990; 2003]. Предсказывается, что для маркированных граммем (маркированных членов привативных оппозиций) характерна более ограниченная сочетаемость с граммемами других категорий («the number of cross-cutting inflectional distinctions of the unmarked gram is larger as compared to the marked one» [Croft 2003: 95—97]).

Еще одним фактором, имеющим общетипологическую значимость, является **релевантность**: характеристика ситуации (в видовом, временном и прочих планах) является менее релевантной для действий неосуществившихся, чем для действий осуществленных. Этим объясняется, например, характерная для отрицательных форм тенденция редуцировать свою видо-временную парадигму (если сравнивать ее с парадигмой, представленной у утвердительных форм [Aikhenvald, Dixon 1998]). Т. А. Майсак и С. Г. Татевосов [1998] также апеллируют к понятию релевантности для объяснения постепенного нивелирования аспектуальных различий в гипотетических наклонениях в цахурском языке.

Следующий фактор — **избыточность**. Язык избегает выражения избыточных значений, следуя принципу экономии. Если семантическая аномальность объясняет недопустимость сочетания императива с формами прошедшего времени, то избыточность ограничивает сочетаемость форм императива с показателями будущего времени, выражение которого является избыточным в контексте императивных форм.

В работе [Malchukov 2011] рассматривается ряд других, в том числе диахронических факторов, от которых зависит взаимодействие грамматических категорий. Не все из этих диахронических факторов поддаются обобщению. Те из них, которые значимы типологически, в синхронном плане обнаруживаются в частотных моделях полисемии (например, деонтические формы развивают значение императива). В настоящей работе, нацеленной на случаи синтагматического взаимодействия, подобные случаи полисемии последовательно не рассматриваются, но упоминаются для полноты картины. Не являясь очевидными случаями синтагматического взаимодействия, они тем не менее оказываются показательными в плане «удачных» (оптимальных), а не «неудачных» (аномальных) сочетаний: значение одной граммемы интерпретируется (в минимальном контексте) как значение граммемы другой категории. Таким образом, здесь речь идет не о запретах, а о предпочтениях комбинирования граммем отдельных грамматических категорий, которые приводят к регулярным моделям полисемии или кумуляции категорий.

7. Факторы, влияющие на разрешение конфликтных сочетаний

В работах [Malchukov 2009; 2011] предлагается считать, что основными факторами, определяющими, какая из категорий будет доминантной, а какая — рецессивной, являются **сфера действия** (score) и **маркированность**: при прочих равных условиях категория с широкой сферой действия является доминантной, а немаркированная — рецессивной. Роль первого фактора подтверждается как соображениями семантического порядка (считается, что оператор вызывает реинтерпретацию аргумента, а не наоборот), так и типологического. Как указано выше, императив, который обладает наиболее широкой сферой действия (ср. его позицию в схеме 2), является, что было показано еще в работе [Храковский 1996], доминантной категорией. Сходным образом глагольные и синтаксические категории (отрицание, время/модальность) в наибольшей степени влияют на другие категории (глагольные и именные) по наблюдениям А. Айхенвальд и Р. Диксона [Aikhenvald, Dixon 1998].

Роль фактора маркированности при разрешении конфликтных сочетаний хорошо известна в типологии [Croft 1990]. Приведем пример из области видо-временных отношений, упомянутый выше — «парадокс перфективного презенса». В тех случаях, когда перфектив является маркированным членом парадигмы, он способен реинтерпретировать временную форму (ср. формы перфективного презенса с футуральной интерпретацией в русском),

если же перфективный аспект не маркирован, то он, как правило, рецессивен. Это хорошо видно из сопоставления русского языка, в котором перфектив маркирован и противопоставлен безпрефиксному имперфективу, и английского, в котором имперфектив («continuous» — *He is writing*) маркирован и противопоставлен немаркированному перфективу («indefinite form» типа *He writes* считается немаркированным перфективом; см., например, [Smith 1997]). Как отмечается в работе [Bache 1995], это объясняет, почему перфективный аспект является доминантным (по отношению к презенсу) в русском, но не в английском языке⁵.

8. Маркированность и иерархии маркированности

В рамках принятого подхода маркированность играет важную роль в описании синтагматического взаимодействия категорий, поскольку позволяет представлять правила взаимодействия в виде иерархий маркированности. Следует подчеркнуть, что маркированность в данном случае понимается как частная/избирательная маркированность (local markedness), регулирующая предпочтения отдельных граммем по отношению к определенным сочетаниям. Те предпочтения, которые проявляют явные типологические тенденции, имеют прозрачное функциональное (семантическое и/или прагматическое) основание: наличие семантически менее (функционально) полезных сочетаний, предполагает наличие более полезных, а наименее полезные (неудачные) сочетания либо устраняются из парадигмы, либо реинтерпретируются.

Так предпочтения и запреты на сочетания императива с показателями лица могут быть представлены в виде следующей иерархии из [van der Auwera et al. 2004; ср. Aikhenvald 2010; Гусев 2013]:

2SG > 2PL > 1PL.INCL > 3SG, PL > 1PL.EXCL, 1SG
императив ←—————

Схема 1. Иерархия лиц в императиве

Если формы 2 л. представлены во всех парадигмах императива (являются для императива центральными; см. 4.3), то формы 1 л. ед. ч. и 1 л. мн. ч. эксклюзива чаще всего отсутствуют или реинтерпретируются; см. [Мальчуков, Храковский 2015] с подробной библиографией.

Применительно к аспектуальным граммемам, в работах [Malchukov 2009; 2011], обобщающих наблюдения [Comrie 1976: 73 ff.], предложена следующая иерархия, описывающая взаимодействие (перфективного) аспекта с временными граммемами:

ПРОШЕДШЕЕ ВРЕМЯ > БУДУЩЕЕ ВРЕМЯ > НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ
перфектив ←—————

Схема 2. Иерархия времен в перфективе

Эта иерархия предсказывает, что перфективные формы будут всегда представлены в прошедшем времени, а в презенсе будут либо отсутствовать, либо реинтерпретироваться (см. раздел 5 выше). Единственная оговорка по отношению к наиболее естественным сочетаниям заключается в том, что, в силу фактора экономии, удачные сочетания часто будут выражаться кумулятивно (ср. кумулятивное выражение форм перфективного прошлого типа аориста, или кумулятивное выражение форм 2 л. императива).

Сходные иерархии были предложены и для других категорий, например эвиденциальности и лица. С учетом результатов ранее опубликованных работ [Willet 1988; Козинцева

⁵ Ср.: «In Russian, the use of the present perfective form for future rather than present temporality supports the status of the perfective as the marked member of the Russian aspect opposition. In English, the occasional use of the simple (perfective) present for the expression of present temporality (e. g., present stative or habitual meaning) indicates that the simple form is the unmarked member of the English aspect opposition» [Bache 1995: 190].

1994; Johanson, Utas 2000; Curnow 2003; Aikhenvald 2004], А. Л. Мальчуковым предложена следующая иерархия, ограничивающая употребление форм косвенной эвиденциальности (неочевидности) в разных лицах [Malchukov 2011]:

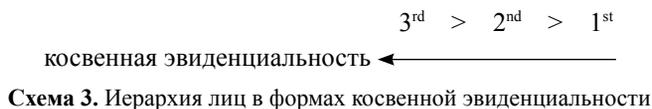

Схема 3. Иерархия лиц в формах косвенной эвиденциальности

Данная иерархия предсказывает, что в ряде языков формы косвенной эвиденциальности ограничены формами 3 л. (в [Aikhenvald 2004: 232] приведены примеры из языков коасати, хам, а также из грузинского языка), в других языках — формами 3 и 2 л. (например, в хунзибском и коми), тогда как в некоторых языках такие формы сохраняются во всех лицах. Тем не менее, там, где употребляется сочетание показателя 1 л. с показателем неза-свидетельствованной эвиденциальности, оно нередко подвергается реинтерпретации, как, например, миративные формы; см. [Curnow 2003; Aikhenvald 2004].

В заключение следует упомянуть, что сочетаемость грамматических и лексических значений регулируется сходными иерархиями. Так, с учетом предварительных результатов исследований в работах [Bohnenmeyer, Swift 2004] и [Храковский и др. 2008] может быть предложена следующая шкала, описывающая сочетаемость перфективного и имперфективного аспектов с различными акциональными классами:

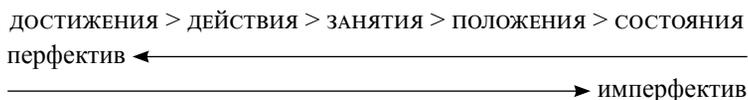

Схема 4. Сочетаемость перфективного и имперфективного аспектов с различными акциональными классами

Данная иерархия предсказывает, что для достижений и действий наиболее частотным и наименее маркированным будет перфективный ракурс, а для состояний и положений — имперфективный (ср. понятие *default aspect* в работе [Bohnenmeyer, Swift 2004]). И напротив, (неудачные) сочетания состояний с перфективным ракурсом, а достижений с имперфективным либо устраняются из аспектуальной парадигмы, либо реинтерпретируются [Храковский и др. 2008].

9. Синтагматическое взаимодействие и типология языков

Как видно из вышеизложенного, предлагаемый подход наиболее естественно приложим к языкам агглютинативного строя и, более широко, к языкам с развитой морфологией. Применительно к этому типу описание сочетаемости аффиксов, возможных запретов и реинтерпретаций не представляет труда. Более того, для языков с особенно сложной морфологией типа полисинтетических подобное описание предпринималось традиционно, в рамках так называемой грамматики порядков [Глисон 1959], описывающей дистрибуции и позиционные возможности отдельных аффиксов (см. например, [Володин 1976] для ительменского, [Головки 1986] для алеутского). Подобное описание применялось и к стандартным агглютинативным языкам ([Ревзин, Пинес 1969] для азербайджанского).

На первый взгляд, подобный подход хуже применим к языкам изолирующего типа, где морфология в собственном понимании отсутствует. Вместе с тем надо отметить, что в принципе наш подход применим и к изолирующим языкам, в особенности если в них может быть выделен ряд грамматикализованных показателей, подверженных дистрибутивным ограничениям. Во многих случаях это оказывается возможным: показательно, что для изолирующего кхмерского языка было предложено описание глагольной конструкции в терминах грамматики порядков [Дмитренко 1998]. Надо подчеркнуть, что описания дистрибуции

в рамках грамматики порядков или сходных подходов не исчерпывают проблематику синтагматического взаимодействия, поскольку в рамках нашего подхода не меньшее значение имеют случаи реинтерпретации граммем (их значений) в определенных сочетаниях. Однако в общем случае развиваемый подход приложим к языкам разной типологии: полисинтетическим, агглютинативным, изолирующим и флективным. Для последних описание оказывается в некоторой степени более простым (в плане определения состава парадигм), хотя и здесь есть определенные сложности. Эти сложности в первую очередь связаны с пониманием и отождествлением кумулятивных категорий, но для нашего проекта проблема кумуляции значений является, скорее, периферийной. Наконец, если принять упоминавшуюся выше гипотезу о так называемом универсальном грамматическом наборе, то приложимость предлагаемого подхода к языкам различной типологии является самоочевидной.

10. Анкета

В этом разделе в конспективном виде излагаются исходные постулаты нашего подхода и формулируются вопросы для специалистов, описывающих иерархию и синтагматическое взаимодействие грамматических категорий в различных языках в рамках предлагаемого проекта. Анкета имеет свою специфику. Ее составители не предполагают, что участники проекта будут отвечать на все вопросы. Имеется в виду, что в ответах будут представлены наиболее интересные случаи взаимодействия грамматических категорий в конкретных языках, что позволит с достаточной определенностью сформулировать общие закономерности в этой области.

Введение. Несколько упрощая реальное положение вещей, но тем не менее несколько его не искажая, будем исходить из того, что в различных языках знаменательные (предикатные и предметные) лексемы (= лексические единицы) выступают в тексте в виде слов, представленных словоформами, в которых лексема являет собой единое целое с грамматическими морфемами (= показателями граммем грамматических категорий), хотя может и не иметь грамматических категорий и, соответственно, словоформ, как это преимущественно наблюдается в так называемых изолирующих языках. Лексемы могут (факультативно) или должны сопровождаться служебными словами (= грамматическими единицами), которые в той или иной степени эквивалентны грамматическим морфемам. Коль скоро лексема сама по себе уже может представлять глагольное слово, она фактически является основным элементом слова, а роль грамматических категорий, точнее их граммем, сводится к обслуживанию лексемы. Иными словами, слово состоит из элементов, образующих иерархию, вершину которой занимает лексема. Иерархию элементов, образующих глагольное слово (лексема + грамматические показатели), можно описать как их классификацию по относительной ранговой значимости в составе этого слова.

Предлагаемая работа преследует ограниченную цель. Это первый вариант анкеты для описания закономерностей иерархии и взаимодействия грамматических категорий, присущих предикатным лексемам, точнее глаголам, а также служебных слов, сопровождающих глаголы, значения которых служат аналогами значений граммем грамматических категорий. В анкете мы постарались учесть все важные результаты, которые уже были получены в опубликованных работах, посвященных взаимодействию грамматических категорий, и о которых уже сказано в разделах 1—9.

С самого начала следует подчеркнуть, что мы не располагаем списком полного набора грамматических категорий, которые бывают присущи глаголу в языках мира, и опираемся на данном этапе на довольно ограниченную выборку исследованных языков, в силу чего полученные результаты являются сугубо предварительными. Более того, учитывая масштабность принятой исследовательской программы, мы ограничим последующее изложение теми грамматическими (категориальными) значениями, которые представляются наиболее типологически значимыми (частотными) и претендуют на вхождение в универсальный грамматический набор (в духе Дж. Байби, Э. Дала и В. А. Плуногяна; см., например, [Плуногян 2011: 94—100]). Вместе с тем специалисты по отдельным языкам будут, разумеется,

иметь дело с категориями исследуемых ими языков, которые могут в той или иной степени отклоняться от типологических прототипов или быть даже не сводимыми к ним (см. обсуждение в работе [Haspelmath 2010] *comparative concepts vs. language-particular categories*). Разумеется, все возможные категории глагола не могут быть предусмотрены в рамках настоящей анкеты, нацеленной на более частотные категории. Описание взаимодействия других категорий будет несомненно представлять для нас интерес, но подобное взаимодействие хуже поддается типологическому обобщению, поэтому наша анкета ставит целью получение более систематического материала по взаимодействию наиболее частотных категорий.

Отдельную проблему при подобном описании, даже при принятых ограничениях на инвентарь глагольных категорий, составляют вопросы терминологии. В целом наш терминологический выбор соответствует тому, что принято в типологических пособиях (таких, как [Плунгян 2011]); в ряде случаев мы следуем терминологии И. А. Мельчука, однако не разделяем его убеждения, что упаковка граммем в категории является заданной и универсальной. Напротив, такое упорядочивание, какое представлено в трудах Мельчука (см., прежде всего, [Мельчук 1998]), скорее, представляет собой гипотезу, подлежащую эмпирической проверке, и мы надеемся, что наш проект внесет вклад в эту работу, поскольку сводимость форм в парадигмы отчасти определяется правилами синтагматического взаимодействия (граммемы одной парадигмы взаимоисключают друг друга по определению). Таким образом, наша позиция является компромиссной по отношению к неоструктуралистскому подходу Мельчука (признающего универсальность грамматических категорий и предложившего их исчисление) и антиструктуралистскому подходу Байби, Даля и других, признающих реальными типологически значимые значения (*gram-types*), но не их упаковку в грамматические категории.

Предмет исследования был ограничен и в ряде других отношений. Как видно из содержания анкеты, основное внимание уделяется категориям финитного глагола: правила взаимодействия категорий нефинитных форм — предмет отдельного исследования, поскольку речь идет о взаимодействии глагольных категорий с неглагольными, прежде всего именными. В принципе, возможные комбинации глагольных категорий с именными также подлежат типологическим ограничениям (описанным в [Malchukov 2004]), но эти ограничения имеют отчасти иную природу. Сверх того, наше исследование, в целом, ограничено бинарными взаимодействиями категорий, хотя существуют и более сложные случаи взаимодействия (см. выше о тернарном взаимодействии императива с видом и отрицанием в русском языке в 4.2; другие случаи тернарного взаимодействия между императивом, ирреалисом и отрицанием рассмотрены в [Мальчуков, Храковский 2015]).

Наконец, мы в основном описываем синтагматическое взаимодействие на уровне граммем (как в работах [Храковский 1996; Malchukov 2011]), а не на уровне грамматических категорий в целом (как в работе [Aikhenvald, Dixon 1998]). Это в какой-то мере мотивировано тем, что, как было отмечено выше, мы отчасти согласны с точкой зрения авторов (Байби, Далья и др.), которые считают грамматические категории в определенном смысле абстракцией лингвистического описания, а реальность признают за отдельными типологически релевантными грамматическими категориями («grams» по Байби, см. об этом [Плунгян 2011: 34—35]). Вместе с тем надо признать, что синтагматическое взаимодействие можно, в принципе, описывать на разных грамматических уровнях: на уровне отдельных граммем (как в нашем подходе), уровне взаимодействия категорий (как в работе [Aikhenvald, Dixon 1998]), но также и на более дробном уровне — уровне частных значений отдельных граммем (как в работе [Храковский 2014]). Последний случай (когда выбор одной граммемы ограничивает выбор частных значений другой граммемы) описывается как случай рецессивности (реинтерпретации) в рамках настоящего подхода.

Будем различать два принципиально различных вида взаимодействия. Один вид взаимодействия будем называть тривиальным. При тривиальном взаимодействии две граммемы двух разных категорий (и, тем самым, частные значения этих граммем) без ограничений сочетаются друг с другом в рамках глагольной словоформы по композициональному,

т. е. суммирующему принципу. Другой вид взаимодействия будем называть нетривиальным. При таком взаимодействии двух граммем (категорий) одна из них (доминантная) вызывает изменения в другой (рецессивной) [Храковский 1990; 1996].

В соответствии с работой [Malchukov 2011] будем исходить из гипотезы, что при взаимодействии двух граммем немаркированная граммема скорее будет рецессивна по отношению к маркированной, а граммема категории с широкой сферой действия скорее будет доминантна по отношению к граммемам категории с узкой сферой действия. Что касается порядка представления категорий, то мы принимаем порядок: наклонение > время > вид > залог > лицо/число. Постулируя этот порядок, который, по нашему мнению, отражает «естественную иерархию» грамматических категорий, мы учитывали идеи работ Дж. Байби и других исследователей (см. раздел 3 выше). В соответствии с изложенным был составлен план, по которому строится излагаемая ниже анкета взаимодействия грамматических категорий.

1.1. Наклонение

Мы исходим из того, что категория наклонения указывает на мнение говорящего относительно принадлежности ситуации, или, если угодно, пропозиции, называемой глаголом, либо к реальному миру (индикатив/реалис — прямое наклонение)⁶, либо к нереальному (желаемому, возможному, невозможному (оптатив, конъюнктив, кондиционалис, ирреалис), либо к возможному, проецируемому в реальный мир (императив) — косвенные наклонения); ср. [Якобсон 1972: 111; Мельчук 1998: 153]. У этой категории по сравнению с другими рассматриваемыми содержательными категориями самая широкая сфера действия, которая распространяется на все предложение с данным ядерным глаголом. В соответствии с принципом иконичности показатели граммем наклонений стандартно занимают крайнюю (обычно правую) позицию в глагольной словоформе [Вубе 1985], если не учитывать показатели формальной категории лица/числа.

1.2. Время

Категория времени — это категория, граммемы которой характеризуют локализацию ситуации, обозначаемой глаголом, по отношению к времени речи (совпадает/предшествует/следует). Соответственно, различаются формы прошедшего, настоящего и будущего времени, которые принято называть абсолютными временными формами. В то же время оппозиция временных форм может отличаться от оппозиции временных планов и, соответственно, бывают оппозиции временных форм прошедшего и непрошедшего времени, будущего и небудущего времени. Вместе с тем в отдельных языках существуют абсолютно-относительные временные формы (типа плюсквамперфекта и будущего в прошедшем), которые, с одной стороны, относят обозначаемую ситуацию к конкретному временному плану, но, с другой стороны, соотносят ситуацию не со временем речи, а со временем осуществления ситуации, обозначаемой другой временной формой. Кроме того, в некоторых языках существуют формы (типа аориста и имперфекта), которые кумулятивно выражают как временные, так и видовые значения, о которых речь пойдет в следующем параграфе.

1.3. Вид

Характеризуя категорию вида/аспекта, следует сказать, что она, в отличие от категорий наклонения и времени, детерминируется акциональными классами глагольных лексем, поскольку не связывает выражаемую ситуацию с реальным или возможным миром, а отражает

⁶ Поскольку пропозиция, называемая глаголом в индикативе, относится к реальному миру, высказывание с глаголом в индикативе может быть либо истинным, либо ложным. Высказывания с глаголом в форме других наклонений по этому параметру не классифицируются.

внутреннее устройство ситуации. Если говорить о формальном устройстве категории вида, то она бывает либо словоклассифицирующей, либо словоизменяющей. Словоклассифицирующей является, например, категория вида в русском языке, представленная граммемами СВ и НСВ. Все формы любой глагольной лексемы, как финитные, так и нефинитные, являются формами либо СВ, либо НСВ. Словоизменяющей, например, является категория вида в испанском языке, где то или иное конкретное видовое значение присуще не лексеме, как в русском языке, а отдельным финитным видо-временным формам (аористу, имперфекту, перфекту). Это прогрессив (*строить*), дуратив (*зудеть*), хабитуалис (*зудеть* неоднократно), мультипликатив (*мелькать*). Наблюдатель реально видит только какой-либо фрагмент этих ситуаций. Иначе говоря, временной интервал, который занимает окно наблюдения, меньше временного интервала, который занимает сама ситуация. И словоизменяющая, и словоклассифицирующая категория вида может быть представлена различными вариантами, что необходимо учитывать при работе с материалом конкретных языков.

И. А. Мельчук [1998; 2001] распределяет эти аспектуальные значения (и некоторые другие) по пяти аспектуальным категориям⁷. Это деление можно рассматривать как гипотезу о предпочтительном способе упаковки данных значений по категориям: предполагается, что для языков с развитой морфологией значения из состава одной аспектуальной категории не сочетаются друг с другом, а значения из разных категорий сочетаются, вообще говоря, могут. Напомним, что мы рассматриваем такое деление не как универсальное, но как одно из возможных (и даже типологически предпочтительное — это, однако, подлежит дополнительной проверке), тем более, что наше исследование направлено как раз на выяснение возможных ограничений на сочетаемость грамматических значений, что, в свою очередь, определяет их сводимость в категории.

1.4. Залог

Категория залога (в номинативных языках) всегда бывает представлена граммемой актива и, в наиболее типичном случае (у двухактантного глагола), одной или двумя граммемами пассива (трехчленный и/или двучленный пассив). Во всех производных диатезах пассивного залога первый семантический актанта не занимает позицию первого синтаксического актанта, которую он занимал в базовой диатезе. Иначе говоря, за переходом от актива к различному рода пассивам стоит перераспределение коммуникативных рангов семантических актантов, присущих базовой диатезе [Мельчук 1998].

В принципе, производных (пассивных) залогов может быть столько, сколько имеется актантов (не считая первого) у глагола, не учитывая возможного удвоения этих залогов. Реально же теоретически допустимого количества производных залогов не встречается. Наибольшее количество существующих залогов, очевидно, представлено в тагальском и других родственных ему языках. В эргативных языках категория залога бывает представлена граммемами исходного залога и антипассива (где устраняется 2-й глагольный актанта Пациенс).

⁷ «Категорией *аспекта I* называется категория, элементы которой указывают на количество описываемых фактов» [Мельчук 1998: 92]. Граммемы этого аспекта: нейтральный, семейфактив, мультипликатив. «Категорией *аспекта II* называется такая категория, элементы которой указывают: сосредоточен ли данный факт в одном месте и в одном моменте времени — или он распределен в пространстве и во времени» [Мельчук 1998: 100]. Граммемы этого аспекта: концентратив, дистрибутив, итератив, дистрибутив и итератив. «Категорией *аспекта III* называется такая категория, элементы которой характеризуют временную протяженность данного факта» [Мельчук 1998: 102]. Граммемы этого аспекта: точность, дуратив, хабитуалис. «Категорией *аспекта IV* называется такая категория, граммемы которой указывают, находится ли данный факт в фиксированный момент времени в процессе развертывания или нет» [Мельчук 1998: 103]. Граммемы этого аспекта: прогрессив, не-прогрессив. «Категорией *аспекта V* называется такая категория, элементы которой указывают, достигнут ли (должен ли быть достигнут) внутренний предел данного события» [Мельчук 1998: 106]. Граммемы этого аспекта: перфектив, имперфектив.

В отдельных языках, помимо собственно залога (пассива, антипассива), естественно рассматривать как залоговые и показатели «актантной деривации», которые могут менять количество семантических ролей лексемы (такие как каузативы, антикаузативы, рефлексивы и реципроки, а также некоторые виды аппликативов). Для нашего проекта включение последних показателей в описание желательного в тех случаях, когда эти показатели являются более грамматикализованными («квазиграммемами» в терминологии Мельчука), а также обнаруживают нетривиальное взаимодействие с другими категориями.

I.5. Лицо/число

Замыкают список анализируемых категорий категории лица и числа, которые обычно выражаются кумулятивно, и потому их целесообразно рассматривать совместно. В отличие от всех упоминавшихся до сих пор категорий эти две являются согласовательными, таким образом, строго говоря, находятся вне иерархии глагольных категорий, различающихся по сфере действия (scope); см. раздел 3 выше. Помимо наиболее частотных парадигм, включающих формы 1, 2, 3 л. ед. и мн. ч., возможны и более сложные парадигмы, включающие и формы дв. ч., а иногда и некоторые другие формы, в частности, инклюзивные и эксклюзивные. Известны и языки (например, некоторые тибетские) с более сложным выражением этих глагольных категорий, когда лицо и число (субъекта и объекта) выражаются независимо, и в этом случае их совместная встречаемость подвержена достаточно сложным правилам, которые подлежат изучению в рамках проекта. Применительно к большинству языков речь идет, скорее, об ограничениях на употребление личных форм с другими глагольными категориями (такими как наклонение, время или залог/валентность).

II. Взаимодействие наклонения с другими категориями

II.1. Взаимодействие индикатива...

II.1.1. Взаимодействие индикатива с граммемами времени

Индикатив/реалис — центральный немаркированный член категории наклонения, и поэтому предполагается, что он в любом языке тривиально взаимодействует с категорией времени, т. е. не реинтерпретирует ее. Иными словами, в индикативе представлены все временные формы, которые есть во взятом языке. Добавим к этому, что в ряде языков индикатив не имеет собственных показателей и реально представлен своей парадигмой временных форм. Соответственно, вопросы относительно взаимодействия индикатива и категории времени сводятся к характеристике временных форм, употребляющихся в индикативе.

Однако анкета, в принципе, должна предусматривать наличие у глагола в любом конкретном языке автономных категорий наклонения и времени. Вот вопросы, обращенные к исследователю:

- 1) Есть ли у глагола в Вашем языке категория наклонения? Если такая категория есть, какие граммемы, кроме индикатива, включает эта категория? Каковы показатели граммем этой категории? Есть ли в Вашем языке какая-либо граммама категории наклонения, у которой нет собственного показателя? Если в Вашем языке такой категории нет, то выражаются ли в Вашем языке значения, которые присущи граммемам этой категории в других языках (см. раздел I.1 выше), и если выражаются, то каким образом?
- 2) Есть ли в Вашем языке категория времени?⁸ Если такая категория есть, то какие формы (граммемы) этой категории употребляются в индикативе? Есть ли среди форм катего-

⁸ В этой работе мы исходим из предположения, что наиболее частотными граммемами, претендующими на вхождение в универсальный набор значений категории времени, являются три значения: настоящее, прошедшее и будущее.

рии времени наряду с абсолютными и абсолютно-относительные формы? Каковы показатели граммем этой категории? Однозначны или многозначны временные формы индикатива? Если среди временных форм есть многозначные, то перечислите частные значения и укажите, какие из них являются основными.

- 3) Могут ли временные формы индикатива выступать в функции косвенных наклонений — императива, конъюнктива и т. п. — и если могут, то какие это формы?
- 4) Если у глагола в Вашем языке категории времени нет, то выражаются ли в Вашем языке значения, которые присущи граммемам этой категории в других языках, и если выражаются, то каким образом?

II.1.2. Взаимодействие индикатива с граммемами вида

- 1) Есть ли в Вашем языке категория вида (аспекта)?
- 2) Если такая категория есть, то является ли она словоклассифицирующей (как в русском языке) или словоизменительной, т. е. грамматической (как в испанском языке)?
- 3) Какие формы входят в состав этой категории, и каковы показатели разных видовых форм?
- 4) Кластеры каких минимальных универсальных аспектуальных значений представляют собой формы словоклассифицирующей категории вида?
- 5) Какие минимальные универсальные значения (или наборы каких минимальных универсальных значений) выражают видовые или видо-временные формы словоизменительной категории вида?
- 6) Если такой категории нет, то как выражаются аспектуальные значения в Вашем языке и как взаимодействуют показатели этих значений с индикативом?

II.1.3. Взаимодействие индикатива с граммемами залога

- 1) Есть ли в Вашем языке категория залога? Если эта категория есть, то каковы показатели граммем этой категории?
- 2) Какие семантические актаны (и сирконстанты) могут переходить в индикативе в позицию первого синтаксического актанта в производных пассивных конструкциях? (В русском языке, например, в позицию первого синтаксического актанта может переходить только второй семантический актант.)
- 3) Какие залоговые формы и залоговые конструкции различаются в индикативе? В русском языке, например, с одной стороны, различаются пассивные конструкции, в которых позицию первого синтаксического актанта занимает второй семантический актант, и пассивные конструкции, где позиция первого синтаксического актанта остается незанятой (типа *Приказано наступать*), а с другой стороны — трехчленные и двучленные пассивные конструкции: *Мальчик открыл дверь* → *Дверь была открыта (мальчиком)*; *Командир приказал солдатам лечь* → *Солдатам было приказано лечь (командиром)*. В то же время есть языки, например арабский, в которых возможны только двучленные пассивные конструкции, где позицию первого синтаксического актанта занимает второй семантический актант: *бана: л- умма:лу л-джисра* ‘рабочие построили мост’ → *бунийа л-джисру* ‘мост построен’, и языки, например польский, в которых возможны двучленные пассивные конструкции, где позиция первого синтаксического актанта остается свободной: *Robotnicy budują wieżę* ‘рабочие строят башню’ → *Zbudowano wieżę* ‘досл. построено башню’ (= Башня построена).
- 4) Какие нестандартные семантические особенности есть у залоговых форм в индикативе? (Например, в русском и других языках при определенных условиях пассив имеет модальное значение: *Такие башни строятся быстро*.)
- 5) Если категории залога в Вашем языке нет, то какие средства используются для выражения залоговых функций?

II.1.4. Взаимодействие индикатива с граммемами лица/числа

- 1) Есть ли в Вашем языке категория лица/числа?
- 2) Если такая категория есть, то какие формы входят в лично-числовую парадигму индикатива?
- 3) Каковы показатели лично-числовых форм? Какие нестандартные частные значения есть у форм этой парадигмы?
- 4) Что, кроме значений лица/числа слова-контролера, может определять выбор конкретной лично-числовой формы глагола?

II.2. Взаимодействие императива

Среди косвенных наклонений наиболее типологически важным наклонением является императив. Об этом можно судить хотя бы потому, что формально о наличии категории наклонения в языке можно говорить только в том случае, если в этом языке существует оппозиция двух различных наклонений, и такими наклонениями всегда бывают индикатив и императив, но не индикатив и, скажем, конъюнктив или оптатив или императив и конъюнктив. Добавим к сказанному, что в языках, где у глагола нет императива, обычно есть служебные слова, которые маркируют императивное значение.

II.2.1. Взаимодействие императива с граммемами времени

Ставя вопрос о взаимодействии императива и категории времени, мы должны помнить о том, что императив обозначает каузацию⁹ перехода от возможного мира к реальному, а такой переход в принципе возможен только после времени речи, т. е. в будущем, и, таким образом, значение будущего времени является компонентом значения императива¹⁰. Следствием этого является то обстоятельство, что императив как доминирующая категория прототипически не должен сочетаться с показателями категории времени, по крайней мере, с нефутуральными показателями. Если в языке все же наблюдается сочетаемость императива с нефутуральными показателями времени, что бывает исключительно редко, то это приводит к модификации или реинтерпретации императивного значения. Примером может служить сирийский арабский язык, где форма императива 2 л. ед. ч. в сочетании с формой 2 л. ед. ч. служебного глагола *ka:na* 'быть' интерпретируется как модальная форма ирреальной необходимости [Cowell 1964: 361].

Вместе с тем у императивных форм может быть специфическая категория временной дистанции, которой может не быть и преимущественно не бывает у индикативных форм (см. раздел 4.1 выше). Эта категория в императиве обычно принимает два значения: а) ситуация, называемая императивной формой, реализуется в любой момент времени после времени речи; б) ситуация, называемая императивной формой, реализуется спустя определенный период времени после времени речи. Прагматическая важность этой категории именно для императива не нуждается в комментариях¹¹.

⁹ Каузация, выражаемая императивными формами, имеет следующие частные значения: приказ, требование, просьба, совет, разрешение, допущение. Список таких частных значений может быть расширен. В некоторых языках существуют императивные формы, противопоставляющие разные комбинации этих частных значений.

¹⁰ Особо следует отметить, что будущее действие, обозначаемое императивом, может представлять собой продолжение действия, происшедшего вплоть до момента речи, и которое, по мнению говорящего, может прекратиться. Ср.: *Пиши, пиши!*

¹¹ Имеет смысл обратить также внимание на то, что исключительно в силу особенностей своей семантики и ролевых функций говорящего и слушающего(-их) при произнесении императивных высказываний в языках мира возможно наличие оппозиции фактивных и пермиссивных форм императива, а также оппозиции нейтральных, вежливых и невежливых (= грубых) императивных форм.

Опираясь на изложенные соображения, можно сформулировать следующие вопросы относительно взаимодействия императива и категории времени, обращенные к исследователю:

- 1) Существуют ли в Вашем языке императивные формы с футуральными и/или нефутуральными показателями категории времени? Если такие формы существуют, то употребляются ли они в прототипических императивных высказываниях? Если они в таких высказываниях не употребляются, то какую функцию они выполняют?
- 2) Существует ли в Вашем языке у глагола в императиве категория временной дистанции? Если такая категория есть в императиве, то сколько граммем входит в состав категории, каково значение этих граммем и какие у них показатели?

Что касается формального статуса императивных форм, то в разных языках наблюдается связь императива с презентными и футуральными временными формами индикатива. Она проявляется в том, что императивные формы часто образуются от презентной основы индикатива (русск. *смотри-и, читай-Ø*), повелительное значение имеют формы настоящего, либо (чаще) формы будущего времени, либо (реже) формы прошедшего времени, причем формы настоящего и прошедшего времени обычно используются для обозначения немедленного или эмфатического действия (русск. *идем(те), пошли*), см. [Гусев 2005; Aikhenvald 2010], а формы настоящего и будущего времени могут выступать как синонимы императивных форм (иврит. *saper/tesaper* 'расскажи (м. р.)'). Соответственно, анкета должна включать вопросы следующего типа:

- 1) Являются ли императивные формы исконными или происходят от каких-либо других форм?
- 2) Если императивные формы являются производными, то к каким формам они восходят и каковы семантические особенности последних?
- 3) Есть ли у императивных форм синонимичные формы других наклонений?

II.2.2. Взаимодействие императива с граммемами вида

Можно предположить, что императив нетривиально взаимодействует со словоклассифицирующей категорией вида в тех языках, где эта категория есть. Это взаимодействие проявляется в том, что в императиве видовые формы функционируют не так, как в индикативе, который тривиально взаимодействует с категорией вида (см. раздел 4.2 выше).

Рассмотрим, например, русский язык, где правила употребления форм НСВ и СВ в императиве отличаются от правил употребления этих форм в индикативе. Выбор форм НСВ и СВ в императиве осуществляется в соответствии со следующими правилами. Если до произнесения повелительного высказывания будущий агент-исполнитель уже осведомлен о той ситуации, которую ему предстоит выполнить или догадывается о ней, то избирается форма НСВ. Повелительное высказывание с императивной формой НСВ в основном сигнализирует о необходимости начать выполнять каузируемую ситуацию сразу же после произнесения прескрипции. В таком высказывании обычно эллиптируются актанты глагола, которые заданы в предшествующем тексте. Актуально-длительное (дуративное/прогрессивное) значение НСВ в этом случае в определенной степени деформируется, однако не утрачивает своей основной процессуальной составляющей.

Если же до произнесения повелительного высказывания будущий агент-исполнитель не располагает никакой предварительной информацией о ситуации, которую ему предстоит выполнить, и не догадывается о ней, то, как правило, избирается обозначающая новую информацию форма СВ в своем основном конкретно-фактическом значении¹². Передача новой информации формирует типичный облик повелительных высказываний: в них обычно

¹² Заметим, что если в формах СВ прошедшего времени говорящий характеризует выражаемую ситуацию «извне» уже после того, как ситуация завершилась, т. е. ретроспективно, то в формах СВ

представлены все актанты глагола, а кроме того для них характерны сирконстанты, обозначающие темпорально-локальные координаты ситуации, которая должна осуществиться.

В прохибитивном контексте стандартно употребляется только форма НСВ. Отрицательная форма императива СВ меняет свое повелительное значение на так называемое превентивное (см. раздел 4.2 выше). Высказывание *He prostudись!* означает, что говорящий призывает слушающего случайно не оказаться в ситуации, которая может способствовать его заболеванию.

Соответственно, если в языке есть словоклассифицирующая категория вида, то анкета должна включать вопросы следующего типа:

- 1) Все ли видовые формы употребляются в императиве?
- 2) Если употребляются все формы, то каковы правила выбора разных форм?
- 3) Если употребляются не все формы, то какие конкретно формы не употребляются и каковы причины запрета на их употребление?
- 4) Существуют ли такие видовые формы, которые в контексте отрицания меняют свое повелительное значение на какое-либо другое?
- 5) Деформируется ли в императиве значение видовых форм, представленное в соотносимых формах в индикативе?

II.2.3. Взаимодействие императива с граммемами залога

В тех языках, где есть категория залога, императив зачастую нетривиально взаимодействует с этой категорией. Стандартно в императиве употребляются формы актива, а формы пассива либо вообще не употребляются, либо употребляются крайне редко и реинтерпретируются, выражая значение рефлексивного пермиссива типа *Be examined by the doctor*, *Don't be deceived* (см. раздел 4.4 выше). Однако в некоторых языках в императиве преимущественно употребляются формы пассива. Такая ситуация наблюдается, например, в индонезийском языке, где в императиве в основном употребляются формы пассива, а формы актива хотя и возможны, но употребляются крайне ограниченно, причем глагольная форма обычно редуцируется и может приобретать дополнительное значение неоднократности: ср. *Baca surat oleh Anda* 'прочитайте письмо', букв. 'пусть письмо будет прочитано Вами' и *Datang-datang ke rumah saya* 'приходи почаще ко мне домой' [Агус Салим 1992: 229—231]. Вместе с тем есть «многозалоговые» языки, например филиппинские. В частности, в тагальском языке есть акторный, каузативный, пациенсный, бенефактивный и инструментальный залого. Императив употребляется во всех этих залогах, кроме каузативного.

Относительно взаимодействия императива и категории залога необходимо задать исследователю следующие вопросы:

- 1) Меняется ли состав залоговых форм в императиве сравнительно с залоговыми формами индикатива и если меняется, то каким образом?
- 2) Есть ли нестандартные частные значения у залоговых форм в императиве и если есть, то какие это значения?

II.2.4. Взаимодействие императива с граммемами лица/числа

Как было показано выше (см. раздел 4.3), императив реально взаимодействует с категорией лица/числа. Говоря о взаимодействии этих категорий, следует с самого начала подчеркнуть, что в императивном предложении значительно чаще, чем в индикативном, отсутствует слово, контролирующее выбор показателя лица и числа у императивной формы. В стандартных случаях употребления императивных предложений (ср. русск. *иди, идите*,

императива (и будущего времени) говорящий характеризует ситуацию «извне» еще до того, как она совершилась, т. е. проспективно.

идем, идемте, франц. *parle* ‘говори’, *parlez* ‘говорите’, *parlons* ‘давай(те) (будем) говорить’) отсутствие местоименного подлежащего является либо нормой, как в русском языке по отношению к формам 2 л., либо правилом, как во французском и русском языке по отношению к формам 1 л. мн. ч. (совместного лица). Наличие слова-контролера является нормой или правилом для тех языков, где глагол лишен морфологии словоизменения; ср. кхмер. *koun taok jat* ‘иди поешь’, букв. ‘ребенок приходит есть’.

Лично-числовая парадигма императива, как уже было подробно сказано в разделе 4.3, отличается от лично-числовой парадигмы индикатива и других наклонений по следующим параметрам: 1) центральными в лично-числовой парадигме императива являются формы 2 л.; 2) периферийные формы других лиц часто отсутствуют в парадигме; 3) лично-числовые показатели императива полностью или частично отличаются от аналогичных показателей других наклонений; 4) в императиве могут быть лично-числовые формы, которых нет в других наклонениях; 5) парадигма лично-числовых форм прохибитива может по составу отличаться от парадигмы лично-числовых форм императива. Сказанное позволяет сформулировать следующие вопросы относительно взаимодействия императива и категории лица/числа, которые нужно задать исследователю:

- 1) Какие формы входят в лично-числовую парадигму императива в Вашем языке, и какие показатели есть у этих форм?
- 2) Отличается ли по составу форм лично-числовая парадигма императива от лично-числовой парадигмы индикатива? Если отличается, то в каком отношении (увеличивается/уменьшается количество форм; какие формы выпадают из парадигмы, какие формы в ней появляются)? Наблюдается ли многовариантность форм в лично-числовой парадигме императива?
- 3) Какие нестандартные частные значения (например, этикетные) есть у форм этой парадигмы?
- 4) Какие формы входят в лично-числовую парадигму прохибитива? Отличается ли лично-числовая парадигма прохибитива по составу форм и/или по их устройству от лично-числовой парадигмы императива? Наблюдается ли многовариантность форм в лично-числовой парадигме прохибитива, и если наблюдается, то аналогична ли она многовариантности форм в лично-числовой парадигме императива или отличается от нее?

II.3. Взаимодействие других наклонений

II.3.1. Взаимодействие других наклонений с граммемами времени

Напомним, что идеализированная категория наклонения по И. А. Мельчуку [2001: 154—155] содержит шесть граммем. Кроме рассмотренных выше индикатива и императива это оптатив (= желательное наклонение), выражающий экстериоризацию желания говорящего, конъюнктив (= сослагательное), выражающий нереперентный характер описываемого факта (например, когда эта форма выражает целевое значение зависимого глагола), кондиционалис (= условное), выражающий обусловленный характер описываемого факта, ирреалис (= ирреальное), выражающий предположение, противоречащее фактам¹³.

Последние четыре косвенных наклонения обладают общим свойством, вытекающим из их семантики: они указывают на принадлежность обозначаемой ситуации к возможным — или даже альтернативным — мирам, а потому их темпоральная (а также аспектуальная, см. II.3.2 ниже) характеристика оказывается менее релевантной. Соответственно, данные наклонения нетривиально взаимодействуют с категорией времени, занимая промежуточную позицию между индикативом и императивом, а именно: у этих наклонений

¹³ Концепция И. А. Мельчука не учитывает такие иллокативные наклонения, как интеррогатив и аффирматив.

временных форм обычно либо меньше, чем у индикатива, либо их вообще нет, а если есть, то часто они подвергаются реинтерпретации (см. [Мальчуков, Храковский 2015]). Например, в русском языке в сослагательном наклонении в отличие от индикатива временных форм нет, а в языке нкоре-кига при наличии в индикативе семи временных форм в сослагательном наклонении только две временные формы [Taylor 1985: 154]. В обобщающей главе сборника, специально посвященного категориям наклонения в европейских языках, отмечается, что из 36 описанных в нем европейских языков лишь в двух языках все времена индикатива выражаются и в конъюнктиве [Thieroff 2010: 19].

Все изложенное позволяет сформулировать следующие вопросы относительно взаимодействия косвенных наклонений и категории времени:

- 1) Какие косвенные наклонения, кроме императива, входят в состав категории наклонения в Вашем языке? Какие значения выражают эти наклонения? Есть ли у этих наклонений временные формы? Если такие формы есть, то соответствует ли их семантика аналогичным временным формам индикатива? Если их семантика не соответствует аналогичным временным формам индикатива, то какие значения они выражают? Могут ли формы каких-либо из этих наклонений выполнять функции футуральных форм индикатива и/или форм императива при наличии соответствующих форм или при их отсутствии?
- 2) Есть ли в Вашем языке иллокутивные наклонения кроме императива типа интеррогатива (вопросительного наклонения) в эскимосском и аффирматива (утвердительного наклонения) в нанайском?
- 3) Если в Вашем языке у категории наклонения есть только граммы индикатива и императива или же такой категории вообще нет, то каким образом выражаются значения косвенных наклонений? (Например, в индонезийском языке, где категории наклонения нет, стандартное значение русского сослагательного наклонения выражается союзами, вводящими зависимую часть сложноподчиненных ирреальных условных предложений; это союзы с конфиксом *se...-nya: sekiranya, seandainya* ‘если бы’, *sebaiknya* ‘хорошо было бы, если’, см. *Sekiranya bersayap, terbang saya ke sana* ‘были бы [у меня] крылья, улетел бы я туда’ [Агус Салим 1992: 227].)

III.3.2. Взаимодействие других наклонений с граммемами вида

Говоря о взаимодействии косвенных наклонений (кроме императива) с категорией вида, очевидно, следует различать два случая маркирования аспектуальных различий. В одном случае в языке существует словоизменительная категория вида, которая реализуется в единой парадигме аспектуально-темпоральных форм, включающей, например, такие формы, как аорист, имперфект, перфект, дуратив, прогрессив и т. п. В этом случае в косвенных наклонениях аспектуально-темпоральные формы обычно используются выборочно или не используются вовсе, т. е. имеет место нетривиальное взаимодействие. Подобная градуальная редукция аспектуальных различий в косвенных наклонениях, особенно характерная для языков со словоизменительной категорией вида, объясняется принципом релевантности (см. раздел 6 выше): нереальные/ирреальные действия менее нуждаются или совсем не нуждаются в аспектуально-темпоральной квалификации. Например, в санскрите оптаив (как и императив) представлен только презентно-имперфективными формами [Kulikov 2001], в сослагательном наклонении языка басков аспектуальные различия не выражаются [Saltarelli 1988: 230]. В цахурском языке оппозиция аспектуальных форм обязательна в реальности (прямое наклонение), факультативна в гипотетическом и отсутствует в контрфактическом наклонении [Майсак, Татовосов 1998].

О другом случае можно говорить, когда в языке представлена словоклассифицирующая категория вида. Тогда время и вид маркируются отдельно, как, например, в русском языке, где сослагательное наклонение тривиально взаимодействует с категорией вида. Так, взаимодействие граммы НСВ с граммемой сослагательного наклонения похоже на взаимодействие

граммемы НСВ с граммемой индикатива. Иначе говоря, при обозначении однократного действия граммема НСВ преимущественно выражает актуально-длительное (дуративное) значение, причем можно считать, что говорящий мысленно находится «внутри» той ситуации, которую обозначает форма НСВ сослагательного наклонения: *Я бы сейчас спокойно делал уроки, если бы за стеной громко не разговаривали*. Что касается граммемы СВ, то она, как и в индикативе, нейтрально взаимодействует с граммемой сослагательного наклонения. При обозначении однократного действия граммема СВ обычно выражает конкретно-фактическое значение, а говорящий мысленно находится «вне» той ситуации, которую обозначает форма СВ сослагательного наклонения: [Елена Андреевна:] *Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь* (А. П. Чехов, «Дядя Ваня»); *Сидишь тут, глупостями занимаешься. Лучшие бы ужин приготовила или хоть чайник поставила* (В. К. Кетлинская).

В настоящее время представляется возможным сформулировать следующие вопросы о взаимодействии косвенных наклонений и категории вида:

- 1) Если в Вашем языке есть косвенные наклонения и словоизменительная или словоклассифицирующая категория вида, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 2) Существуют ли ограничения на употребление определенных видовых граммем в косвенных наклонениях?

II.3.3. Взаимодействие других наклонений с граммемами лица/числа

Стандартные косвенные наклонения, по нашим наблюдениям, чаще тривиально взаимодействуют с категорией лица/числа, однако следует обратить внимание на следующие случаи. Хотя по количеству форм лично-числовая парадигма косвенных наклонений обычно не отличается от парадигмы лично-числовых форм индикатива, возможны вариации при выборе лично-числовых показателей. Например, в латыни форма 1 л. ед. ч. презенса индикатива и конъюнктива имеет разные лично-числовые показатели; ср.: *orn-o* ‘я украшаю’ и *orne-t* ‘я украшал бы’. Однако косвенное наклонение может не иметь личной парадигмы, если она образуется от формы индикатива, у которой такой парадигмы нет. Так, например, обстоит дело в русском языке, где сослагательное наклонение образуется от формы прошедшего времени индикатива, у которой нет личной парадигмы, но которая изменяется по категории числа и рода (в ед. ч.). Ср.: *я/ты/он(а) почитал(а) → я/ты/он(а) бы почитал(а): мы/вы/они почитали → мы/вы/они бы почитали*.

Представляется возможным задать следующие вопросы о взаимодействии косвенных наклонений и категории лица/числа:

- 1) Есть ли у косвенных наклонений лично-числовая парадигма или такой парадигмы нет?
- 2) Как косвенные наклонения взаимодействуют с категорией лица/числа, если такая категория есть? Совпадают ли лично-числовые парадигмы косвенных наклонений и индикатива? Возможны ли варианты в оформлении лично-числовых показателей косвенных наклонений и индикатива?

III. Взаимодействие времени с другими категориями

III.1. Взаимодействие категории времени с граммемами наклонения

См. раздел II.

III.2. Взаимодействие категории времени с граммемами вида

Категория времени тесно взаимодействует с категорией вида и обычно в описании тех языков, где есть обе эти категории, речь идет о видо-временных формах, которые

представлены в индикативе и возможны в косвенных наклонениях. Наиболее широко в различных языках представлены два типа систем видо-временных форм. Система первого типа представлена, например, в романских языках, где в плане прошедшего времени существует несколько форм, чей показатель кумулятивно выражает определенное видо-временное значение. Речь идет о таких формах, как перфект, имперфект, аорист. В этом случае, как уже отмечалось, категория вида характеризуется как словоизменяемая. Система второго типа представлена, например, в русском языке, где видовое значение (в отличие от временного) есть у всех форм глагольной лексики, причем и видовое, и временное значения у всех форм маркируются отдельными показателями. В этом случае категория вида характеризуется как словоклассифицирующая.

Учитывая, что граммы СВ и НСВ представляют собой кластеры, объединяющие несколько частных (минимальных) аспектуальных значений, следует обратить внимание на то, что эти значения неодинаковым образом взаимодействуют с разными временными формами. Так, в русском языке существуют такие частные значения обоих видов (это, прежде всего, так называемые основные значения), которые выражаются во всех существующих временных формах, что свидетельствует о тривиальном взаимодействии граммем вида и времени. У НСВ это актуально-длительное/процессное, хабитуальное значения. У СВ это конкретно-фактическое значение. Другие частные значения выражаются не во всех существующих временных формах, что свидетельствует о нетривиальном взаимодействии граммем вида и времени. Например, общефактическое значение НСВ есть только у форм прошедшего времени. Эти случаи в рамках нашего подхода интерпретируются как проявление рессививности у видовой граммы (при этом утрата частного значения или ее иное ранжирование считается проявлением сдвига значения).

Более очевидный случай нетривиального взаимодействия вида и времени был рассмотрен выше на примере реинтерпретации форм перфективного презенса в славянских языках (см. [Breu 1994]). Как было показано выше (раздел 5), это семантически anomальное сочетание приводит к реинтерпретации либо временного значения (футуральная интерпретация в русском), либо аспектуальной формы (хабитуальная интерпретация в болгарском).

Относительно взаимодействия категорий времени и вида следует задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории времени и вида?
- 2) Если такие категории есть, то какую систему видо-временных форм они образуют?
- 3) Как выражаются видовые и временные значения: кумулятивно или раздельно?
- 4) Существует ли в Вашем языке перфективная форма настоящего времени, и если существует, то каким образом она (ре)интерпретируется?
- 4) Какие частные значения граммем СВ и НСВ реализуются во всех временных формах, а какие только в некоторых временных формах?
- 5) Существуют ли в парадигме временных форм такие формы, в которых нейтрализуется противопоставление видовых граммем?

III.3. Взаимодействие категории времени с граммемами залога

Что касается взаимодействия категорий времени и залога, то есть основания предполагать, что эти категории в отдельных случаях нетривиально взаимодействуют друг с другом.

В частности, перфект, образуемый от объектного результатива [Недялков 1983; Маслов 1983; Вубеэ et al. 1994], может сохранять объектную ориентацию и после реинтерпретации аспектуального значения как временного; при одном возможном анализе получается, что перфект представлен в пассиве, но не активе. Так, согласно Б. Комри [Comrie 1976], в русском языке перфект отличный от общепрошедшего времени представлен только в пассиве¹⁴.

¹⁴ «In a number of languages, overt expression of perfect meaning is possible only in the passive voice, and not in the active. In Russian, for instance, a sentence like *kon' jak vypit* means explicitly 'the brandy has

Соответственно, на данном этапе исследования можно задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории времени и залога?
- 2) Если такие категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 3) Совпадают ли по набору форм (видо)временные парадигмы различных залогов?
- 4) Если по набору форм (видо)временные парадигмы различных залогов не совпадают, то как можно охарактеризовать несовпадающие формы?

III.4. Взаимодействие категории времени с граммемами лица/числа

Что касается взаимодействия категорий времени и лица/числа, то ожидается, что они тривиально взаимодействуют друг с другом, если обе эти категории есть у глагольных форм. Впрочем, возможна ситуация, когда у одних временных форм в парадигме категория лица/числа есть, а у других временных форм сохраняется только оппозиция по числу, а оппозиция по лицу отсутствует. Именно такая ситуация наблюдается в русском языке, где категория лица/числа есть у форм наст. и буд. времени, тогда как формы прош. времени не изменяются по лицу, но изменяются по числу, и, кроме того, по роду (в ед. ч.). На данном этапе исследования относительно взаимодействия времени и лица/числа можно задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории времени и лица/числа?
- 2) Если эти категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 3) Возможна ли в Вашем языке ситуация, когда одни временные формы изменяются по лицу, а другие нет?

IV. Взаимодействие вида с другими категориями

IV.1. Взаимодействие категории вида с граммемами наклонения

См. раздел II.

IV.2. Взаимодействие категории вида с граммемами времени

См. раздел III.

IV.3. Взаимодействие категории вида с граммемами залога

О характере взаимодействия категорий вида и залога мы в настоящий момент не располагаем полной информацией. С одной стороны, специальное исследование, выполненное на материале русского языка [Пупынин 1996], показало, что залог и вид часто тривиально взаимодействуют друг с другом. И активные, и пассивные глагольные формы НСВ по аспектуальным свойствам, в общем, не отличаются друг от друга. И тем и другим залоговым формам присущи основные значения НСВ — актуально-длительное и хабитуальное, однако пассивные формы НСВ, в отличие от активных, преимущественно употребляются в хабитуальном значении, тогда как у активных форм такого предпочтения не наблюдается.

Также по своим аспектуальным свойствам не отличаются друг от друга активные и причастные пассивные формы СВ, которым присуще конкретно-фактическое значение. Однако «лишняя» временная форма причастного пассива типа *Дом построен* в результативном

been drunk', and not 'the brandy was drunk', which would be *kon'jak byl vypit*; but this distinction cannot be made in the active voice, where on *vypil kon'jak* corresponds to both 'he drank the brandy' and 'he has drunk the brandy'» [Comrie 1976: 84].

употреблении по своим аспектуальным свойствам резко отличается от соотносимых активных форм СВ, обозначая обычно длящееся состояние, оторванное от вызвавшего его действия и как бы взятое без начала и конца; ср.: *Недавно на дверях магазина «Вино» появилась лаконичная табличка «Магазин закрыт навсегда»*. Этот случай, скорее, свидетельствует о нетривиальном взаимодействии значений: «лишняя» временная форма причастного пассива СВ реинтерпретируется как форма НСВ.

С другой стороны, в работах [Пупынин 1996; Апресян 2004] отмечены ограничения на выражение видовых значений при формах пассива в русском — как рефлексивного, так и причастного. Эти ограничения объясняются Ю. Д. Апресяном тенденцией к редукции грамматических оппозиций у грамматически периферийных форм, т. е., по существу, маркированностью пассива; ср. понятие «дистрибутивной маркированности» по Крофту в разделе 2.

Как и в случае взаимодействия категорий времени и залога (см. раздел III.3 выше), менее очевидно, что нетривиальное взаимодействие такого рода — это взаимодействие синтагматического плана, а не чисто диахронического. Как известно, пассивные формы часто являются ингерентно (и по происхождению) стативными (результативными); с другой стороны, антипассивные формы являются ингерентно имперфективными. Как и в случае с пассивом, возникает вопрос о квалификации таких форм как аспектуальных или залоговых или как кумулятивно выражающих оба значения. При еще одной возможной интерпретации это взаимодействие является синтагматическим: в перфективных формах может отсутствовать антипассив, а в не-стативных формах — пассив.

Соответственно, на данном этапе исследования относительно взаимодействия категорий вида и залога можно задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории вида и залога?
- 2) Если эти категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 3) Существуют ли аспектуальные различия у разных залоговых форм?
- 4) Если такие различия есть, то в чем они заключаются?

IV.4. Взаимодействие категории вида с граммемами лица/числа

Можно полагать, что категории вида и лица/числа не зависят друг от друга и, соответственно, тривиально взаимодействуют друг с другом. Впрочем, диахронические факторы могут приводить к асимметрии в личных парадигмах у разных времен, что хорошо видно на русском (славянском) материале. Как известно, в русском языке формы прош. времени, восходящие к перфекту, не различаются по лицам, но согласуются по числу и роду (см. также сноску 4 выше). Подобные предпочтения форм прош. времени к родовому согласованию нуждаются в типологической проверке, хотя, вообще говоря, могут быть мотивированы функционально-диахроническими факторами. А. Л. Мальчуков вслед за работой [Lehmann 1982] связывает эту асимметрию с тенденцией обновления форм прош. времени за счет причастных форм; если последние имеют в (атрибутивной) позиции согласование по роду/числу, они могут его сохранять и после того как интегрируются в парадигму финитного глагола [Malchukov 2011].

Поэтому о взаимодействии этих категорий на данном этапе исследования можно задать следующие вопросы: Есть ли в Вашем языке категории вида и лица/числа? Если эти категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?

V. Взаимодействие залога с другими категориями

V.1. Взаимодействие категории залога с граммемами наклонения

См. раздел II.

V.2. Взаимодействие категории залога с граммемами времени

См. раздел III.

V.3. Взаимодействие категории залога с граммемами вида

См. раздел IV.

V.4. Взаимодействие категории залога с граммемами лица/числа

Можно предположить, что категории залога и лица/числа нетривиально взаимодействуют друг с другом. Известно, что в языках, где у глагола есть субъектно-объектное и субъектное спряжение, пассив переходного глагола меняет субъектно-объектное спряжение на субъектное. В то же время имперсональные пассивы ограничивают употребление лица.

Конкретное нетривиальное взаимодействие категорий залога и лица/числа можно продемонстрировать на материале русского языка. Формально лично-числовая парадигма глагольного пассива НСВ на *-ся* включает те же формы, что и лично-числовая парадигма актива, однако формы 1 и 2 л. малоупотребительны. Почему? Возвратная форма 1 и 2 л. пассивной интерпретации не имеет потому, что местоимения 1 и 2 л. занимают первое место в иерархии агентивности и, соответственно, в позиции подлежащего конкуренция между их агентивным и неагентивным (= пассивным) истолкованием естественно разрешается в пользу агентивного истолкования (см. [Храковский 1991]).

Более очевидный пример такого типа дают алгонкинские языки типа лумми, в которых конструкции с Агенсом 1 и 2 л. и Пациенсом 3 л. оформляются активом, а конструкции, в которых Агенс является 3-м лицом, а Пациенс — 1-м или 2-м, могут быть выражены только пассивом; такие пассивы часто квалифицируются как инверсивные пассивы (*inverse passives*; см. [Croft 2001: 284—302] о «*passive-inverse continuum*»).

О взаимодействии категорий залога и лица/числа на данном этапе можно задать следующие вопросы:

- 1) Есть ли в Вашем языке категории залога и лица/числа?
- 2) Если эти категории есть, то как они взаимодействуют друг с другом?
- 3) Одинаково ли употребительны все формы в лично-числовой парадигме залоговых форм? Если есть ограничения на употребление некоторых форм в лично-числовой парадигме какой-либо залоговой формы, то чем они вызваны?
- 4) Есть ли залоговые формы, у которых есть только числовая (и родовая) парадигма, но нет парадигмы личных форм?

VI. Взаимодействие лица/числа с другими категориями

См. разделы II—IV.

11. Заключение

В заключение еще раз подчеркнем, что представленная выше анкета охватывает только наиболее распространенные грамматические категории глагола, на материале которых проиллюстрированы известные в литературе случаи нетривиального синтагматического взаимодействия. Разумеется, в отдельных языках могут быть обнаружены и другие категории. Так, во многих языках грамматикализована категория эвиденциальности (известная по описаниям Айхенвальд, Козинцевой, Плунгяна и др.), которая может нетривиально взаимодействовать с категорией лица (см. схему 3 выше), а также с категориями модальности,

времени и отрицания. В отдельных языках зона модальности членится на иллюкутивные и эпистемические категории, которые сложным образом взаимодействуют между собой (как проиллюстрировано для корейского в (6); см. более полное обсуждение в [Мальчуков, Храковский 2015]). Глагольное отрицание может влиять на выражение других категорий [Aikhenvald, Dixon 1998], в частности на модальность и эвиденциальность [de Naan 2006]; в наш перечень оно не попало, поскольку грамматикализуется как глагольная категория относительно реже. В конечном счете, при описании взаимодействия глагольных категорий каждый исследователь будет исходить из их инвентаря, представленного в том или ином языке. В то же время для языков, тяготеющих к аналитизму, приведенный выше инвентарь категорий и соответствующий вопросник следует понимать как гипотезу о наиболее часто грамматикализуемых категориях. Из их числа исследователям изолирующих языков следует обращать большее внимание на наиболее грамматикализованные (частотные) показатели, поскольку именно они будут с наибольшей вероятностью демонстрировать не тривиальное взаимодействие.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3	— лицо	PST	— прошедшее время
АН	— адресатный респектив (addressee honorific)	PFV	— перфектив
DC	— декларатив	PL	— множественное число
DIST.IMP	— императив дистантный	PRES	— настоящее время
EXCL	— эксклюзив	PROP	— пропозитив
IMP	— императив	REFL	— рефлексив
IMP.DEF	— деференциальный императив	REQ	— реквестив
INCL	— инклюзив	RETR	— ретроспектив
IND	— индикатив	SG	— единственное число
INT	— интеррогатив	SH	— субъектный респектив (subject honorific)
INT.PLN	— интеррогатив (простая/невежливая форма)		

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Агус Салим 1992 — Агус Салим. Повелительные конструкции в индонезийском языке // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 227—235. [Agus Salim. Imperative constructions in Indonesian. *Tipologiya imperativnykh konstruksii*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1992. Pp. 227—235.]
- Апресян 2004 — Апресян Ю. Д. Принципы организации центра и периферии в лексике и грамматике // Володин А. П. (ред.). Типологические обоснования в грамматике. К 70-летию профессора В. С. Храковского. М.: Знак, 2004. С. 20—35. [Apresjan Yu. D. The principles of core and peripheral organization in lexicon and grammar. *Tipologicheskie obosnovaniya v grammatike. K 70-letiyu profesora V. S. Xrakovskogo*. Volodin A. P. (ed.). Moscow: Znak, 2004. Pp. 20—35.]
- Аркадьев 2015 — Аркадьев П. М. Ареальная типология префиксального перфектива. М.: Языки славянских культур, 2015. [Arkadiev P. M. *Areal'naya tipologiya prefiksalnogo perfektiva* [Areal typology of prefixal perfective]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2015.]
- Бирюлин, Храковский 1992 — Бирюлин Л. А., Храковский В. С. Повелительные предложения: проблемы теории // Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. С. 5—50. [Biryulin L. A., Xrakovskij V. S. Imperative sentences: Problems of theory. *Tipologiya imperativnykh konstruksii*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1992. Pp. 5—50.]
- Бондарко 1971 — Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М.: Наука, 1971. [Bondarko A. V. *Vid i vremya russkogo glagola* [Tense and aspect of the Russian verb]. Moscow: Nauka, 1971.]
- Володин 1976 — Володин А. П. Ительменский язык. Л.: Наука, 1976. [Volodin A. P. *Itel'menskij yazyk* [Itelmen]. Leningrad: Nauka, 1976.]

- Глисон 1959 — Глисон Г. Введение в дескриптивную лингвистику. М.: Издательство иностранной литературы, 1959. [Gleason H. *Vvedenie v deskriptivnyuyu lingvistiku* [An introduction to descriptive linguistics]. Moscow: Izdatel'stvo Inostrannoi Literatury, 1959.]
- Головки 1986 — Головки Е. В. Порядок следования морфем в максимальной морфологической модели алеутского финитного глагола // Скорик П. Я. (ред.). Палеоазиатские языки. Л.: Наука, 1986. С. 174—179. [Golovko E. V. Morpheme sequence in the maximal morphological model of the Aleut finite verb. *Paleoaziatskie yazyki*. Skorik P. Ya. (ed.). Leningrad: Nauka, 1986. Pp. 174—179.]
- Гусев 2005 — Гусев В. Ю. Типология специализированных глагольных форм императива. Дисс. ... канд. филол. наук. М.: РГГУ, 2005. [Gusev V. Yu. *Tipologiya spetsializirovannykh glagol'nykh form imperativa*. Kand. diss. [A typology of specialized verbal imperarive forms. Cand. diss.]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2005.]
- Гусев 2013 — Гусев В. Ю. Типология императива. М.: Языки славянской культуры, 2013. [Gusev V. Yu. *Tipologiya imperativa* [A typology of the imperative]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2013.]
- Дмитренко 1998 — Дмитренко С. Ю. Глагольная группа в языках Юго-Восточной Азии (на материале кхмерского и лаосского языков). Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. СПб.: СПбГУ, 1998. [Dmitrenko S. Yu. *Glagol'naya grupa v yazykakh Yugo-Vostochnoi Azii (na materiale kkhmerskogo i laosskogo yazykov)*. Avtoref. kand. diss. [Verb group in the languages of Southeast Asia (based on Khmer and Lao). Author's abstract of the cand. diss.]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 1998.]
- Кибрик 1992 — Кибрик А. Е. Очерки по общим и прикладным вопросам языкознания. М.: Издательство Московского университета, 1992. [Kibrik A. E. *Ocherki po obshchim i prikladnym voprosam yazykoznanija* [Essays on general and applied problems of linguistics]. Moscow: Moscow State Univ. Publ., 1992.]
- Козинцева 1994 — Козинцева Н. А. Категория эвиденциальности (проблемы типологического анализа) // Вопросы языкознания. 1994. № 3. С. 92—104. [Kozinceva N. A. The category of evidentiality (problems of typological analysis). *Voprosy jazykoznanija*. 1994. No. 3. Pp. 92—104.]
- Кузнецова и др. 1980 — Кузнецова А. И., Хелимский Е. А., Грушкіна Е. В. Очерки по селькупскому языку: Тазовский диалект. М.: МГУ, 1980. [Kuznetsova A. I., Khelinskii E. A., Grushkina E. V. *Ocherki po sel'kupskomu yazyku: Tazovskii dialekt*. [Essays on the Selkup language: The Taz dialect]. Moscow: Moscow State Univ., 1980.]
- Майсак 2005 — Майсак Т. А. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М.: Языки славянских культур, 2005. [Maisak T. A. *Tipologiya grammatikalizatsii konstruksii s glagolami dvizheniya i glagolami pozitsii* [Grammaticalization of constructions with verbs of motion and verbs of position. A typological study]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2005.]
- Майсак, Татевосов 1998 — Майсак Т. А., Татевосов С. Г. Вид и модальность: способы взаимодействия (на материале цахурского языка) // Черткова М. Ю. (отв. ред.). Типология вида: Проблемы, поиски, решения. М.: Школа «Языки русской культуры», 1998. С. 265—281. [Maisak T. A., Tatevosov S. G. Aspect and modality: Ways of interaction (based on the Tsakhur language). *Tipologiya vida: Problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1998. Pp. 265—281.]
- Мальчуков, Храковский 2015 — Мальчуков А. Л., Храковский В. С. Наклонение во взаимодействии с другими категориями: опыт типологического обзора. Вопросы языкознания. 2015. № 6. С. 7—30. [Malchukov A. L., Xrakovskij V. S. Mood in interaction with other verbal categories: A typological overview. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 6. Pp. 7—30.]
- Маслов 1983 — Маслов Ю. С. Результатив, перфект и глагольный вид // Неद्याлков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. С. 41—54. [Maslov Yu. S. Resultative, perfect, and aspect. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii*. Nedyalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983. Pp. 41—54.]
- Мельчук 1998 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 2. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 1998. [Melčuk I. A. Kurs obshchei morfologii [A course in general morphology]. Vol. 2. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury; Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 1998.]
- Мельчук 2001 — Мельчук И. А. Курс общей морфологии. Т. 4. М.: Языки русской культуры; Вена: Wiener Slawistischer Almanach, 2001. [Melčuk I. A. Kurs obshchei morfologii [A course in general morphology]. Vol. 4. Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury; Vienna: Wiener Slawistischer Almanach, 2001.]
- Неद्याлков 1983 — Неद्याлков В. П. (ред.). Типология результативных конструкций. Л.: Наука, 1983. [Nedyalkov V. P. (ed.). *Tipologiya rezul'tativnykh konstruksii* [A typology of resultative constructions]. Leningrad: Nauka, 1983.]
- Неद्याлков, Сильницкий 1969 — Неद्याлков В. П., Сильницкий Г. Г. Типология морфологического и лексического каузативов // Холодович А. А. (ред.). Типология каузативных конструкций.

- Морфологический каузатив. Л.: Наука, 1969. С. 20—50. [Nedyalkov V. P., Sil'nitskii G. G. A typology of morphological and lexical causatives. *Tipologiya kauzativnykh konstruktssii. Morfologicheskii kauzativ*. Kholodovich A. A. (ed.). Leningrad: Nauka, 1969. Pp. 20—50.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка // <http://www.ruscorpora.ru>. [*Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <http://www.ruscorpora.ru>.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Пупынин 1996 — Пупынин Ю. А. Грамматические категории русского глагола в их системно-парадигматических и функциональных связях // Бондарко А. В. (отв. ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Издательство «Дмитрий Буланин», 1996. С. 43—60. [Pupyinin Yu. A. Grammatical categories of the Russian verb in their paradigmatic and functional relations. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1996. Pp. 43—60.]
- Ревзин, Пинес 1969 — Ревзин И. И., Пинес В. Я. Описание морфологической структуры азербайджанского глагола с помощью грамматики порядков // Исенгалиева В. А. (отв. ред.). Статистическое и информационное изучение тюркских языков (тезисы докладов и сообщений). Алма-Ата: Ин-т языкознания АН Казахской ССР, 1969. С. 19—24. [Revzin I. I., Pines V. Ya. A description of the Azerbaijanian verb morphological structure using positional grammar. *Statisticheskoe i informatsionnoe izuchenie tyurkskikh yazykov (tezisy dokladov i soobshchenii)*. Isengalieva V. A. (ed.). Alma-Ata: Institute of linguistics, Academy of Sciences of Kazakh SSR. 1969. Pp. 19—24.]
- Храковский 1990 — Храковский В. С. Взаимодействие грамматических категорий глагола: опыт анализа // Вопросы языкознания. 1990. № 5. С. 18—36. [Xrakovskij V. S. Interaction of grammatical categories of the verb: An attempt of analysis. *Voprosy jazykoznanija*. 1990. No. 5. Pp. 18—36.]
- Храковский 1991 — Храковский В. С. Пассивные конструкции // Бондарко А. В. (отв. ред.). Теория функциональной грамматики. Персональность. Залоговость. СПб.: Наука, 1991. С. 141—180. [Xrakovskij V. S. Passive constructions. *Teoriya funktsional'noi grammatiki. Personal'nost'. Zalogovost'*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 1991. Pp. 141—180.]
- Храковский 1992 — Храковский В. С. (отв. ред.). Типология императивных конструкций. СПб.: Наука, 1992. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya imperativnykh konstruktssii* [A typology of imperative constructions]. St. Petersburg: Nauka, 1992.]
- Храковский 1996 — Храковский В. С. Грамматические категории глагола: опыт теории взаимодействия // Бондарко А. В. (отв. ред.). Межкатегориальные связи в грамматике. СПб.: Дмитрий Буланин, 1996. С. 22—43. [Xrakovskij V. S. Grammatical categories of the verb: An essay on interaction theory. *Mezhkategorial'nye svyazi v grammatike*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Dmitrii Bulanin Publ., 1996. Pp. 22—43.]
- Храковский, Володин 1986 — Храковский В. С., Володин А. П. Типология императивных конструкций: русский императив. Л.: Наука, 1986. [Xrakovskij V. S., Volodin A. P. *Tipologiya imperativnykh konstruktssii: russkii imperativ* [A typology of imperative constructions: The Russian imperative]. Leningrad: Nauka, 1986.]
- Храковский и др. 2008 — Храковский В. С., Мальчуков А. Л., Дмитренко С. Ю. Грамматика акциональных классов // Бондарко А. В. (ред.). Проблемы функциональной грамматики. Категоризация семантики. СПб.: Наука, 2008. С. 49—114. [Xrakovskij V. S., Malchukov A. L., Dmitrenko S. Yu. The grammar of actional classes. *Problemy funktsional'noi grammatiki. Kategorizatsiya semantiki*. Bondarko A. V. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2008. Pp. 49—114.]
- Якобсон 1972 — Якобсон Р. О. Шифтеры, глагольные категории и русский глагол // Успенский Б. А. (отв. ред.). Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 95—113. [Jakobson R. O. Shifters, verbal categories, and the Russian verb. *Printsipy tipologicheskogo analiza yazykov razlichnogo stroya*. Uspenskij B. A. (ed.). Moscow: Nauka, 1972. Pp. 95—113.]
- Aikhenvald 2004 — Aikhenvald A. Yu. *Evidentiality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2004.
- Aikhenvald 2010 — Aikhenvald A. Yu. *Imperatives and commands*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010.
- Aikhenvald, Dixon 1998 — Aikhenvald A. Yu., Dixon R. M. W. Dependencies between grammatical systems. *Language*. 1998. Vol. 74. No. 1. Pp. 56—80.
- van der Auwera et al. 2004 — van der Auwera J., Dobrushina N., Goussev V. A semantic map for imperatives-hortatives. *Contrastive analysis in language: Identifying linguistic units in comparison*. Willems D., Defrancq B., Coleman T., Noel D. (eds.). New York: Palgrave Macmillan, 2004. Pp. 44—69.

- van der Auwera et al. 2009 — van der Auwera J., Malchukov A., Schalley E. Thoughts on (im)perfective imperatives. *Form and function in language research. Festschrift for Christian Lehmann*. Helmbrecht J., Nishina Y., Shin Y.-M., Skopeteas S. (eds.). Berlin: Mouton, 2009. Pp. 93—107.
- Bache 1995 — Bache C. *The study of aspect, tense and action: Towards a theory of the semantics of grammatical categories*. Frankfurt: Peter Lang, 1995.
- Bisang et al. 2004 — Bisang W., Himmelmann N. P., Wiemer B. (eds.). *What makes grammaticalization? A look from its fringes and its components*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2004.
- Bohnenmeyer, Swift 2004 — Bohnemeyer J., Swift M. Event realization and default aspect. *Linguistics and Philosophy*. 2004. Vol. 27. Pp. 263—296.
- Breu 1994 — Breu W. Interactions between lexical, temporal and aspectual meanings. *Studies in language*. 1994. Vol. 18. No. 1. Pp. 23—44.
- Bybee 1985 — Bybee J. *Morphology: A study of the relation between meaning and form*. Amsterdam: John Benjamins, 1985.
- Bybee et al. 1994 — Bybee J., Perkins R., Pagliuca W. *The evolution of grammar: Tense, aspect, and modality in the languages of the world*. Chicago: Univ. of Chicago Press, 1994.
- Cinque 2006 — Cinque G. *Restructuring and functional heads*. (The cartography of syntactic structures, Vol. 4.) New-York: Oxford Univ. Press, 2006.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Cowell 1964 — Cowell M. W. *A reference grammar of Syrian Arabic*. Washington: Georgetown Univ. Press, 1964.
- Croft 1990 — Croft W. *Typology and universals*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
- Croft 2001 — Croft W. *Radical Construction Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2001.
- Croft 2003 — Croft W. *Typology and universals*. 2nd ed. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Curnow 2003 — Curnow T. J. Non-volitionality expressed through evidentials. *Studies in Language*. 2003. Vol. 27. No. 1. Pp. 39—60.
- Davies 1986 — Davies E. *The English imperative*. London: Croom-Helm, 1986.
- Dik 1997 — Dik S. *The theory of functional grammar*. 2 vols. Berlin: Mouton de Gruyter, 1997.
- Greenberg 1966 — Greenberg J. *Language universals. With special reference to feature hierarchies*. The Hague: Mouton, 1966.
- de Haan 2006 — de Haan F. Typological approaches to modality. *The expression of modality*. Frawley W. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2006. Pp. 27—69.
- Haspelmath 2006 — Haspelmath M. Against markedness (and what to replace it with). *Journal of Linguistics*. 2006. Vol. 42. No. 1. Pp. 25—70.
- Haspelmath 2010 — Haspelmath M. Comparative concepts and descriptive categories in cross-linguistic studies. *Language*. 2010. Vol. 42. No. 4. Pp. 663—687.
- Heine, Kuteva 2002 — Heine B., Kuteva T. *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2002.
- Hengeveld, Mackenzie 2008 — Hengeveld K., Mackenzie J. L. *Functional Discourse Grammar*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2008.
- Hinzen, Werning 2012 — Hinzen E. M., Werning M. *The Oxford Handbook of Compositionality*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2012.
- Hopper, Traugott 2003 — Hopper P. J., Traugott E. C. *Grammaticalization*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2003.
- Jakobson 1957 — Jakobson R. Shifters, verbal categories and the Russian verb. *Selected writings. Vol. 2: Word and language*. The Hague: Mouton, 1957. Pp. 130—147.
- Johanson, Utas 2000 — Johanson L., Utas B. (eds.). *Evidentials. Turkic, Iranian and neighboring languages*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Kulikov 2001 — Kulikov L. *The Vedic -ya- presents*. PhD thesis. Leiden: University of Leiden, 2001.
- Lehmann 1982 — Lehmann C. *Thoughts on grammaticalization*. München: Lincom Europa, 1982.
- Malchukov 2001 — Malchukov A. L. Imperative constructions in Even. *Typology of imperative constructions*. Xrakovskij V. S. (ed.). Munich: Lincom Europa, 2001. Pp. 159—180.
- Malchukov 2004 — Malchukov A. L. *Nominalization/Verbalization: Constraining a typology of transcat-egorical operations*. München: Lincom Europa, 2004.
- Malchukov 2009 — Malchukov A. L. Incompatible categories. Resolving the “present perfective paradox”. *Cross-linguistic semantics of tense, aspect and modality*. Hoegeweg L., de Hoop H., Malchukov A. L. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2009. Pp. 13—31.
- Malchukov 2011 — Malchukov A. L. Interaction of verbal categories: Resolution of infelicitous grammeme combinations. *Linguistics*. 2011. Vol. 49. No. 1. Pp. 229—282.

- Malchukov 2014 — Malchukov A. L. Constraining syntagmatic grammeme interaction: A synopsis. *Acta Linguistica Petropolitana: Transactions of the Institute for Linguistic Studies*. 2014. Vol. X. No. 3 (Festschrift for V. S. Xrakovskij). Pp. 423—451.
- Michaelis 2004 — Michaelis L. A. Type shifting in Construction Grammar: An integrated approach to aspectual coercion. *Cognitive Linguistics*. 2004. Vol. 15. No. 1. Pp. 1—67.
- Miestamo 2005 — Miestamo M. *Standard negation: The negation of declarative verbal main clauses in a typological perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2005.
- Nedjalkov 1988 — Nedjalkov V. P. (ed.). *Typology of resultative constructions*. Amsterdam: John Benjamins, 1988.
- Pustejovsky 1995 — Pustejovsky J. *The Generative Lexicon*. Cambridge (MA): MIT Press, 1995.
- Rizzi 2004 — Rizzi L. *The structure of CP and IP*. (The cartography of syntactic structures, Vol. 2.) New York: Oxford Univ. Press, 2004.
- Saltarelli 1988 — Saltarelli M. *Basque*. London: Routledge, 1988.
- Schalley 2008 — Schalley E. *Imperatives: A typological approach*. PhD thesis. Antwerpen: University of Antwerpen, 2008.
- Smith 1997 — Smith C. S. *The parameter of aspect*. 2nd ed. Dordrecht: Kluwer Academic Press, 1997.
- Sohn 1994 — Sohn Ho-Min. *The Korean language*. London: Routledge, 1994.
- Taylor 1985 — Taylor C. V. *Nkore-Kiga*. London: Croom Helm, 1985.
- Thieroff 2010 — Thieroff R. Moods, moods, moods. *Mood in the languages of Europe*. Rothstein B., Thieroff R. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2010. Pp. 1—29.
- Tiersma 1982 — Tiersma P. M. Local and general markedness. *Language*. 1982. Vol. 58. No. 4. Pp. 832—849.
- Van Valin 2005 — Van Valin R. D., Jr. *Exploring the syntax-semantics interface*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2005.
- Van Valin 2010 — Van Valin R. D., Jr. Role and Reference Grammar as a framework for linguistic analysis. Heine B., Narrog H. (eds.). *The Oxford Handbook of Linguistic Analysis*. Oxford: Oxford Univ. Press, 2010. Pp. 703—738.
- Willet 1988 — Willet T. A cross-linguistic survey of grammaticalization of evidentiality. *Studies in Language*. 1988. Vol. 12. No. 1. Pp. 51—97.
- Xrakovskij 2001 — Xrakovskij V. S. (ed.). *Typology of imperative constructions*. Munich: Lincom, 2001.
- Xrakovskij 2014 — Xrakovskij V. S. Hierarchy and interaction of Russian verb categories (Aspect, tense, mood). *Scando-Slavica*. 2014. Vol. 58. No. 1. Pp. 49—76.

Статья поступила в редакцию 10.04.2016.

**РЕГУЛЯРНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ИЛИ «ХАОС»:
Вопрос об узусе смешанной языковой разновидности
на примере белорусской «трасянки»***

© 2016

Герд Хентшель

Университет им. Карла фон Осецкого, Ольденбург, D-26111, Германия
gerd.hentschel@uni-oldenburg.de

Современные языковые субстандарты отличаются высокой степенью вариативности. В европейском языковом пространстве их часто рассматривают как смешанные диалекты (региолекты, городские диалекты и т. п.), сочетающие в себе элементы литературных языков (суперстрата) и «старых», исконных диалектов соответствующих регионов (автохтонного субстрата). Современному смешанному субстандарту в Белоруссии, так называемой «трасянке», присущи и русские, и белорусские характерные черты. В качестве автохтонного субстрата на смешанный субстандарт «трасянки» влияют белорусские диалекты. Основным суперстратом при этом является русский, т. е. доминирующий в стране литературный язык, а не белорусский, поскольку последний занимает в повседневной жизни большинства белорусов периферийное положение. Однако и он, будучи, например, учебным предметом в школах и вузах, оказывает на «трасянку» определенное влияние как адстрат.

Многие люди, говорящие на таких смешанных субстандартах, могут в своей речи довольно свободно перемещаться от литературного полюса к диалектному. В белорусском языковом пространстве это перемещение между русским и белорусским полюсами, с определенной асимметрией в пользу русского. В данной статье обсуждается, в чем вообще может заключаться узус в таких субстандартах, составляющими которых могут быть в принципе все возможные варианты всех участвующих языковых разновидностей (включая и специфические варианты нового смешанного субстандarta). Как выявляемые регулярности в белорусско-русской смешанной речи в статье описываются иерархии, базирующиеся на различной частотности употребления в ней русских и белорусских вариантов разных структурных переменных. В статье показано, что, несмотря на многочисленные различия в частоте употребления различных вариантов, эти иерархии чрезвычайно стабильны как в разных коммуникативных ситуациях (в семейных разговорах и в интервью с различными респондентами) и у различных групп говорящих (с ориентацией их субстандarta на белорусский или же русский полюс языкового пространства Белоруссии), так и в разных городах. Соответствующая «средняя» позиция социального субстандarta определяется, таким образом, по типичным иерархическим образцам количественного распределения вариантов различных структурных переменных.

Ключевые слова: белорусско-русский языковой контакт, квантитативно-вариационная лингвистика, контактная лингвистика, смешанные языки, смешение кодов, социолингвистика, трасянка

**REGULAR VARIATION OR «CHAOS»:
The question of usus in mixed linguistic varieties —
the case of Belarusian «Trasyanka»**

Gerd Hentschel

Carl von Ossietzky University, Oldenburg, D-26111, Germany
gerd.hentschel@uni-oldenburg.de

* Данная статья является существенно измененным и дополненным вариантом статьи [Hentschel 2013], представленной в качестве доклада на XV Международном конгрессе славистов (Минск,

Linguistic subvarieties (social dialects) in modern societies show, as is well known, a high degree of variation. At least in the European context they may often be described as mixed dialects (regiolects, urban dialects, mesolects, etc.) including linguistic traits of the standard language (superstratum) and of «old» local dialects of corresponding regions (autochthonous substrata). The contemporary mixed subvariety in Belarus, the so-called «Trasyanka», contains Belarusian as well as Russian traits. The primary sources for the Trasyanka are, first, local Belarusian dialects as autochthonous substrata and, second, Russian as the superstratum, since it is the dominating standard language in everyday life of Belarusian society. In this context Standard Belarusian plays only a peripheral role, but being taught in schools and institutions of higher education it still has a certain influence on the mixed subvariety, as an adstratum.

Many speakers of such mixed varieties can shift freely from the «standard pole» to the dialectal one. In the Belarusian landscape this means shifting between the Belarusian and the Russian poles, with a certain asymmetry favouring the Russian pole. The topic of this paper is the question of what can be seen as the *usus* (uncodified norm) in mixed subvarieties comprising in principle variants of all linguistic «donor» varieties spoken in the society (as well as specific variants of the mixed Trasyanka itself). Certain hierarchies are described that are based on token frequency of Belarusian and functionally corresponding Russian variants of structural variables. It is shown that, in spite of many differences in token frequency, these hierarchies are very stable in different communicational settings (family conversations and interviews), in different groups of speakers (with differences in the degree towards the Belarusian or Russian pole in the linguistic landscape of Belarus) and even in different towns. The corresponding «middle position» of the social substandard is thus to a large degree determined by typical hierarchical patterns of the quantitative distribution of variants of a vast amount of structural variables.

Keywords: Belarusian-Russian language contact, contact linguistics, language mixing, mixed languages, quantitative-variationist paradigm, sociolinguistics, Trasyanka

Wir sind bisher immer darauf aus gewesen die realen Vorgänge des Sprachlebens zu erfassen. Von Anfang an haben wir uns klar gemacht, dass wir dabei mit dem, was die deskriptive Grammatik eine Sprache nennt, mit der Zusammenfassung des Usuellen, überhaupt gar nicht rechnen dürfen als einer Abstraktion, die keine reale Existenz hat. Die Gemeinsprache ist natürlich erst recht eine Abstraktion¹
[Paul 1880/1920: 404].

Введение

Белорусско-русская смешанная речь (БРСР)², подобно украинско-русской смешанной речи (УРСР), является высоковариативным образованием. В этом они схожи с русским просторечием (РП), об исследовании которого немецкий славист Г. Яхнов писал следующее:

август 2013). Автор выражает благодарность за помощь в подготовке русского текста своим ольденбургским коллегам: Н. Кравченко, О. Палинковой и И. Н. Смирнову.

¹ «До сих пор мы неизменно старались постичь реальные процессы, происходящие в жизни языка. Еще в самом начале книги мы уяснили себе, что та совокупность узусов, которую описательная грамматика называет языком, является просто абстракцией, не имеющей соответствия в реальной действительности. Ясно, что койнэ и подавно является абстракцией» (пер. с нем. А. А. Холодовича, цит. по [Пауль 1960: 474]).

² К вопросу о терминологии: использование в этой статье термина «белорусско-русская смешанная речь» мотивировано тем, что это речь, в которой лингвисты могут определить внутри отдельных высказываний (обычно предложений) языковые знаки и конструкции, которые на фоне соответствующего литературного языка или территориального варианта языка могут быть классифицированы как белорусский, русский или гибридный. То, до какой степени эта смесь является конвенционализированной и, таким образом, на какой «гибридной» систематике базируется или же возникает в результате спонтанного смешения элементов из двух усвоенных говорящим систем (белорусской и русской), является одним из основных вопросов данной работы и предварительных исследований, на которых она основана. Мы избегаем использовать более распространенный белорусский термин «трасянка» из-за его негативной коннотации в Белоруссии, кроме случаев ссылок на исследования с использованием этого термина.

«Продолжающийся до сегодняшнего дня мещанский пуританизм языкознания по отношению к интересному и серьезному предмету (...) несомненно представляет собой еще одну причину того, что просторечие оставалось до настоящего времени малоисследованным» [Яхнов 1987: 87—88].

Подобное справедливо ныне и для БРСР, которая, как известно, пренебрежительно называется в стране «трасянкой», в виду отсутствия в «отечественной» белорусской лингвистике широкого и систематического эмпирического исследования этого явления на базе современных социолингвистических теорий и методов. Конечно, существует ряд трудов белорусских лингвистов, например, [Цыхун 1998; 2000] и [Мечковская 1994; 2005; Мячкоўская 2007]³, однако они основываются только на нестрогом наблюдении⁴.

Существуют и другие аналогии между БРСР и РП, проводимые в соответствующих трактовках «отечественных» белорусских и русских языковедов. В 1980-х гг. РП понималось как временное явление; ср. [Яхнов 1987: 91]. В советской России с ростом культуры и распространением русского литературного языка РП должно было быть вытеснено. Это произошло бы к явной радости всех школьных и вузовских русистов — преподавателей курса «Культура речи». Правда, и по сегодняшний день об исчезновении РП не сообщается. Также и на БРСР можно было бы смотреть как на временное явление (правда, уже существующее, по крайней мере, много десятилетий, ср. [Хентшель 2015: 172]). Тогда это было бы явлением смены языка белорусским обществом — переход от белорусского к русскому, — к глубокому огорчению белорусских русистов и многих друзей белорусского языка (включая автора данной статьи). С другой стороны, БРСР могла бы существовать даже в случае полного исчезновения белорусского языка (литературного и диалектного) из активного употребления белорусов. В таком случае БРСР стала бы местной разновидностью со специфично белорусским колоритом под «крышей» русского языка; ср. [Hentschel, Tesch 2006: 240—241; Хентшель 2015: 176—178]. Белорусский язык и сегодня употребляется крайне редко [Хентшель, Киттель 2011]. И молодые белорусы в основном все больше приближаются к русскому языку и употребляют БРСР не только меньше, чем старшие поколения, но и более ограниченно относительно коммуникативных ситуаций и частоты в общем; см. [Hentschel et al. 2015]⁵.

Общим для РП и БРСР является и то, что они стигматизованы, а их носители представляются малообразованными, если не бескультурными людьми. Развитию стигматизации БРСР, т. е. «трасянки», поспособствовало в значительной степени также и белорусское языкознание. С. Запрудский [Запрудскі 2009; Zaprudski 2014] в числе других приводит следующие высказывания: Г. Цыхун утверждает, что «культываванне трасянки паралізуе моўную здэйнасць індывідуума» (культивирование трасянки парализует языковую деятельность индивида), Л. Семешко приходит к выводу, что БРСР приводит к «разрушению обеих систем», Б. Плотников считает, что «трасянкавае маўленне і непрывабнае, і непрыгожае нават

³ Эти и другие соответствующие работы обоих авторов заново изданы в [Cychun 2013] и в [Мячкоўская 2008]. В сборнике [Hentschel et al. 2014a] представлен общий обзор и критический анализ современного исследования БРСР и УРСР («суржика») [Hentschel 2014b].

⁴ Автор данной статьи как славист-языковед вместе со своим коллегой социологом Бернгардом Киттелем (Венский университет) в сотрудничестве с Белорусским государственным университетом, в частности, с Сергеем Запрудским (белорусистика) и Давидом Ротманом (социология) осуществлял с 2008 г. по 2014 г. научно-исследовательский проект «Трасянка в Белоруссии — смешанный код как продукт белорусско-русского языкового контакта. Языковое структурирование, социолингвистические механизмы идентификации и “экономика” языка» при поддержке фонда Volkswagen-Stiftung в рамках программы «Единство в многообразии». Полный список работ, опубликованных в рамках данного проекта, можно найти здесь: <http://www.uni-oldenburg.de/slavistik/forschung/sprachwissenschaft/schwerpunkt-mischvarietaeten/publikationen-wrgr/#c6895>. Созданные в рамках проекта корпуса белорусско-русской смешанной речи со всеми данными представлены для свободного доступа здесь: <http://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr/>.

⁵ Конечно, сегодня некоторые молодые белорусы совершенно сознательно переходят на белорусский язык; ср. [Woolhiser 2013]. Однако о масштабах такого явления ничего не известно.

з пункту гледжання яго гучання») (речь на трасянке и неприглядна, и некрасива даже с точки зрения ее звучания), А. Михневич полагает, что «трасянка — гэта шкодны вынік дрэннага валодання сваёй, роднай мовай і іншымі» (это вредный результат плохого владения своим родным языком и другими), в то время как С. Прохорова дает трасянке даже такое определение: «Трасянка — это чудовищная смесь языков — не только показатель низкого культурного уровня страны — это система формирования акультурных личностей с сумятицей в душах и головах». Конечно, С. Запрудский затрагивает и полемику вокруг БРСР со стороны нелингвистов. З. Позняк, как известно, высказался следующим образом: «Паўмова трасянка — галоўная прычына абмежаванага культурнага ўзроўню» (Полуязык *трасянка* — главная причина ограниченного культурного уровня). Позняк даже оспаривает полноценное умственное развитие говорящих на трасянке; см. [Brüggemann 2014: 162].

С одной стороны, очевидно, что имеются индивиды, которые могут использовать только РП либо только БРСР как средство языковой коммуникации. То есть в случае РП они не в состоянии разделить русский литературный язык, с одной стороны, и (автохтонные) русские говоры и другие нелитературные варианты национального языка, с другой стороны; ср. [Яхнов 1987]. В случае БРСР такие говорящие не могут использовать один из двух литературных языков «в чистой форме» (хотя бы в том или ином разговорном варианте). Это, кстати, явная примета того, что речь идет о самостоятельном коде со своей системой, хотя и очень вариативной. У таких говорящих речь не идет о некоем исключительно спонтанном смешении элементов и конструкций двух языковых систем (русской и белорусской), освоенных индивидами, а о некоем коде с крайне широкой степенью свободного варьирования между языковыми элементами, знаками и конструкциями, которые в случае БРСР с точки зрения дескриптивной лингвистики более или менее точно можно определять как белорусские, как русские или как гибридные. (Однако иногда такого разграничения провести нельзя, и соответствующие элементы должны быть описаны как общие, см. ниже.) С другой стороны, нельзя упускать из виду, что многие белорусы используют БРСР диглосно-факультативно по отношению к русскому языку (намного реже — к белорусскому), что встречается даже у людей с высшим образованием (ср. [Хентшель, Киттель 2011], а также [Hentschel, Zeller 2013]). Конечно, можно так же, как [Liskovets 2009], определять «трасянку» как смешанную белорусско-русскую речь тех, кто не в состоянии говорить ни на «чистом» русском, ни на «чистом» белорусском языке. Говорящие, которые могут практиковать только смешанную речь, сколько бы их ни было в Белоруссии, действительно могут быть только малообразованными людьми. Но, во-первых, при таком подходе утверждение, что «трасянка» или БРСР — это признак отсутствия образования и культуры, приводит к порочному кругу, так как отсутствие образования (минимальное или неполное владение литературным языком) уже имплицировано в «определении». Такое определение хотя и «правильно», но тривиально. Во-вторых, такая псевдодефиниция скрывает истинные размеры БРСР в белорусском обществе, поскольку систематически игнорирует БРСР у более образованных, т. е. у тех, кто хорошо владеет русским языком, хотя и с некоторыми ареальными признаками. Что касается просторечия, то на сегодняшний день в России признали факт его распространения в качестве региолекта (в смысле, представленном в [Герд 1998]⁶), т. е. типа смешанной речи, образованного на основе литературного языка и местных диалектов, также и у населения с хорошим образованием, особенно в маленьких и средних городах, ср. [Крысин 2001: 93], в чем проявляется еще одна параллель с БРСР.

БРСР и РП объединяет и то, что отечественное языкознание «обвиняет» их в «несистематичности», что, по-видимому, должно значить, что в их основе нет никакой системы. Аргументация по отношению к БРСР, которая здесь особенно интересна (о РП см. [Яхнов 1987: 90—92]), приблизительно такова: утверждают, что БРСР лишена узуса, что она конгломерат спонтанно и по-разному русифицированных (т. е. изначально белорусских) идиолектов

⁶ А. С. Герд [2005: 22] приходит к выводу, что региолект не полностью совпадает с городским просторечием, что, однако, не является релевантным для данной работы.

(так, например: «Трасянку составляют множество стихийно и по-разному русифицированных индивидуальных вариантов белорусской речи» [Мечковская 1994: 313]; или: «Трасянка, т. е. стихийно и по-разному русифицированные варианты национального языка» [Мечковская 2000: 108]). А поскольку узус отсутствует, то вопрос о системности не стоит. К этому мнению присоединяется также Г. Цыхун [Cychun 2014]⁷. Вполне очевидно, что оба ученых понимают узус как общепринятое носителями данного языка употребление языковых единиц. Подразумевается, что окказиональное или индивидуальное использование языковых единиц рассматривается как находящееся за пределами узуса. Если — как считает Н. Б. Мечковская — использование в БРСР функционально эквивалентных (в широком смысле) белорусских и русских языковых единиц абсолютно спонтанно или индивидуально и поэтому абсолютно непредсказуемо, следовало бы принять отсутствие узуса: конечно, было бы ошибочно утверждать, что у носителей БРСР общепринятой является высокая степень вариативности и она при этом полностью спонтанна и индивидуальна, а появление конкурирующих белорусских и российских единиц совершенно непредсказуемо. Однако возникает вопрос о том, может ли гипотеза о чисто спонтанной, индивидуальной, непредсказуемой или, если угодно, хаотической вариативности быть эмпирически подтверждена. Тем не менее не подлежит сомнению, что количество переменных, которые выявляют в БРСР «белорусско-русскую вариацию», (может быть) очень велико. В принципе, есть все структурные переменные, в которых различаются белорусский и русский языки, несмотря на структурное сходство.

Ввиду того, что на сегодняшний день в Белоруссии нет широкого и систематического эмпирического исследования, БРСР остается неясным, на чем основано столь категорическое утверждение отсутствия узуса в БРСР. В [Cychun 2014] высказана мысль, что даже не стоит проводить широкого эмпирического и количественного исследования БРСР. Это, естественно, резко противоречит позиции западной социолингвистики, базирующейся на подходе Уильяма Лабова, известного сегодня под флагом «вариационистской парадигмы» и в значительной мере использующего методы количественного анализа. Социолингвистические исследования во многих языковых ареалах показали, что современные языковые субстандарты (социолекты и т. д.) отличаются от других форм этого же языка не столько качественно, сколько количественно [Romaine 1994: 70]. Это значит, что у говорящих на языковых субстандартах можно встретить, как правило, многие, если не все, варианты языковых переменных, имеющиеся в данном языке, однако в данных разновидностях этого языка наблюдается специфический образец частотности употребления того или иного варианта. Как раз об этом идет речь еще в первых работах 1960-х гг. У. Лабова⁸. В случае русского просторечия Л. П. Крысин [2001: 94 и сл.] описывает различные явления стабилизации.

Кроме того, Дж. Чемберс [Chambers 2002: 350—351] показывает, что говорящие осознают, какое количественное соотношение вариантов разных переменных является уместным в зависимости от социальных параметров (принадлежность к определенному классу, социальные характеристики языковой ситуации и т. д.). В случае белорусских говорящих, хорошо владеющих русским языком (а отчасти также и белорусским языком), которые к тому же в некоторых коммуникативных ситуациях используют БРСР, есть представление (конечно, не у всех конгруэнтное, см. [Hentschel, Zeller 2013]), какой из вариантов разных переменных уместен в стереотипной смешанной речи. Это явление

⁷ В Белоруссии, пожалуй, только И. Климов [Klimay 2014] признает развитие узуса в белорусско-русской смешанной речи, которую он называет полудиялектом. Похожим образом американский коллега К. Вулхайзер [Woolhiser 2014] также говорит о койнеизации «трасянки». Подобная дискуссия ведется и об украинском суржике. Л. Масенко [Masenko 2014] занимает такую же позицию, что и Г. Цыхун и Н. Мечковская, отрицая наличие узуса и системности. Но есть и целый ряд специалистов по суржику, отмечающих его стабилизацию, конвенционализацию и системность, даже если она и частична: например, украинские исследователи О. Тараненко [Тараненко 2013; Taranenko 2014] и Н. Шумарова [Šumarova 2014], а также зарубежные, такие как М. Флайер [Flier 2008] и С. Дель Гаудио [Del Gaudio 2010].

⁸ Обзор применения количественных подходов в исследованиях вариативности и языковых изменений предлагает [Bailey 2002].

конвенционализированного смешивания (о нем речь пойдет в аналитической части статьи). Исходя из этого представления они могут «стилизовать» собственную смешанную речь в сторону белорусского или русского языков, что говорит о спонтанном смешивании. При этом надо учесть, что многие белорусы начали говорить именно на БРСР [Хентшель, Киттель 2011]. Приобретение же русского и белорусского языков заключалось в развитии способности НЕ употреблять одних вариантов (лексем, окончаний, конструкций и т. п.) в русскоязычных ситуациях, а других вариантов — в белорусскоязычных ситуациях. То есть их русский и (насколько он развит) белорусский языки основываются на БРСР, а не наоборот, как чаще всего принято предполагать; см. [Хентшель 2013: 61—62; 2015: 178—179].

Еще в конце XIX в. младограмматик Герман Пауль признавал (см. эпиграф), что узус — это некая абстракция, описывать которую стоит путем наблюдения за реальными процессами, происходящими в жизни языка. Но если «реальные процессы» в какой-либо разновидности языка проявляются очень масштабно в виде свободного варьирования, то лингвистика сталкивается с проблемой. Немецкие социолингвисты Й. Людтке и К.-Й. Маттайер [Lüdtkе, Mattheier 2005: 16] определяют языкознание XIX и XX вв. как враждебное вариативности и констатируют, что свободное варьирование было вытеснено на периферию языковой теории. Структуралистские и ранние генеративные подходы до такой степени ориентированы на язык (*langue*) либо языковую компетенцию (*competence*), что свободное варьирование, распределение вариантов в котором нельзя увидеть «невооруженным глазом», быстро превращается в явление речи (*parole*) либо употребления (*performance*). Подходы вроде [Weinreich et al. 1968: 99—100], которые квалифицируют вариативность как «структурную гетерогенность», часто не находят большого отклика у «системных» языковедов.

Представления о гомогенности и даже требования такой гомогенности доминируют в лингвистике также из-за распространения в XX в. по политическим причинам литературных языков, что понимается как рост культуры. Тем не менее в повседневной речи именно «широких масс», основанной, например, на немецком, французском, польском или русском литературных языках, вариативность значительно выше, чем представляется в научной литературе, где основное внимание уделяется вариантам, которые являются семантически, стилистически, профессионально, социально или территориально обусловленными в рамках нормы; см. [Крысин 2007: 10—11].

Еще более определенно выражены представления о гомогенности в отношении автохтонных, сельских говоров; ср. [Lüdtkе, Mattheier 2005: 19]. Конечно, здесь возникает вопрос, в какой мере эта мнимая на сегодняшний день гомогенность обусловлена имплицитным методом традиционной, неколичественной диалектологии, которая при описании отбрасывает все, что в диалектной речи ощущается как чужое, как неавтохтонное, а также вопрос, существуют ли в настоящее время в Европе сельские говоры, на которые литературные языки не оказывают влияния.

Итак, можно привести некоторые доводы в пользу того, что не только «буржуазное пуританство», но и совпадение двух явлений: а) социального — широкого распространения литературных языков, выступающих как культурные и официальные языки, чему сопутствует редукция вариативности, и б) научно-исторического — возникновения структурализма с его представлением о языке как о закрытой системе (и, в пражской интерпретации, как системе функционально релевантных единиц) — вызвало некоторое пренебрежение всеми формами вариативности, отличными от позиционной и — в литературных языках — явно стилистической. И такое пренебрежение вариативностью свойственно не только русской, белорусской и украинской лингвистике.

Как бы то ни было, совершенно ясно, что в литературных языках, чьи позиции в обществе прочны (к которым белорусский, как известно, явно не принадлежит), узус является определенно более гомогенным, чем в двуязычном смешанном идиоме, как, например, в БРСР, если, говоря о литературном языке, иметь в виду варьирование в пределах нормы.

Вполне может быть, что и сегодня разнообразные автохтонные говоры в немобильных деревенских микросообществах характеризуются устойчивым локальным узусом. По всей

Европе, однако, отмечено, что литературные языки в возрастающей мере влияют на диалекты и говоры (если первые не вытесняют последние), что также связано с увеличением степени владения литературными языками. И это, естественно, влечет за собой различные случаи варьирования диалектных и литературных элементов в устной (диалектной) речи⁹.

В эмпирической части работы будет исследован вопрос, является ли вариантность между белорусскими и русскими элементами в БРСР действительно полностью спонтанной и индивидуальной, как это воспринимается в первую очередь в белорусском языкознании, или можно показать закономерности в их распределении, которые можно рассматривать как общепринятые регулярности варьирования.

1. Эмпирическая основа

Анализ основан на материале корпусов, созданных в рамках вышеуказанного проекта. Исчерпывающее описание этих корпусов представлено в [Hentschel et al. 2014b; Хентшель и др. 2016]¹⁰.

Кратко охарактеризовать корпусы можно следующим образом. Одним из них является «семейный корпус»: это записи и транскрипции разговоров в семьях из следующих семи городов: Октябрьский (ak), Барановичи (ba), Хотимск (ch), Минск (mi), Рогачев (ra), Сморгонь (sm), Шарковщина (sa). Обоснование выбора: на территории трех общепризнанных диалектов белорусского языка (северо-восточного, юго-западного, центральной переходной зоны) было выбрано по одному городу на востоке и на западе соответствующего региона. Минск был выбран дополнительно, как седьмой город, поскольку единственное в первом десятилетии этого века исследование, имеющее сравнительно большой эмпирический материал [Лисковец 2002; 2006], было основано на «минской трясянке». Второй частью корпуса являются записи и транскрипции так называемых открытых интервью (точнее, фрагменты интервью, где говорят на БРСР) приблизительно с 5—10 респондентами из тех же городов¹¹ — они составляют «корпус интервью». Респонденты семейного корпуса, естественно, находятся в тесном контакте между собой и образуют одно из нескольких «community of practice» [Meyerhoff 2002], членами которого являются все индивиды. Респонденты корпуса интервью не имеют контакта ни с ними, ни между собой. Такое распределение важно: если в отдельных семьях, а также у интервьюируемых в разных городах наблюдаются одинаковые или очень похожие явления, то их можно рассматривать как характеристику смешанной белорусско-русской речи в целом.

Объем семейного корпуса составляет около 212 000 словоформ (или в среднем около 30 000 словоформ на каждый из семи городов), объем корпуса интервью — около 170 000 словоформ (в среднем почти 30 000 на каждый из шести городов).

⁹ В. М. Курцова [2010] ссылается также на влияние литературного языка на белорусские говоры, но со стороны не белорусского, а русского. Конечно, это не удивительно, если принять во внимание господство русского в системе образования и СМИ, а также влияние на говоры индивидов, уже перешедших на русский язык.

¹⁰ Документация существует на немецком и на русском языках. Она, а также и сами корпусы в формате PDF (без аннотации) и в формате CHAT с полной аннотацией всех словоформ относительно их структурного сходства с белорусским или русским языком представлены для свободного доступа здесь: <http://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr/>.

¹¹ Здесь нужно упомянуть два исключения. (а) В Минске в интервью языковые данные не были получены. Хотя все респонденты интервью отбирались по критерию постоянного или, по крайней мере, регулярного использования БРСР в быту, минские респонденты не показывали никакой склонности к использованию БРСР в интервью, в отличие от респондентов в других городах. (б) Вместо города Барановичи (отраженного в семейном корпусе) для интервью, которые были проведены только через год после записей в семьях, был выбран соседний город Слоним (sl), поскольку на тот момент в Барановичах нельзя было привлечь местного интервьюера.

2. Рассматриваемые феномены и степень вариативности

О БРСР обычно говорят, что ее звуковая сторона преимущественно белорусская, лексика преимущественно русская, а морфология занимает позицию между ними; см., например, [Лисковец 2006: 81 и сл.] и [Цыхун 2000]. В данной работе рассматриваются обе крайние области — звуковая и лексическая. Лексическая область при этом дифференцируется на так называемые функциональные слова и лексические слова¹². Первые здесь условно определены как неизменяемые и не относящиеся к предлогам¹³, т. е. служебные и действительные. Из наречий в эту группу включены только морфологически самостоятельные (а не, например, отадеквативные). Лексические слова также произвольно ограничены полнзначными существительными, глаголами и прилагательными. Для вышеупомянутых областей здесь не проводится детальный анализ отдельно исследованных переменных с их вариантами — он представлен в [Генчэль 2013; Hentschel, Zeller 2014; Hentschel 2014c]. В названных работах не только исчерпывающе излагаются анализ и результаты, но и подробно прокомментирован выбор переменных. В настоящей работе обсуждаются, скорее, общие образцы дистрибуции, полученные на основе указанного детального анализа.

Для обеих областей, фонетики (фонологии) и лексики, проконтролированы следующие параметры вариативности: во-первых, сравниваются результаты анализа семейного корпуса, т. е. непринужденной речи в кругу близких людей (не только родственников, но и друзей), с результатами анализа корпуса интервью. Естественно, интервью с чужим человеком — интервьюером — является менее приватной разговорной ситуацией, несмотря на то что оно проводилось в квартире респондентов. Во-вторых, типы говорящих сопоставляются друг с другом на основе данных семейного корпуса, описанных в [Hentschel, Zeller 2013: 142—144]¹⁴, см. табл. 1.

Таблица 1

Типы говорящих и характеристики выбора кода

Тип говорящих	Характеристика употребления кодов	Кол-во говорящих
ГБ	Высокая частотность как «гибридных» ¹⁵ , так и «белорусских» высказываний, низкая частотность «русских» высказываний.	10
Г	Явное преобладание «гибридных» высказываний как над «русскими», так и над «белорусскими».	23
ГР	Высокая частотность как «гибридных», так и «русских» высказываний, низкая частотность «белорусских» высказываний.	25
Р	Явное преобладание «русских» высказываний как над «гибридными», так и над «белорусскими» высказываниями.	12 ¹⁶

¹² Теоретически обоснованное разграничение по дефинициям функциональных и лексических слов не является задачей этой статьи.

¹³ Предлоги имеет смысл исследовать только в связи с формально управляемыми ими существительными, прилагательными и т. д., ср. [Tesch 2014: 56], и в связи с лексическими единицами, управляющими ими.

¹⁴ В этой работе также представлены корреляции данных типов говорящих с такими социальными критериями, как возраст, образование, миграция из деревни в город и т. д.

¹⁵ Что касается принципов классификации тех или иных элементов (или конструкций) как «белорусских», «русских», «гибридных» или «общих», то у столь близкородственных и структурно похожих языков, какими являются белорусский и русский, такая классификация во многих случаях «интуитивно» невозможна и требует теоретической основы (на что указывал еще А. Е. Супрун [1987: 16], ср. детали в [Hentschel 2008a: 179—188]). При ссылке на принятый алгоритм классификации в тексте данной работы соответствующий эпитет стоит в кавычках, например, «белорусский».

¹⁶ В сумме эти числа составляют 70 респондентов. Это более чем половина всех 130 респондентов. Здесь учтены «центральные» респонденты, записи речи которых составляют более 90% собранного

В-третьих, будут сравниваться между собой города, в которых были собраны данные. Методика сравнения будет объяснена при анализе.

3. Анализ

В области фонетики будут проанализированы девять переменных (звуковых явлений), которые относятся к числу основных различий между белорусским и русским языками. Здесь их необходимо кратко¹⁷ описать, поскольку они не столь самоочевидны, как лексические переменные, которые можно назвать с помощью вариантов или слов.

Фонетические переменные следующие:

- Ф1 блр. цеканье/дзеканье [tsʲ]/[dzʲ] vs. русск. мягкие [tʲ]/[dʲ];
- Ф2 блр. фрикативные [ɣ/ɣʲ] vs. русск. взрывные [g/gʲ] (и их глухие соответствия при контекстуальной утрате звонкости);
- Ф3 блр. твердые [č/šč] vs. русск. мягкие [čʲ/šʲčʲ] (и их звонкие соответствия при контекстуальном озвончении);
- Ф4 блр. всегда твердый [r] vs. русск. мягкий [rʲ] в противопоставлении твердому [r];
- Ф5 блр. [ɥ]/[ɥ] vs. русск. [v, (f)] перед согласным (ср. русск. *лав[f]ка* vs. блр. *лаўка* с русск. *лавочка* и блр. *лавачка*);
- Ф6 блр. яканье vs. русск. иканье (еканье), т. е. артикуляция первого предупредительного гласного как [a], [i] или [e] соответственно;
- Ф7 блр. [ɥ] после предшествующих гласных vs. русск. [u]; ср. блр. *я ўжо* vs. русск. *я уже*;
- Ф8 блр. [ɥ] vs. русск. [ɫ], например, в блр. *воўк* vs. русск. *волк*; блр. *быў* vs. русск. *был* (но блр. и русск. *толк, полк*);
- Ф9 блр. протетический [v] перед (обычно ударным) губным гласным; например, блр. *вуха* vs. русск. *ухо*; блр. *навука* vs. русск. *наука*; блр. *возера* vs. русск. *озеро* (однако не в заимствованиях, как, например, в блр. *унія, опера*).

Существенным критерием выбора лексических переменных являлась достаточная частотность их вариантов. Выбирались только такие переменные, которые встречались минимум 50 раз в обоих корпусах (и минимум 20 раз в каждом корпусе, независимо от их принадлежности к белорусскому или русскому языку). Таким образом были выбраны 33 переменные функциональных слов и 37 переменных лексических слов.

При анализе как фонетических переменных, так и обеих групп лексических переменных учитывались только такие высказывания из корпуса, которые являются гибридными — на уровне «первой» артикуляции, согласно А. Мартине (т. е. прежде всего морфонология, морфология и лексика). Лексически, морфологически и морфосинтаксически чисто русские предложения, имеющие, однако, белорусскую фонетико-фонологическую окраску, оценивались не как гибридные предложения, а как русские, и, таким образом, не учитывались так же, как и предложения, которые в этом смысле являются «чисто» белорусскими.

3.1. Семейные разговоры и интервью

На примере сравнения языкового материала из семейных разговоров и из интервью, прежде всего в отношении фонетических переменных, покажем методику представляемого здесь анализа при помощи таблиц, которые особенно информативны в плане лексической вариативности.

материала. Привлечение периферийных респондентов с менее чем 500 словоформами (это в среднем 100 высказываний) к типам говорящих могло бы дать случайные результаты.

¹⁷ Частичное комплексное распределение вариантов всех переменных исчерпывающе представлено в [Hentschel, Zeller 2014] также в диалектном и историческом аспектах. Ср. кроме того акустический анализ БРСР в [Zeller 2013a; 2013b; 2013c; 2015].

Таблица 2

Фонетические явления

пере- мен- ная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
Ф1	[tʲ, dʲ]	[tsʲ, dzʲ]	96,3	97,9	-1,6	14209	10494	1	1	0
Ф2	[g]	[ɣ]	96,0	97,3	-1,3	6324	5244	2	2	0
Ф3	[čʲ, ʂʲčʲ]	[č, ʂč]	82,7	82,4	0,3	6151	4781	3	3	0
Ф4	[rʲ]	[r]	81,9	79,2	2,7	4744	3982	4	4	0
Ф5	[v] / _C	[ʋ/u] / _C	73,5	71,2	2,3	3858	3478	5	5	0
Ф6	иканье	яканье	58,3	50,8	7,5	7478	5228	6	7	-1
Ф7	[u] / V_	[ʋ] / V_	42,1	55,6	-13,5	2017	3180	7	6	1
Ф8	[ɫ]	[ʋ]	25,1	22,3	2,8	354	193	8	8	0
Ф9	ø / _u, o	[v] / _u, o	14,3	13,9	0,4	482	498	9	9	0

Три первые колонки представляют переменную: первая содержит ее название (сокращение), вторая — «русский», третья — «белорусский» вариант(ы). Обе следующие колонки (**доля блр. сем.** или **доля блр. инт.**) дают относительную частотность (в %), которой достигают «белорусские» варианты в семейных разговорах (**сем.**) и интервью (**инт.**). Доля русских вариантов может быть представлена разницей между 100% и процентами белорусских вариантов. Следующая колонка (**проц. разл.**) эксплицирует различия между долями в семейных разговорах и интервью. В следующих столбцах **кол-во сем.** и **кол-во инт.** зафиксировано абсолютное количество реализаций переменной в обоих корпусах — здесь отражено количество наблюдаемых случаев. Последние три столбца — колонки с величинами, которые будут играть важную роль в дальнейшей дискуссии. Под **R сем.** и **R инт.** отмечен ранг переменных на основе доли и частотности «белорусских» вариантов в обоих корпусах. Последняя колонка **R разл.** выражает разницу в ранге. Например, если стоит величина «0», то ранг в семейном корпусе и корпусе интервью одинаков; положительная величина свидетельствует о том, что ранг в семейном корпусе выше (цифра выражает количество позиций), чем в корпусе интервью; при отрицательной величине — наоборот.

Приведенная таблица четко показывает, что доли белорусских вариантов в семейных разговорах, с одной стороны, и в интервью, с другой стороны, практически не различаются, равно как и их ранги, которые только у двух переменных разнятся на одну позицию: «±1» у переменных Ф6 и Ф7. Только у этих двух переменных возникает некоторое явное различие в величинах доли белорусских вариантов. Интерпретация представленных результатов относительно фонетических переменных будет дана после соответствующего анализа функциональных и лексических слов. Однако уже и здесь очевидно, что выявленная частотность белорусских и русских вариантов девяти рассматриваемых фонетико-фонологических переменных в семейных разговорах и интервью, т. е. у совершенно разных групп людей, очень стабильна.

Кратко прокомментировать (в деталях, как отмечалось, см. [Hentschel, Zeller 2014]) следует различия относительно доли белорусских фонетических вариантов отдельных переменных, т. е. различия, представленные (как было сказано) в обоих корпусах подобным образом. Величина доли соответствующих белорусских вариантов отчасти предопределена, как установлено в [Hentschel, Zeller 2014], различными факторами. Одним из таких факторов является степень «морфонологизации» явления, т. е. связь определенного фонетического свойства с совершенно определенными морфами со столь же определенным значением или грамматической функцией. Чем выше оказывается такая степень, тем ниже доля «белорусских» вариантов и тем выше доля «русских», т. е., если угодно, русифицированность

данных переменных. Бесспорно признана в белорусистике только морфонологизация последних двух переменных, Ф8 и Ф9, а именно [ɨ] vs. [ɯ] и Ø vs. [v] перед ударными [u, o]. Однако и две (если не три) предыдущие переменные (Ф7, Ф6, а также Ф5) выявляют склонность к морфонологизации (что требует дальнейшего изучения)¹⁸.

Прочитированное выше мнение языковедов о преимущественно белорусской фонетике БРСР подтверждается отчасти, т. е. с определенными ограничениями. Результаты, описанные выше для девяти переменных в «гибридных» высказываниях, практически не отличаются в тех отрывках корпуса, которые морфологически, синтаксически и лексически являются отчетливо «русскими» (ср. [Hentschel, Zeller 2014]), т. е. в «белорусском русском».

Рассмотрение лексической сферы следует начать с наблюдений в связи со вторым цитированным выше мнением, согласно которому лексика БРСР сильно русифицирована. Прежде чем перейти непосредственно к анализу, нужно указать на несколько теоретических проблем, связанных с общим определением, которое дал еще А. Е. Супрун [1987: 16]: белорусский и русский тексты различаются только примерно в 20% слов. Поэтому чрезвычайно важно определить языковую принадлежность того или иного слова. С некоторыми неизменяемыми или изменяемыми лексическими единицами проблем не возникает: так, можно считать предлог *дзеля* ‘для, ради’ всегда однозначно белорусским, предлог *из* однозначно русским. Также все основы словоформ лексемы *папера* ‘бумага’ можно классифицировать как белорусские, а основы словоформ лексемы *бумага* как русские¹⁹. В случае с другими лексическими единицами это невозможно: союз *и* общий для обоих языков. И все словоформы таких существительных, как *ворона*, в обоих языках одинаковы. То, что безударные гласные /a, o/ в белорусском варианте так называемого аканья (не только в словоформах данного существительного) произносятся более открыто, чем в русском, не играет для лексического анализа никакой роли. Таким образом, все эти элементы следует охарактеризовать как «общие». Наконец, имеется большое число изменяемых лексем, одни словоформы которых следует описывать как «белорусские» или «русские», а другие являются «общими»: форма *буду* в 1 л. ед. ч. будущего времени от глагола ‘быть’ общая для обоих языков, что позволяет классифицировать ее как таковую, а не как «белорусскую» либо «русскую» и в силу этого также не относить ее к «белорусской» либо «русской» лексеме. Напротив, формы 3 л. ед. ч. будущего времени от глагола ‘быть’, как известно, различаются в двух языках: блр. *будзе* vs. русск. *будет*, что позволяет описать конкретную форму либо как «белорусскую», либо как «русскую» лексему. Кстати, формы инфинитива блр. *быць* vs. русск. *быть* или формы 2 л. ед. ч. будущего времени блр. *будзеш* vs. русск. *будешь* относятся в корпусе к словоформам, являющимся морфологически «общими», поскольку различие проявляется только в наличии цеканья или дзеканья вместо [tʲ] или [dʲ]. Однако цеканье и дзеканье, как было отмечено выше, являются феноменами белорусского акцента в произношении русских словоформ²⁰.

Количественные результаты для лексических переменных (сначала по функциональным словам, а затем по лексическим словам) представлены в табл. 3.

¹⁸ Относительно переменной Ф6 Т. Рамза [2011] отмечает, что в некоторых частотных белорусских лексемах [i] представляет собой морфологизированный вариант.

¹⁹ Здесь не учитываются крайне редкие случаи проявления белорусского морфонологического чередования (в данном случае *z* — *z*) в исконно русских лексемах, типа *бумазе* вместо *бумаге*; ср. [Менцель, Хентшель 2014: 52—55].

²⁰ Подробнее о проблемах межязыковой «лемматизации» см. в [Hentschel 2014a].

Таблица 3

Функциональные слова

переменная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
ЛФ1	<i>здесь</i>	<i>тут</i> ²¹	95,5	85,1	10,4	466	415	1	1	0
ЛФ2 ²²	<i>нет</i>	<i>не</i>	92,3	74,2	18,2	704	182	2	3	-1
ЛФ3	<i>где</i>	<i>дзе</i>	87,2	79,4	7,8	345	253	3	2	1
ЛФ4	<i>ли</i>	<i>ці</i>	86,7	66,7	20,1	83	30	4	5	-1
ЛФ5	<i>тогда</i>	<i>тады</i>	77,8	68,2	9,6	54	107	5	4	1
ЛФ6	<i>как</i>	<i>як</i>	75,4	62,4	13,0	1094	1045	6	6	0
ЛФ7	<i>еще</i>	<i>яшчэ</i>	67,6	54,1	13,5	691	451	7	8	-1
ЛФ8	<i>нет(у)</i> ²³	<i>няма</i>	66,5	48,1	18,3	191	189	8	10	-2
ЛФ9* ²⁴	<i>почему</i>	<i>чаго</i>	63,6	60,6	2,9	107	99	9	7	2
ЛФ10	<i>или</i>	<i>ці</i>	49,5	26,9	22,5	394	334	10	12	-2
ЛФ11	<i>чтоб(ы)</i>	<i>каб</i>	48,8	18,9	29,8	361	275	11	15	-4
ЛФ12	<i>вот</i>	<i>во</i>	45,7	19,9	25,9	2127	2228	12	14	-2
ЛФ13	<i>сюда</i>	<i>сюды</i>	44,4	24,0	20,4	117	100	13	13	0
ЛФ14	<i>есть</i>	<i>ёсць</i>	43,6	50,4	-6,8	227	234	14	9	5
ЛФ15	<i>уже</i>	<i>ужо</i>	35,2	28,4	6,8	1253	1145	15	11	4
ЛФ16	<i>но</i>	<i>але</i>	33,1	10,9	22,2	236	276	16	20	-4
ЛФ17*	<i>будто</i>	<i>быццам</i>	31,8	15,2	16,7	22	33	17	16	1
ЛФ18*	<i>вместе</i>	<i>разам</i>	31,0	11,1	19,8	42	36	18	19	-1
ЛФ19	<i>даже</i>	<i>аж(но)</i>	30,0	3,6	26,4	223	247	19	28	-9
ЛФ20*	<i>очень</i>	<i>вельмі</i>	29,2	13,0	16,2	89	161	20	18	2
ЛФ21	<i>только</i>	<i>толькі</i>	26,0	13,8	12,3	392	240	21	17	4
ЛФ22	<i>пока</i>	<i>пакуль</i>	15,5	9,4	6,2	103	64	22	21	1
ЛФ23*	<i>опять</i>	<i>зноў</i>	13,7	3,6	10,1	73	28	23	29	-6
ЛФ24	<i>надо</i>	<i>трэба</i>	7,6	6,8	0,9	641	340	24	24	0
ЛФ25*	<i>сейчас</i>	<i>зараз</i>	6,7	3,7	3,0	255	219	25	27	-2
ЛФ26	<i>совсем</i>	<i>зусім</i>	2,7	4,2	-1,5	37	24	26	26	0

Продолжение табл. 3 на с. 96

²¹ Замечание относительно вариантов *тут* и *не* в значении 'нет'. Разумеется, в русской разговорной речи или просторечии наречие *тут* и отрицательная частица *не* часто заменяют литературные варианты *здесь* и *нет*. Однако здесь варианты *тут* и *не* рассматриваются как «белорусские», так как в белорусском языке они характерны как для литературного языка, так и для диалектов. Кроме того, очевидно, что влияние просторечия на БРСР или трясянку выражено слабее, чем иногда принято считать. В работе [Brandes 2014] показано, что специфические черты просторечия в словоизменении отражаются в смешанной речи только тогда, когда для белорусского литературного языка характерны аналогичные формы, например, притяжательное местоимение *ixний* по аналогии с просторечным *ixний* в противовес русскому *их*.

²² Ср. ЛФ8.

²³ Ср. ЛФ2.

²⁴ Переменные, которые в этой таблице маркированы знаком *, имеют в корпусе больше вариантов, чем здесь названо — в одном или обоих языках. Об этом см. детальное исследование в [Генцель 2013] и [Hentschel 2014c].

Продолжение табл. 3 со с. 95

переменная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
ЛФ27*	конечно	вядома	2,6	7,2	-4,5	151	237	27	23	4
ЛФ28	то есть	гэта значыць	2,4	0,0	2,4	41	42	28	32	-4
ЛФ29*	всегда	заўсёды	2,3	5,8	-3,5	43	69	29	25	4
ЛФ30	потом	потым	2,0	0,0	2,0	347	267	30	33	-3
ЛФ31*	потому	таму	1,1	8,6	-7,5	184	209	31	22	9
ЛФ32	да	так	1,1	2,1	-1,1	472	422	32	30	2
ЛФ33	тоже	таксама	0,3	0,3	0,0	332	382	33	31	2

Таблица 4

Лексические слова

переменная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
ЛЛ1	отец	бацька ²⁵	92,3	59,7	32,6	91	77	1	2	-1
ЛЛ2	парень	хлопец	91,4	87,2	4,2	105	39	2	1	1
ЛЛ3	слушать	слухаць	59,6	35,7	23,9	57	28	3	3	0
ЛЛ4	(у)слышать	(у/па)-чуць	51,0	25,5	25,5	49	47	4	5	-1
ЛЛ5	(с)делать	(з)рабіць ²⁶	42,6	30,3	12,3	378	221	5	4	1
ЛЛ6	иметь	мець	24,4	20,0	4,4	41	30	6	6	0
ЛЛ7	(у)видеть	(у/па)бачыць	23,8	17,8	6,0	239	101	7	7	0
ЛЛ8	найти	знайсці	21,1	9,1	12,0	95	33	8	11	-3
ЛЛ9	бабушка	бабуля	17,9	7,4	10,6	39	68	9	17	-8
ЛЛ10	деревня	вёска	16,5	7,9	8,6	103	252	10	14	-4
ЛЛ11	дочка	дача	15,0	9,7	5,3	20	62	11	10	1
ЛЛ12	большой	вялікі	14,2	13,0	1,1	113	69	12	9	3
ЛЛ13	работать	працаваць / рабіць ²⁷	13,7	3,5	10,2	197	289	13	22	-9
ЛЛ14	учитель/ница	настаўнік / -ніца	12,5	5,0	7,5	48	60	14	20	-6
ЛЛ15	вопрос	пытанне	7,3	4,2	3,1	55	24	15	21	-6
ЛЛ16	хороший	добры	7,0	8,5	-1,5	100	129	16	12	4
ЛЛ17	(по)казаться	зда(ва)цца	5,9	2,7	3,2	51	113	17	26	-9

Продолжение табл. 4 на с. 97

²⁵ Формы множественного числа, такие как *бацькі* (здесь в оппозиции к слову *отец*), не учитываются, если они выступают в значении 'родители'.

²⁶ Ср. ЛЛ13.

²⁷ Ср. ЛЛ15.

Продолжение табл. 4. со с. 96

переменная	русск.	блр.	доля блр. сем. (%)	доля блр. инт. (%)	проц. разл.	кол-во сем.	кол-во инт.	R сем.	R инт.	R разл.
ЛЛ18	считать	лічыць	4,2	1,1	3,0	24	87	18	28	-10
ЛЛ19	главный	галоўны	3,4	8,3	-4,9	29	24	19	13	6
ЛЛ20	строить	будаваць	3,2	0,0	3,2	63	79	20	30	-10
ЛЛ21 ²⁸	время	час	3,0	6,2	-3,1	99	178	21	19	2
ЛЛ22	спрашивать/спросить	(с/за)пыт-(в)аць	3,0	7,4	-4,4	101	27	22	16	6
ЛЛ23	красивый	прыгожы	2,4	15,2	-12,8	41	46	23	8	15
ЛЛ24	неделя	тыдзень	2,1	0,0	2,1	94	37	24	30	-6
ЛЛ25	свадьба	вясьце	1,9	0,0	1,9	52	27	25	30	-5
ЛЛ26	должен	павінен	1,7	3,1	-1,4	59	64	26	24	2
ЛЛ27 ²⁹	час	гадзіна	1,5	0,0	1,5	132	38	27	30	-3
ЛЛ28	квартира	кватэра	1,2	6,5	-5,3	86	77	28	18	10
ЛЛ29	жизнь	жыццё	0,0	7,7	-7,7	44	78	29	15	14
ЛЛ30	понимать/понять	(з)разумець	0,0	3,2	-3,2	156	94	29	23	6
ЛЛ31	дело	справа	0,0	2,9	-2,9	56	35	29	25	4
ЛЛ32	получать/-ить	атрым-(лів)аць	0,0	2,1	-2,1	80	47	29	27	2
ЛЛ33	(по)нравиться	(с)падабаць	0,0	1,1	-1,1	80	91	29	29	0
ЛЛ34	последний	апошні	0,0	0,0	0,0	47	33	29	30	-1
ЛЛ35	интересный	цікавы	0,0	0,0	0,0	20	36	29	30	-1
ЛЛ36	папа	тата	0,0	0,0	0,0	74	40	29	30	-1
ЛЛ37	хватить/-ать	хапіць/-аць	0,0	0,0	0,0	89	51	29	30	-1

Сходство между всеми тремя областями исследованных языковых явлений состоит, прежде всего, в том, что, как у фонетических, так и у обоих типов лексических переменных, имеются переменные с явным преобладанием (около 90%) «белорусских» вариантов, но вместе с тем наблюдаются и переменные с похожим перевесом «русских» вариантов. В случае многих лексических переменных доля белорусских вариантов составляет менее 10%, что чаще отмечается у лексических слов (в семейных разговорах 23 переменных из 37), чем у функциональных (соответственно, 9 переменных из 33). Этим подтверждается сильное влияние русского языка на лексику БРСР по меньшей мере у более частотных единиц, которые были исследованы здесь.

Первое отчетливо выраженное различие между фонетическими переменными, с одной стороны, и лексическими переменными, с другой, в обоих корпусах заключается в следующем: лексически речь в интервью существенно более русская, чем в семейных разговорах; в фонетике же эта особенность отсутствует. В случае функциональных слов у 17 из 33

²⁸ Ср. ЛЛ27.²⁹ Ср. ЛЛ21.

переменных наблюдаются различия между семейными разговорами и интервью, составляющие более 10% (от общего количества), и все — в пользу русских вариантов. В случае лексических слов это касается 7 из 37 вариантов. (Только однажды отмечен противоположный случай.) То, что их меньше, чем у функциональных слов, объясняется тем, что у лексических слов только 14 из 37 переменных достигают «белорусской» доли, составляющей более 10%, и, конечно, только при таком условии возможно различие более чем в 10 процентов (от общего количества). Поэтому более точной является следующая формулировка: 7 из 14 возможных переменных выявляют явный перевес в пользу русского языка, и только 1 из 14 — в пользу белорусского. Такое различие между фонетикой и лексикой, разумеется, не удивительно: как уже было показано выше, разговор с незнакомым интервьюером является менее приватной ситуацией, чем разговор в семье или в дружеском кругу, даже если интервью происходит в квартире интервьюируемого, а сам интервьюер использует неформальную речь. Язык, доминирующий в общественной жизни Белоруссии, — русский. И единицы лексики как «самой открытой» подсистемы языка, естественно, легче контролируются в речи, чем фонетика. Это более четко проявляется и в интервью: в начале интервью речь респондентов «более русская» (и не только в лексическом плане), несмотря на то что интервьюируемые признают БРСР первичным средством коммуникации (см. выше). Фрагменты явно смешанной речи появляются, как правило, только в более поздней фазе интервью.

Следующее различие между фонетическими и лексическими переменными состоит в том, что соответствующее число наблюдаемых случаев (**кол-во**) у последних намного ниже, чем у первых. Приведенная ниже табл. 5 дает среднее арифметическое, средний показатель — медиану (менее чувствительную по отношению к крайним величинам), минимальное и максимальное число фиксаций каждой переменной и общее число фиксаций, причем семейный корпус и интервью здесь объединены.

Таблица 5

Основные количественные данные

тип перем.	число перем.	средн. арифм.	медиана	мин.	макс.	кол-во
фонетические явления	9	9188	8726	547	24703	82695
функциональные слова	33	361	470	55	4355	22280
лексические слова	37	163	128	53	599	6038

Различия в числе наблюдаемых случаев между фонетическими и лексическими явлениями следует учитывать при последующем рассмотрении отдельных субпопуляций, дифференцированных по типам говорящих и по городам. Наряду с большим числом лексических переменных оно также связано со следующим различием.

У функциональных слов иерархии, т. е. ранги переменной по доле белорусского языка, различаются между семейными разговорами (**Р сем.**) и интервью (**Р инт.**) отчетливее (**Р разн.**), чем у фонетических явлений, показывающих только минимальные различия: только у двух переменных и только по одному рангу. Однако различие зависит также от того, что разница в процентных долях (**доля блр. сем.** либо **инт.**) у многих лексических переменных очень мала, а у нескольких минимальна. Таким образом, «смена ранга» из-за незначительной разницы, естественно, скорее случайна, чем такая же смена при большой разнице. Тем не менее у лексических переменных также наблюдается близость иерархий в семейном корпусе и корпусе интервью и, соответственно, степень «белорусской устойчивости» либо русифицированности данных переменных (если величина **доля блр. сем.** либо **инт.** невысока).

Аналитическая статистика предоставляет коэффициент корреляции Пирсона, сокращенно обозначенный в таблицах ниже как **P's-r** (ср. об этом [Field 2009]), с помощью которого

степень «белорусских» либо «русских» выражений переменных может быть точно измерена с учетом степени различий и проверена на взаимосвязь между так называемыми субпопуляциями (здесь — данными из семейных разговоров и из интервью). При этом, как правило, у статистически рассчитанных корреляций величина до 0,2 считается очень слабой, до 0,5 — слабой, до 0,7 — средней, до 0,9 — сильной и свыше 0,9 — очень сильной. Это предполагает статистическую значимость от 0,05 или менее (показатель ниже 0,01 является очень высоким показателем значимости, ниже 0,001 — крайне высоким).

Таким образом, сравнение данных из семейных разговоров и интервью с учетом указанного коэффициента дает следующую картину:

Таблица 6

Значения коэффициента Пирсона

тип перем.	P's-r	значимость	число переменных
фонетические явления	0,982	0,000	9
функциональные слова	0,944	0,000	33
лексические слова	0,944 ³⁰	0,000	37

Во всех трех областях обнаруживается очень сильная связь по контролируемым переменным при крайне высоком уровне значимости. Следовательно, результаты, полученные из семейных разговоров и находящиеся в центре внимания данного проекта, на основе сильной связи с результатами, полученными из интервью, могут быть обобщены, хотя в семейном корпусе по каждому городу учитывалась только одна семья. Наблюдаемые одинаковые результаты у участников семейных разговоров и у интервьюируемых, не связанных ни с данными семьями, ни между собой, не могут быть случайными. (Сравнение отдельных городов см. в последней части анализа, в разделе 3.3.)

3.2. Взаимоотношение между типами говорящих

Следующая часть анализа состоит в сравнении типов говорящих, описанных выше. Разделение респондентов на такие типы имеет методологический смысл только для семейных разговоров, которые характеризуются в полном объеме спонтанной речью. Интервью, в свою очередь, характеризовались значительной долей русской речи, особенно в их начале (см. выше).

При анализе связей между типами говорящих (как и в следующем разделе 3.3 — между городами) придется отказаться от подробной иллюстрации результатов для отдельных переменных в форме таблиц, как при сравнении обоих корпусов, так как в этом случае таблицы были бы огромными. Ограничимся демонстрацией полной статистики по таблицам.

Общие тенденции ясны: доля белорусских вариантов переменных уменьшается от типа ГБ к типу Р. Это очевиднее всего на примере фонетических явлений, в меньшей степени на примере функциональных слов, однако не столь очевидно на примере лексических слов. Подобная картина наблюдается также, если учесть простые величины среднего арифметического и медианы³¹, а также — в случае фонетических явлений — минимальную величину белорусской доли у соответствующих переменных:

³⁰ Идентичное значение коэффициента корреляции Пирсона у функциональных и лексических слов случайно. Расчет повторялся неоднократно с помощью разных статистических программ (здесь стандартным образом использовалась SPSS) и разными сотрудниками. Значение оставалось таким же.

³¹ Значения среднего арифметического и медианы относятся здесь к относительным частотностям белорусских вариантов проанализированных переменных.

Таблица 7

Доля белорусских вариантов

тип перем.	тип	переменные	сред. арифм.	медиана	мин.	макс.
фонетические явления	ГБ	9	78,7	92,1	32,4	99,5
	Г	9	64,8	75,5	10,4	96,8
	ГР	9	60,9	71,6	10,9	96,7
	Р	9	43,8	43,5	3,4	94,8
функциональные слова	ГБ	31 ³²	51,2	56,0	0,0	100,0
	Г	33	38,4	30,5	0,0	98,2
	ГР	33	34,7	28,8	0,0	94,9
	Р	26	24,3	19,6	0,0	97,2
лексические слова	ГБ	26	17,0	0,0	0,0	100,0
	Г	36	15,8	0,0	0,0	100,0
	ГР	37	12,6	5,3	0,0	81,3
	Р	23	19,2	9,1	0,0	100,0

Относительно стабильная максимальная величина (**макс.**) свидетельствует о том, что, по меньшей мере, одна переменная выявляет стабильно высокую, почти стопроцентную (с одним исключением) «белорусскую» долю. Не следует забывать, что дифференциация данных типов основана на склонности соответствующих респондентов порождать «белорусские», «русские» или «гибридные» высказывания. (Однако в представленном здесь анализе учитывались, как было указано выше, только последние.) Это значит, что данные типы респондентов-говорящих отличаются не только разной тенденцией «выбора» (сознательного или неосознанного) одного из трех кодов, но и тем, что их «гибридные» высказывания в разной мере сохраняют «белорусские» варианты или склоняются к «русским». Это отчетливо видно на примере лексических слов, поскольку здесь русификация сильно прогрессирует³³.

Однако анализ коэффициента корреляции Пирсона снова показывает, что образцы распределения «белорусских» и «русских» вариантов либо иерархии переменных относительно сохранения белорусского языка или, наоборот, относительно склонности к русификации в высшей степени коррелируют между собой, т. е. являются стабильными. Связь была проверена сравнением отдельных типов между собой.

Таблица 8

Анализ коэффициента корреляции Пирсона

типы		фонетические явления			функциональные слова			лексические слова		
1	2	P's-r	значим.	пер.	P's-r	значим.	пер.	P's-r	значим.	пер.
ГБ	Г	0,907	0,000	9	0,841	0,000	31	0,923	0,000	25
ГБ	ГР	0,847	0,002	9	0,850	0,000	31	0,823	0,000	26
ГБ	Р	0,706	0,017	9	0,694	0,000	25	0,899	0,000	20
Г	ГР	0,980	0,000	9	0,867	0,000	33	0,811	0,000	36
Г	Р	0,863	0,001	9	0,863	0,000	26	0,871	0,000	23
ГР	Р	0,929	0,000	9	0,894	0,000	26	0,877	0,000	23

³² Относительно функциональных и лексических слов в некоторых субпопуляциях количество наблюдаемых случаев слишком мало. Поэтому здесь, как и в следующем анализе корреляций, учитывались только те переменные, которые наблюдались минимум пять раз.

³³ Учитывая также исследования [Hentschel 2008b; 2014a; Хентшель 2013; Менцель, Хентшель 2014], можно предположить, что чисто грамматические элементы, прежде всего местоимения, а также флективные морфемы лексических слов «ведут себя», скорее, как функциональные слова.

В последней таблице везде засвидетельствована сильная (или даже очень сильная) связь за одним исключением: показатель связи функциональных слов между типами ГБ vs. Р (0,694), причем не сильно отличающийся от величины 0,7, как предельной величины сильной взаимосвязи.

Предварительный вывод: независимо от того, в какой степени речь говорящих русифицирована, образец иерархической градации сохранения белорусских вариантов или, наоборот, предпочтения русских вариантов остается очень стабильным.

3.3. Взаимоотношение между городами

Снова, как и при анализе типов говорящих, исключаются такие пары, которые в одном из двух взятых городов представлены менее пяти раз. Поскольку общая масса наблюдений распадается на семь или шесть «субпопуляций», то максимальное число переменных не достигается ни в одном случае даже у фонетических явлений, где переменная Ф9 в целом представлена относительно слабо, так что ее детальное рассмотрение по городам невозможно. Повторим список городов с сокращениями: Октябрьский (ak), Барановичи (ba), Хотимск (ch), Минск (mi), Рогачев (ra), Сморгонь (sm), Шарковщина (sa).

Таблица 9

Коэффициент корреляции Пирсона: фонетические явления

семейные разговоры					интервью				
гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 9)	гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 9)
ak	ba	0,875	0,001	9	ak	ch	0,864	0,003	8
ak	ch	0,890	0,002	8 ³⁴	ak	ra	0,753	0,010	9
ak	mi	0,922	0,000	9	ak	sa	0,830	0,003	9
ak	ra	0,889	0,001	9	ak	sl	0,763	0,008	9
ak	sa	0,961	0,000	9	ak	sm	0,778	0,007	9
ak	sm	0,913	0,000	9	ch	ra	0,861	0,003	8
ba	ch	0,948	0,000	8	ch	sa	0,978	0,000	8
ba	mi	0,921	0,000	9	ch	sl	0,754	0,015	8
ba	ra	0,949	0,000	9	ch	sm	0,940	0,000	8
ba	sa	0,874	0,001	9	ra	sa	0,869	0,001	9
ba	sm	0,960	0,000	9	ra	sl	0,917	0,000	9
ch	mi	0,916	0,001	8	ra	sm	0,922	0,000	9
ch	ra	0,897	0,001	8	sa	sl	0,815	0,004	9
ch	sa	0,868	0,003	8	sa	sm	0,960	0,000	9
ch	sm	0,972	0,000	8	sl	sm	0,898	0,000	9
mi	ra	0,944	0,000	9					
mi	sa	0,970	0,000	9					
mi	sm	0,915	0,000	9					
ra	sa	0,939	0,000	9					
ra	sm	0,878	0,001	9					
sa	sm	0,872	0,001	9					

³⁴ Как и в предыдущем анализе корреляций, учитывались только те переменные в парах, которые наблюдались минимум пять раз, здесь в каждом из двух городов.

Результаты относительно фонетических явлений однозначны: наблюдаются исключительно сильные связи. Поскольку выбранные семь (семейные разговоры) или шесть (интервью) городов находятся в разных частях страны, вполне обоснованно обобщать данные результаты и проецировать их на территорию всей страны.

Таблица 10

Коэффициент корреляции Пирсона: функциональные слова

семейные разговоры					интервью				
гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 33)	гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 33)
ak	ba	0,683	0,000	29	ak	ch	0,842	0,000	28
ak	ch	0,802	0,000	28	ak	ra	0,893	0,000	26
ak	mi	0,670	0,000	29	ak	sa	0,618	0,000	29
ak	ra	0,766	0,000	28	ak	sl	0,651	0,000	24
ak	sa	0,556	0,001	28	ak	sm	0,775	0,000	26
ak	sm	0,685	0,000	29	ch	ra	0,827	0,000	26
ba	ch	0,718	0,000	28	ch	sa	0,729	0,000	28
ba	mi	0,726	0,000	29	ch	sl	0,593	0,001	24
ba	ra	0,768	0,000	28	ch	sm	0,747	0,000	26
ba	sa	0,666	0,000	29	ra	sa	0,682	0,000	27
ba	sm	0,751	0,000	28	ra	sl	0,701	0,000	23
ch	mi	0,632	0,000	30	ra	sm	0,684	0,000	25
ch	ra	0,833	0,000	29	sa	sm	0,814	0,000	28
ch	sa	0,690	0,000	30	sl	sa	0,473	0,004	31
ch	sm	0,742	0,000	30	sl	sm	0,629	0,000	25
mi	ra	0,711	0,000	30					
mi	sa	0,842	0,000	30					
mi	sm	0,777	0,000	30					
ra	sa	0,722	0,000	29					
ra	sm	0,788	0,000	29					
sa	sm	0,785	0,000	30					

Таблица 11

Лексические слова

семейные разговоры					интервью				
гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 37)	гор. 1	гор. 2	P's-r	значим.	перем. (из 37)
ak	ba	0,862	0,000	19	ak	ch	0,656	0,000	23
ak	ch	0,779	0,000	23	ak	ra	0,713	0,000	25
ak	mi	0,832	0,000	18	ak	sa	0,723	0,000	27
ak	ra	0,831	0,000	26	ak	sl	0,827	0,000	21
ak	sa	0,518	0,020	16	ak	sm	0,267	0,094 ³⁵	26
ak	sm	0,740	0,000	26	ch	ra	0,928	0,000	22

Продолжение табл. 11 на с. 103

³⁵ Показатели, выделенные курсивом, являются статистически незначимыми.

Продолжение табл. 11 со с. 102

семейные разговоры					интервью				
гор. 1	гор. 2	P's-г	значим.	перем. (из 37)	гор. 1	гор. 2	P's-г	значим.	перем. (из 37)
ba	ch	0,691	0,000	21	ch	sa	0,934	0,000	21
ba	mi	0,777	0,000	20	ch	sl	0,657	0,001	20
ba	ra	0,805	0,000	22	ch	sm	0,406	0,042	19
ba	sa	0,376	0,103	13	ra	sa	0,742	0,000	25
ba	sm	0,641	0,000	23	ra	sl	0,738	0,000	20
ch	mi	0,827	0,000	21	ra	sm	0,439	0,021	22
ch	ra	0,811	0,000	27	sa	sm	0,194	0,167	27
ch	sa	-0,116	0,323	18	sl	sa	0,781	0,000	32
ch	sm	0,666	0,000	28	sl	sm	0,228	0,160	21
mi	ra	0,668	0,000	22					
mi	sa	0,524	0,022	15					
mi	sm	0,662	0,000	23					
ra	sa	-0,152	0,259	21					
ra	sm	0,581	0,000	32					
sa	sm	0,251	0,136	21					

Совершенно очевидно, что величины корреляций между лексическими единицами (прежде всего лексическими словами в отличие от функциональных) ниже, чем между фонетическими. В некоторых немногочисленных случаях наблюдается как для функциональных, так и для лексических слов только слабая связь между отдельными рассмотренными городами (см. ниже). Характерная специфика отдельных городов здесь не может быть подробно исследована. Сначала представим обзор показателей связи между фонетическими явлениями, функциональными и лексическими словами, причем показатели из семейных разговоров и интервью суммированы: в семейных разговорах в трех областях была зарегистрирована 21 корреляция, в интервью — 15 корреляций (на основе пар городов), итого вместе — 36. В целом, корреляции несколько сильнее выражены в семейных разговорах, чем в интервью. Это неудивительно, если учесть, что речь в интервью больше варьируется между «общественным» и «частным» регистром, чем в семейном или дружеском кругу.

Таблица 12

Количество и степень связи

P's-г	абсолютно				в процентах			
	фонет. явл.	функц. сл.	лекс. сл.	вместе	фонет. явл.	функц. сл.	лекс. сл.	вместе
очень сильная	18	—	2	20	50,0	0,0	5,6	18,5
сильная	18	22	15	55	50,0	61,1	41,7	50,9
средняя	—	13	10	23	0,0	36,1	27,8	21,3
слабая	—	1	2	3	0,0	2,8	5,6	2,8
не значимая	—	—	7	7	0,0	0,0	19,4	6,5
вместе	36	36	36	108	100,0	100,0	100,0	100,0

Наиболее существен следующий результат: в целом из 108 проверенных связей между городами, находящимися в самых разных частях страны, сильная (или даже очень сильная) связь установлена для 75, т. е. 70%. В 23 из 108 случаев, в свою очередь, установлена

средняя связь; это примерно 20%. Таким образом, сравнение городов указывает на очень сильную когерентность языковых данных в БРСР по всей стране.

Кроме того, данные величины отражают вышеупомянутую тенденцию: корреляции между городами в лексической области выражены слабее. Это происходит по двум причинам. Прежде всего, ареальная дифференциация в лексике значительна, поскольку лексика является открытой системой. Причем традиционная, диалектная ареальная дифференциация представляет собой только один аспект. Другой аспект связан с социальной структурой городов: создание больших предприятий или других государственных учреждений в белорусских городах привлекало не только собственное сельское население, но и, как правило, также приезжих из других республик Советского Союза, русскоязычных в своей массе [Zaprudski 2007]. Это в большой степени повлияло на социолингвистическую реальность. Возможность проверки обоих параметров относительно исследованных городов и контролируемых переменных в лингвосociологическом плане невозможна, а в диалектном очень ограничена³⁶. В качестве особенности можно отметить только следующее: все случаи слабых корреляций или отсутствия корреляций обнаруживаются в семейном корпусе и в корпусе интервью при сравнении с определенными городами. В семейном корпусе это Шарковщина³⁷, в корпусе интервью — Сморгонь. (Оба города находятся на периферии, недалеко от литовской границы.) Хотя в целом только в 10 случаях из 108 наблюдается слабая связь или ее отсутствие, в 9 из них — у лексических слов, и именно в обоих названных городах.

Заключение

Проведенный анализ позволил выявить сильные связи в образцах распределения конкурирующих вариантов, т. е. в иерархизации переменных относительно доли в них вариантов того или другого языка (в меньшей степени в величине относительных показателей), что противоречит мнению, согласно которому БРСР является конгломератом по-разному русифицированных идиолектов. Количественно градуированные различия в степени русификации отмечаются в речи отдельных носителей БРСР (или их групп) в зависимости от возраста, социальной среды, места жительства и т. д. Кроме того, степень русификации может варьировать в зависимости от ситуации беседы, темы и т. д. Если бы, однако, распределение конкурирующих белорусских и русских вариантов было индивидуальным, спонтанным, нерегулярным или даже хаотичным, то описанные выше стабильные образцы были бы невозможны. Это значит, что в основе БРСР лежит определенная систематичность, которую можно было бы назвать БРСЛ (белорусско-русский смешанный лект) по аналогии с английским термином «fused lect». Приняв этот термин, можно было бы, с одной стороны, избежать уничижительного, стигматизирующего термина «трасянка», а с другой стороны — более точно выразить ту мысль, что в данном случае перед нами нечто большее, чем просто конгломерат окказиональных, индивидуальных феноменов смешанной речи.

³⁶ В данной статье только при исследовании фонетических явлений систематически учитывались диалектные аспекты. Таким образом, например, город Хотимск не был учтен для переменной Ф4 (твердый блр. [r] вместо мягкого русск. [rʲ]), так как в соответствующих местных белорусских говорах оппозиция /r/ vs. /rʲ/ функционирует так же, как в русском языке. Это постоянно отражалось в данных корпуса: почти никогда не встречался твердый [r] на месте русского [rʲ]; ср. [Hentschel, Zeller 2014]. Подобный подход был невозможен для лексических переменных. По большинству обсуждаемых здесь переменных авторитетные пособия справочников не дают, для многих переменных они неоднозначны. При детальном исследовании соответствующая диалектная информация была по возможности, т. е. в отдельных случаях, учтена [Генцель 2013; Hentschel 2014c], однако она не могла быть учтена при расчетах. Таким образом, лексические корреляции, особенно в случае лексических слов с их менее значительной частотностью, более чувствительны к ареальным, не в последнюю очередь диалектным влияниям.

³⁷ Об особенностях данных из Шарковщины в области морфологии см. [Менцель, Хентшель 2014].

В представленных стабильных образцах заключается узус таких высоковариативных суб-стандартов, как БРСР. Иногда образцы закрепляются за крайними величинами иерархий. Таким образом, закрепляются, или конвенционализируются, варианты либо белорусского, либо русского происхождения. Конечно же, эти варианты также могут в спонтанной речи заменяться другими. (Речь идет о наслоении спонтанного смешивания на конвенционализированное, что, в частности, было описано П. Ауэром [Auer 1999].) Часто в таких случаях можно говорить о сознательном стилистическом оформлении речи, когда, например, в неофициальной речи белорусов встречается русский [g] вместо белорусского [ɣ] (Ф2) или, наоборот, вместо русского *да* встречается белорусский вариант *так* (ЛФ32).

Однако для большинства переменных характерно присутствие вариантов обоих языков, что не вызывает удивления, так как оба языка находятся в употреблении (хотя и с разной степенью интенсивности и экстенсивности). Если мы согласимся с тем, что говорящие имеют представление об адекватной чистоте конкурирующих вариантов (в смысле [Chambers 2002: 350—351]), то можно нарисовать следующую картину для носителя БРСР (и для носителя русского просторечия, который в состоянии говорить и на литературном языке в его разговорном варианте). На ранней стадии языковой социализации носитель языка усваивает характерные для его семьи и ближайшего окружения знания об адекватной частотности отдельных вариантов. Взрослея, он усваивает способность изменять количественные соотношения между вариантами множества фонетико-фонологических, морфологических, лексических и др. переменных в различных коммуникативных контекстах вне семейного окружения. Возможны ситуации, когда образованные белорусы могут в контекстах, требующих литературного русского языка, «подавлять» в своей речи (почти) все белорусские варианты (таким же образом в контекстах, требующих белорусского языка, они могут подавлять все русские варианты в том случае, если хорошо усвоили белорусский язык)³⁸. В то же время дома, например, в разговоре с родителями, такие говорящие могут возвращаться к своим старым формам речи, т. е. к БРСР, что проявляется, в первую очередь, в таких переменных, белорусские и русские варианты которых представлены в БРСР. Из лингвоидеологических соображений, под влиянием значительной стигматизации БРСР, другие говорящие, конечно, могут принять решение по возможности избегать употребления БРСР. Но даже если в случае различных переменных доля одного и другого языков в БРСР оказывается у субпопуляций несколько различающейся, что наблюдается у разных типов говорящих (ГБ, Г, ГР, Р), то описанные иерархические образцы остаются в значительной мере стабильными. Конечно, смешанная речь типа Р существенно «менее белорусская», чем речь других трех типов. Не исключено, что тип Р представляет собой тип среднего белоруса будущего. Если русский язык еще больше укоренится в Белоруссии, вытесняя при этом не только белорусский язык, но частично и БРСР³⁹, то под типом говорящих Р можно будет понимать русскоговорящих белорусов, сохраняющих в своей непринужденной речи различные явления белорусского языка. Тем не менее для всех названных типов говорящих пока характерны одинаковые иерархии переменных относительно их тенденций оставаться стабильно белорусскими либо же русифицироваться. Таким образом, узус в БРСР следует искать в иерархически упорядоченном соотношении отдельных переменных по степени их русификации. В общеструктурном плане вероятность «русификации переменной» в БРСР зависит от ее локализации в так называемой универсальной «*boagowing hierarchy*» (см. [Field 2002: 34—40]), т. е. в иерархии склонности элементов к тому, чтобы быть заимствованными. Здесь речь идет о различиях между такими структурными областями, как фонетика и фонология, флективная морфология, функциональная лексика, семантическая лексика, дискурсивные маркеры и т. д. Универсальная иерархия не являлась темой данного исследования; см. об этом [Хентшель 2013: 73—74].

³⁸ См. [Хентшель 2013: 61—62] о модели усвоения языка теми белорусами, чья первичная социализация происходит на БРСР.

³⁹ О молодом поколении белорусов см. [Hentschel et al. 2015].

В настоящем исследовании речь шла об иерархиях внутри этих структурных областей, т. е. об иерархиях, которые являются специфическими для контактирующих языков. Рассматривались три такие структурные области: фонетика и фонология, функциональная лексика, семантическая лексика. В одних случаях в пределах этих структурных областей русификация переменной приближается к нулю, что, однако, еще не исключает употребления отдельных русских вариантов в качестве стилистического средства (в широком смысле). В других случаях она приближается к показателю 100%, что, в свою очередь, допускает употребление белорусских вариантов в качестве стилистического средства. В случае же огромного числа белорусских и русских вариантов характерно менее предельное количественное распределение в БРСР. Это распределение может изменяться в зависимости от коммуникативного контекста, но иерархическая последовательность отдельных переменных при этом сохраняется⁴⁰.

Представленная здесь модель научного описания включает предложенную И. В. Лисковец [2006] идею «русско-белорусского языкового континуума». По ее мнению, его крайними точками являются более или менее стандартные русский и белорусский языки. Это линейное, одномерное понятие континуума, безусловно, придется дополнить в том смысле, что белорусская сторона экстремума определяется не только белорусским литературным языком, но и так же, если не сильнее, белорусскими диалектами; ср [Hentschel 2008a: 171; Хентшель 2013: 70—71]⁴¹. Однако сомнительным является принятие дискретного «членения» континуума с поэтапными кодами перехода. И. В. Лисковец [2006] постулирует между этими двумя экстремумами, кроме трасянки, две близкие, но не идентичные формы белорусского диалекта русского языка: городской и сельский. В более ранней работе [Лисковец 2003] она также различает сильную и слабую трасянку, но указывает на трудности их разграничения в речи⁴². Н. Б. Мечковская [Mečkovskaja 2014: 72] принимает подобный континуум речевых типов с экстремумами «белорусская литературная речь на основе белорусского литературного языка» и «русская литературная речь на основе русского литературного языка в Белоруссии» (перевод мой. — Г. Х.). Между ними она выделяет пять промежуточных типов (три из них она относит к трасянке), но признает, что все эти речевые типы, особенно «соседние» в «ступенчатом» континууме, невозможно эмпирически разграничить.

Наш анализ подтверждает проблематичность или даже невозможность эмпирического разграничения отдельных промежуточных кодов даже тогда, когда анализ сконцентрирован на одном из двух корпусов. Тот факт, что БРСР представляется в корпусе интервью как «более русская», является естественным, так как интервью — это более формальная ситуация общения, чем разговор в семье или с друзьями. Те модели описания, которые сначала постулируют разные коды или типы речи, а потом стремятся к выявлению вариативности «внутри них», определенно соответствуют традиционному структуралистскому мышлению. Однако если предполагаемые промежуточные коды эмпирически почти никогда не встречаются (по крайней мере, приблизительно) в «чистом виде», но всегда значительно перекрывают друг друга и, следовательно, не являются строго разграниченными, то возникает

⁴⁰ Между прочим, данная модель объясняет белорусские интерференции в речи и высокообразованных белорусов, хорошо владеющих русским языком. Белорусскими крайними значениями названных иерархий являются такие белорусские варианты, которые, как правило, появляются (или могут появляться) в речи образованных белорусов.

⁴¹ Как известно, некоторые белорусские диалекты в определенных структурных переменных могут быть ближе к литературному русскому языку, чем к литературному белорусскому; см. [Ramza 2008: 316—320].

⁴² Постулируемые И. Лисковец варианты не подтверждаются в ее эмпирических анализах. Она концентрируется на трасянке в Минске, где та, согласно нашим данным (см. [Хентшель, Киттель 2011]), выражена слабее всего. (Доминирующий метод в анализе Лисковец, а именно проводимые ею самой неформальные разговоры и интервью, в которых она использовала, как правило, русский язык, сегодня, конечно же, не применяется в качестве эффективного средства исследования аутентичной речи.)

вопрос, способствует ли их выделение углублению знания о предмете: каким образом можно определить варьирование единиц внутри них? Кроме того, критерии, которые используют И. Лисковец и Н. Мечковская для разграничения своих промежуточных типов, сильно различаются. Так что возникает вопрос о том, сколько промежуточных типов следует принять и какие критерии разграничения должны быть выбраны⁴³.

Среди различных аспектов, которые используют Лисковец и Мечковская для различения своих типов, речь идет о тех, которые несомненно имеют значение для более сильного белорусского или более сильного русского выражения БРСР. В «деревне» она в среднем более белорусская, в «городе» более русская. Видимо, здесь можно предложить градацию такого вида: «деревня, небольшой город, средний город, большой город», на которую дополнительно могут быть наложены такие критерии, как индустриальная или аграрная ориентация местожительства или окружения. Также определенную роль играет первичная языковая социализация, соответствующая типологии Н. Мечковской. То обстоятельство, как сильно были представлены в первичной языковой социализации и в школьном образовании белорусский и русский элементы, отразится на БРСР говорящего. Но эти критерии находятся в ряду других, таких как:

- возраст говорящего (чем моложе, тем сильнее тенденция к «более русской» БРСР);
- стиль (чем формальнее, тем сильнее склонность в БРСР к русскому)⁴⁴;
- образование (чем ниже, тем меньше отличается БРСР от кода первичной языковой социализации);
- доминирующий код в повседневной жизни (чем выше профессиональный статус, тем сильнее позиции русского в БРСР)⁴⁵;
- диалектная или территориальная подоплека (чем сильнее структурный разрыв между белорусскими диалектами и русским литературным языком, тем «более белорусской» будет БРСР);
- адресат речи (чем старше житель, чем ниже его социальный статус и степень урбанизации его происхождения, тем более белорусской будет БРСР его собеседника при условии, что собеседник захочет «подстроиться под адресата» в языковом отношении) и т. д.

Представленная здесь модель описания вариативности БРСР последовательно отказывается от постулирования в языковом пространстве Белоруссии промежуточных кодов между белорусским и русским полюсами, эмпирическое разграничение которых является проблематичным или даже невозможным. Отмечается тот факт, что БРСР в конкретных коммуникативных ситуациях получается либо «более белорусской», либо «более русской» в зависимости от разнообразных критериев, которые сами по себе являются континуумами. Константы варьирования белорусских и русских (и гибридных) единиц в БРСР и, таким образом, их узус можно определить, во-первых, через лишь упомянутую здесь универсальную иерархию заимствований элементов в различных структурных сферах и, во-вторых, через представленные здесь специфические для языковых пар иерархии внутри таких структурных

⁴³ Очевидно, следовало бы определить различные территориальные варианты БРСР с точки зрения проявления в них отличительных черт автохтонного диалектного субстрата. Эти «тряснотные региолекты» отличаются друг от друга меньше, чем белорусские диалекты, по причине нивелирующего влияния русского и (слабее) белорусского стандартных (литературных) языков; см. [Хентшель 2013: 69—71]. То, что белорусский субстрат выявляется в БРСР, было показано на основе фонетического и фонологического анализа нашего корпуса; ср. [Hentschel, Zeller 2014]. Для полного описания процессов региолектизации в Белоруссии требуется более обширный фактический материал.

⁴⁴ Некоторыми формальными ситуациями, в которых ожидаемым является белорусский литературный язык, можно пренебречь.

⁴⁵ Это не распространяется на тех официальных лиц, для которых белорусский литературный язык является необходимой составной частью профессионального или социального имиджа (например, в учреждениях культуры и образования).

областей. Роль обеих, в отличие от промежуточных кодов различных видов, можно эмпирически определить количественными методами.

К перспективе дальнейшего исследования типа «перцептивной социолингвистики»⁴⁶ относится решение ряда вопросов.

1. Воспринимаются ли широкими слоями белорусского общества разные количественные констелляции в распределении белорусских и русских единиц в речи как различные коды?
2. Являются ли определенные структурно-языковые переменные более важными критериями для такой классификации?
3. Какую роль в этом играет социальное и ареальное разнообразие белорусского населения?

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Генчэль 2013 — Генчэль Г. Размеркаванне беларускіх і рускіх варыянтаў структурных слоў у беларуска-рускім мяшаным маўленні // *Веснік БДУ. Серыя 4*. 2013. № 2. С. 52—61. [Hentschel G. Distribution of Belarusian and Russian variants of structure words in the Belarusian-Russian mixed speech. *Vesnik BDU. Ser. 4*. 2013. No. 2. Pp. 52—61.]
- Герд 1998 — Герд А. С. Диалект — региолект — просторечие // *Русский язык в его функционировании*. М.: Наука, 1998. С. 20—21. [Gerd A. S. Dialect — regiolect — vernacular. *Russkii yazyk v ego funktsionirovani*. Moscow: Nauka, 1998. Pp. 20—21.]
- Герд 2005 — Герд А. С. Введение в этнолингвистику. 2-е изд. СПб: Изд-во СПб. ун-та, 2005. [Gerd A. S. *Vvedenie v etnolingvistiku* [Introduction to ethnolinguistics]. 2nd ed. St. Petersburg: St. Petersburg Univ. Publ., 2005.]
- Запрудскі 2009 — Запрудскі С. М. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянкі», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук // *Arche*. 2009. № 11—12. С. 157—200. [Zaprudski S. M. Some remarks on the study of «trasyanka», or Challenges for the Belarusian humanities and social sciences. *Arche*. 2009. No. 11—12. Pp. 157—200.]
- Крысин 2001 — Крысин Л. П. Современный русский интеллигент: попытка речевого портрета // *Русский язык в научном освещении*. 2001. № 1. С. 90—106. [Krysin L. P. The modern Russian intellectual: An attempt of a speech portrait. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2001. No. 1. Pp. 90—106.]
- Крысин 2007 — Крысин Л. П. Русская литературная норма и современная речевая практика // *Русский язык в научном освещении*. 2007. № 2(14). С. 5—17. [Krysin L. P. The Russian literary norm and modern speech practice. *Russkii yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2007. No. 2(14). Pp. 5—17.]
- Курцова 2010 — Курцова В. М. Беларускае дыялектнае маўленне: новыя лексічныя сродкі, іх лінгвістычны статус і грамадская ацэнка // Анісім А. (рэд.). *Матэрыялы канферэнцыі «Сучасны стан беларускай мовы і дзейнасць грамадскіх аб'яднанняў па яго паляпшэнні»*. Мінск: [б. в.], 2010. С. 18—31. [Kurtsova V. M. The Belarusian dialectal spoken language: New lexical means, their linguistic status and social evaluation. *Matjeryjaly kanferjencyi «Suchasny stan belaruskaj movy i dzejnasc gramadskih ab'jadnannjav pa jago paljapshjenni»*. Anisim A. (ed.). Minsk: [b. v.], 2010. Pp. 18—31.]
- Лисковец 2002 — Лисковец И. В. Трасянка: происхождение, сущность, функционирование // *Антропология. Фольклористика. Лингвистика*. 2002. Вып. 2. С. 329—343. [Liskovets I. V. Trasyanka: Origin, nature, functioning. *Antropologiya. Fol'kloristika. Lingvistika*. 2002. No. 2. Pp. 329—343.]
- Лисковец 2003 — Лисковец И. В. Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве. Беларусь. <http://www.eu.spb.ru> (Просмотрено: июль 2006) [Liskovets I. V. *Novye yazyki novykh gosudarstv: yavleniya na styke blizkorodstvennykh yazykov na postsovetskom prostranstve. Belarus'* [New languages of new states: Phenomena at the confluence of sister languages in the post-Soviet space. Belarus. Available at: <http://www.eu.spb.ru> (July 2006).]
- Лисковец 2006 — Лисковец И. В. Русский и белорусский языки в Минске: проблемы билингвизма и отношения к языку: Дис. ... канд. филол. наук. СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2006. [Liskovets I. V. *Russkii i belorusskii yazyki v Minske: problemy bilingvizma i otnosheniya*

⁴⁶ Ср. с концепцией «перцептивной диалектологии» [Preston 1999].

- k yazyku. Kand. diss.* [Russian and Belarusian in Minsk: Problems of bilingualism and the attitude to language. Cand. diss.]. St. Petersburg: European Univ. at St. Petersburg, 2006.]
- Менцель, Хентшель 2014 — Менцель Т., Хентшель Г. Вплив російської мови на флективну морфологію білорусько-російського та українсько-російського змішаного мовлення // *Мовознавство*. 2014. № 1. С. 32—57. [Menzel T., Hentschel G. The influence of Russian on the inflectional morphology of the Belarusian-Russian and Ukrainian-Russian mixed speech. *Movoznavstvo*. 2014. No. 1. Pp. 32—57.]
- Мечковская 1994 — Мечковская Н. Б. Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия // *Russian Linguistics*. 1994. Vol. 18. № 1. С. 299—322. [Mechkovskaya N. B. The linguistic situation in Belarus: Ethical collisions of bilingualism. *Russian Linguistics*. 1994. Vol. 18. No. 1. Pp. 299—322.]
- Мечковская 2000 — Мечковская Н. Б. Социальная лингвистика. М.: Аспект Пресс, 2000. [Mechkovskaya N. B. *Sotsial'naya lingvistika* [Social linguistics]. Moscow: Aspekt Press, 2000.]
- Мечковская 2005 — Мечковская Н. Б. Белорусская трасянка и украинский суржик: суррогаты этнического субстандарта в их отношениях к литературным языкам // *Проблеми зівставної семантики*: 36. наук. статей. Вип. 7. Київ: Видав. центр КНЛУ, 2005. С. 109—115. [Mechkovskaya N. B. The Belarusian trasyanka and the Ukrainian surzhik: Surrogates of ethnic substandard in their relations to standard languages. *Problemy zivstavnoi semantyky: Zb. nauk. statej*. No. 7. Kyi'v: Vydav. centr KNLU, 2005. Pp. 109—115.]
- Мячкоўская 2007 — Мячкоўская Н. Б. Трасянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасянцы? // *Веснік БДУ*. Сер. 4. 2007. № 1. С. 91—97. [Mjachkoŭskaja N. B. Trasyanka in the continuum of the Belarusian-Russian idiolects: Who and when speaks trasyanka? *Vesnik BDU*. Ser. 4. 2007. No. 1. Pp. 91—97.]
- Мячкоўская 2008 — Мячкоўская Н. Б. Мовы і культура Беларусі. Нарысы. Мінск: Права і эканоміка, 2008. [Mjachkoŭskaja N. B. *Movy i kul'tura Belarusi*. *Narysy* [Languages and culture of Belarus. Essays]. Minsk: Prava i ekanomika, 2008.]
- Пауль 1960 — Пауль Г. Принципы истории языка. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960. [Paul H. *Printsipy istorii yazyka* [Principles of the history of language]. Moscow: Izd-vo Inostrannoi Literatury, 1960.]
- Рамза 2011 — Рамза Т. Р. Беларускае гутарковае маўленне: сучасны стан. Мінск: Вышэйшая школа, 2011. [Ramza T. R. *Belaruskae gutarkovae mawlenne: suchasny stan* [Belarusian spoken language: Current state]. Minsk: Vyshhejšhaja shkola, 2011.]
- Супрун 1987 — Супрун А. Е. Содержание обучения русскому языку в белорусской школе. Минск: Вышэйшая школа, 1987. [Suprun A. E. *Soderzhanie obuchenija russkomu yazyku v belorusskoi shkole* [The content of teaching Russian in Belarusian schools]. Minsk: Vyshhejšhaja shkola, 1987.]
- Тараненко 2013 — Тараненко О. Вариантність vs. стабільність у структурі українсько-російського «суржику» (УРС): сукупність ідіолектів vs. соціолект // Hentschel G. (Hrsg.). *Variation and Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien* (= *Studia Slavica Oldenburgensia*, 21). Oldenburg: BIS-Verlag, 2013. С. 27—63. [Taranenko O. Variability vs. stability in the structure of the Ukrainian-Russian surzhik (URS): Combination of idiolects vs. sociolect. *Variation and Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien* (= *Studia Slavica Oldenburgensia*, 21). Hentschel G. (Hrsg.). Oldenburg: BIS-Verlag, 2013. Pp. 27—63.]
- Хентшель 2013 — Хентшель Г. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // *Вопросы языкознания*. 2013. № 1. С. 53—76. [Hentschel G. Belarusian, Russian, and Belarusian-Russian mixed speech. *Voprosy jazykoznanija*. 2013. No. 1. Pp. 53—76.]
- Хентшель 2015 — Хентшель Г. Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): восемь вопросов и ответов // *Языковой контакт*. Сб. научных статей. Минск: РИВШ, 2015. С. 172—186. [Hentschel G. Belarusian-Russian mixed speech («trasyanka»): Eight questions and answers. *Jazykovoï kontakt. Sb. nauchnykh statej*. Minsk: RIVSh, 2015. Pp. 172—186.]
- Хентшель, Киттель 2011 — Хентшель Г., Киттель Б. Языковая ситуация в Беларуси: Мнения белорусов о распространенности языков в стране // *Социология*. 2011. № 4. С. 62—78. [Hentschel G., Kittel B. The linguistic situation in Belarus: Opinions of the Belarusians about the incidence of languages in the country. *Sotsiologiya*. 2011. No. 4. Pp. 62—78.]
- Хентшель и др. 2016 — Хентшель Г., Целлер Я. П., Теш С. *Ольденбургский корпус белорусско-русской смешанной речи: ОК-БРСР. Документация*. Ольденбург: BIS, 2016. [Hentschel G., Zeller J. P., Tesch S. *Ol'denburgskii korpus belorussko-russkoi smeshannoi rechi: OK-BRSR. Dokumentatsiya* [Oldenburg corpus of the Belarusian-Russian mixed speech. OC-BRMS. Documentation]. Oldenburg: BIS, 2016. Available at: <http://oops.uni-oldenburg.de/2629/>]

- Цыхун 1998 — Цыхун Г. А. «Трасянка» як аб'ект лінгвістычнага даследавання // Сямешка Л. І., Прыгодзіч М. Р. (рэд.). Беларуская мова ў другой палове ХХ стагоддзя. Мінск, 1998. С. 83—89. [Tsykhun G. A. «Trasyanka» as an object of linguistic research. *Belaruskaja mova w drugoj palove XX stagoddzja*. Sjameshka L. I., Prygodzich M. R. (eds.). Minsk, 1998. Pp. 83—89.]
- Цыхун 2000 — Цыхун Г. А. Крэалізаваны прадукт. Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // Arche (пачатак). 2000. № 6. С. 51—58. [Tsykhun G. A. Creolized product. «Trasyanka» as an object of linguistic research. *Arche (pachatak)*. 2000. No. 6. Pp. 51—58. Available at: <http://arche.home.by/>.]
- Яхнов 1987 — Яхнов Г. [Рец. на:] Земская Е. А., Шмелев Д. Н. (ред.). Городское просторечие — проблемы изучения. Москва, 1987 // *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. С. 87—95. [Jachnow H. [Review of:] Zemskaya E. A., Shmelev D. N. (eds.). *Gorodskoe prostorechie — problemy izucheniya* [Urban vernacular — problems of research]. Moscow, 1987. *Russian Linguistics*. 1987. Vol. 11. Pp. 87—95.]
- Auer 1999 — Auer P. From codeswitching via language mixing to fused lects: Towards a dynamic typology of bilingual speech. *International Journal of Bilingualism*. 1999. № 3(4). Pp. 309—332.
- Bayley 2002 — Bayley R. The quantitative paradigm. *The handbook of variation and change*. Chambers J. K., Trudgill P., Schilling-Estes N. (eds.). Malden (MA): Blackwell, 2002. Pp. 117—141.
- Brandes 2014 — Brandes O. *Die weißrussisch-russische gemischte Rede als Subvarietät im Vergleich zu russischen nicht-hochsprachlichen Varietäten und Weißrussisch: Phänomene der Flexionsmorphologie*. (Dissertation Universität Oldenburg). Available at: <http://oops.uni-oldenburg.de/2419/>.
- Brüggemann 2014 — Brüggemann M. Die weißrussische und die russische Sprache in ihrem Verhältnis zur weißrussischen Gesellschaft und Nation: *Ideologisch-programmatische Standpunkte politischer Akteure und Intellektueller 1994 — 2010*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2014. (= *Studia Slavica Oldenburgensia* 23).
- Chambers 2002 — Chambers J. K. Patterns of variation including change. *The handbook of language variation and change*. Chambers J. K., Trudgill P., Schilling-Estes N. (eds.). Malden (MA): Blackwell, 2002. Pp. 349—372.
- Cychun 2013 — Cychun H. *Studien zur «Trasjanka»*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2013. (= *Studia Slavica Oldenburgensia* 22).
- Cychun 2014 — Cychun H. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 163—172.
- Del Gaudio 2010 — Del Gaudio S. *On the nature of Suržyk: A double perspective*. München: Otto Sagner, 2010. (= *Wiener Slavistischer Almanach — Sonderband* 75).
- Field 2002 — Field F. W. *Linguistic borrowing in bilingual contexts*. Amsterdam: John Benjamins, 2002.
- Field 2009 — Field A. *Discovering statistics using SPSS*. 3rd ed. Los Angeles (CA): SAGE, 2009. Pp. 170—179.
- Flier 2008 — Flier M. Suržyk or suržyks. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization*. Hentschel G., Zaprudski S. (eds.). Oldenburg: BIS-Verlag, 2008. Pp. 39—56. (= *Studia Slavica Oldenburgensia* 17).
- Hentschel 2008a — Hentschel G. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen «Trasjanka». *Slavistische Linguistik 2006/2007*. Kosta P., Weiss D. (Hrsg.). München: Otto Sagner, 2008. S. 169—219. (= *Slavistische Beiträge* 464).
- Hentschel 2008b — Hentschel G. On the development of inflectional paradigms in Belarusian Trasjanka: The case of demonstrative pronouns. *Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk: Structural and social aspects of their description and categorization*. Hentschel G., Zaprudski S. (Hrsg.). Oldenburg: BIS-Verlag, 2008. S. 99—133. (= *Studia Slavica Oldenburgensia* 17).
- Hentschel 2013 — Hentschel G. Zwischen Variabilität und Regularität, «Chaos» und «Usus»: Zu Lautung und Lexik in der weißrussisch-russischen gemischten Rede. *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien*. Hentschel G. (Hrsg.). Oldenburg: BIS-Verlag, 2013. S. 63—99. (= *Studia Slavica Oldenburgensia* 21).
- Hentschel 2014a — Hentschel G. Belarusian and Russian in the mixed speech of Belarus. *Congruence in contact-induced language change: Language families, typological resemblance, and perceived similarity*. Besters-Dilger Ju., Dermarkar C., Pfänder S., Rabus A. (eds.). Berlin: de Gruyter, 2014. Pp. 93—121.
- Hentschel 2014b — Hentschel G. «Trasjanka» und «Suržyk» — zum Mischen von Sprachen in Weißrussland und der Ukraine. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 1—26.

- Hentschel 2014c — Hentschel G. On the systemicity of Belarusian–Russian mixed speech: The redistribution of Belarusian and Russian variants of functional words. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 195—220.
- Hentschel, Tesch 2006 — Hentschel G., Tesch S. «Trasjanka»: Eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland. *Marginal linguistic identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties.* Stern D., Voss Chr. (Hrg.). Wiesbaden: Harrassowitz, 2006. Pp. 213—243. (= Eurolinguistische Arbeiten 3).
- Hentschel, Zeller 2013 — Hentschel G., Zeller J. P. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien. *Wiener Slawistischer Almanach.* 2012. Vol. 70. S. 127—155.
- Hentschel, Zeller 2014 — Hentschel G., Zeller J. P. Belarusians' pronunciation: Belarusian or Russian? Evidence from Belarusian–Russian mixed speech. *Russian Linguistics.* 2014. Vol. 38. No. 2. Pp. 229—255.
- Hentschel et al. 2014a — Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014.
- Hentschel et al. 2014b — Hentschel G., Zeller J. P., Tesch S. *Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR.* Oldenburg, 2014. Available at: <http://www.uni-oldenburg.de/ok-wrgr/> (документация на русском языке: <https://uni-oldenburg.academia.edu/GerdHentschel>).
- Hentschel et al. 2015 — Hentschel G., Zeller J. P., Geiger H., Brüggemann M. The linguistic and political orientation of young Belarusian adults between East and West or Russian and Belarusian. *International Journal of the Sociology of Language.* 2015. Vol. 236. S. 133—154.
- Klimaū 2014 — Klimaū I. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der parole und der langue. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 173—192.
- Liskovets 2009 — Liskovets I. Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk. *International Journal of Bilingualism.* 2009. Vol. 13. Pp. 396—412.
- Lüdtkke, Mattheier 2005 — Lüdtkke J., Mattheier K. J. Variation — Varietäten — Standardsprachen. Wege für die Forschung. *Varietäten — Theorie und Empirie.* Lenz A. N., Mattheier K. J. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang Verlag, 2005. S. 13—38.
- Masenko 2014 — Masenko L. Suržyk im System umgangssprachlicher Formen des Ukrainischen. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 317—342.
- Mečkovskaja 2014 — Mečkovskaja N. B. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasiethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 53—91.
- Meyerhoff 2002 — Meyerhoff M. Communities of practice. *The handbook of language variation and change.* Chambers J. K., Trudgill P., Schilling-Estes N. (eds.). Malden (MA): Blackwell, 2002. Pp. 526—548.
- Paul 1880/1920 — Paul H.: *Prinzipien der Sprachgeschichte.* 5th ed. Tübingen: Niemeyer, 1920.
- Preston 1999 — Preston D. R. *Handbook of perceptual dialectology.* Vol 1. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Ramza 2008 — Ramza T. Die Evolution der Trasjanka in literarischen Texten. *Zeitschrift für Slawistik.* 2008. Vol. 3. S. 305—325.
- Romaine 1994 — Romaine S. *Language in society. An introduction to sociolinguistics.* New York: Oxford Univ. Press, 1994.
- Šumarova 2014 — Šumarova N. Der Suržyk im System nah verwandter Zweisprachigkeit: soziolinguistischer und linguistischer Aspekt. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 307—326.
- Taranenko 2014 — Taranenko O. *Ukrainisch-russischer Suržyk: Status, Bewertungen, Tendenzen, Prognosen.* *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 265—288.

- Tesch 2014 — Tesch S. *Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede: Kodemischen und Morphosyntax*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2014. (= Studia Slavica Oldenburgensia 25).
- Weinreich et al. 1968 — Weinreich U., Labov W., Herzog M. Empirical foundations for a theory of language change. *Directions for historical linguistics: A symposium*. Lehman W. P., Malkiel Y. (eds.). Austin (TX): Univ. of Texas Proceedings, 1968. Pp. 95—188.
- Woolhiser 2013 — Woolhiser C. New speakers of Belarusian: Metalinguistic discourse, social identity, and language use. *American contributions to the 15th International congress of Slavists, Minsk, August 2013*. Bethea D. M., Bethin C. Y. (eds.). Bloomington (IN): Slavica, 2013. Pp. 63—115.
- Woolhiser 2014 — Woolhiser C. Social and structural factors in the emergence of mixed Belarusian-Russian varieties in rural Western Belarus. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, 2014. S. 143—152.
- Zaprudski 2007 — Zaprudski S. In the grip of replacive bilingualism: The Belarusian language in contact with Russian. *International Journal of the Sociology of Language*. 2007. Vol. 183. Pp. 97—118.
- Zaprudski 2014 — Zaprudski S. Zur öffentlichen Diskussion der weißrussischen Sprachkultur, zum Aufkommen des Terminus «Trasjanka» und zur modernen Trasjankaforschung. *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* Hentschel G., Taranenko O., Zaprudski S. (Hrsg.). Frankfurt am Main: Peter Lang, S. 119—142.
- Zeller 2013a — Zeller J. P. Lautliche Variation in weißrussisch-russisch gemischter Rede. *Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress, Minsk, 2013*. Kempgen S., Wingender M., Franz N., Jakiša M. (Hrsg.). München: [u. a.], 2013. S. 335—346. (= Die Welt der Slaven. Sammelbände — Sborniki; 50).
- Zeller 2013b — Zeller J. P. Variation of sibilants in Belarusian-Russian mixed speech. *Language variation — European Perspectives IV. Selected papers from the 6th International Conference on language variation in Europe (ICLaVE 6), Freiburg, June 2011*. Auer P., Reina J. C., Kaufmann G. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2013. Pp. 267—280.
- Zeller 2013c — Zeller J. P. Vowel variation in Belarusian vernacular. Comments on Ramza 2011 and an instrumental-phonetic study on Belarusian Jakanne. *Russian Linguistics*. 2013. Vol. 37. Pp. 193—207.
- Zeller 2015 — Zeller J. P. *Phonische Variation in der weißrussischen «Trasjanka». Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt*. Oldenburg: BIS-Verlag, 2015. (= Studia Slavica Oldenburgensia 27).

Статья поступила в редакцию 18.02.2016.

ОБЗОРЫ / OVERVIEWS

ДИФФЕРЕНЦИРОВАННОЕ МАРКИРОВАНИЕ АРГУМЕНТОВ:
СЕМАНТИКА, МОРФОЛОГИЯ, СИНТАКСИС*

© 2016

Екатерина Анатольевна Лютикова^{а, б},
Роман Витальевич Ронько^{б, в},
Антон Владимирович Циммерлинг^{б, в, @}

^а МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; ^б Московский педагогический государственный университет, Москва, 119991, Российская Федерация; ^в Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; [@] fagraey64@hotmail.com

Статья посвящена обзору современной проблематики и тенденций в исследованиях дифференцированного маркирования аргументов. Эта тема вызывает повышенный интерес в описательной и теоретической лингвистике, в первую очередь в связи с общеметодологической проблемой моделирования внутриязыкового варьирования. Наряду с традиционными направлениями изучения дифференцированного маркирования аргументов в конкретных языках и конкретных структурных позициях, современные исследования затрагивают такие проблемы, как универсальность механизмов дифференцированного маркирования аргументов, вопросы его возникновения и развития, возможности использования статистического анализа и многофакторных моделей в типологических и конкретно-языковых исследованиях проблемной области.

Ключевые слова: аргументная структура, дифференцированное маркирование аргументов, лингвистическая типология, морфосинтаксическое кодирование аргументов, приписывание падежа, согласование

DIFFERENTIAL ARGUMENT MARKING:
SEMANTICS, MORPHOLOGY, SYNTAXEkaterina A. Lyutikova^{а, б}, Roman V. Ronko^{б, в}, Anton V. Zimmerling^{б, в, @}

^а Lomonosov Moscow State University, Moscow, 119991, Russian Federation; ^б Moscow State University of Education, Moscow, 119991, Russian Federation; ^в Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; [@] fagraey64@hotmail.com

The paper presents an overview of the current issues and tendencies in studies of differential argument marking (DAM). This research area is of topical interest in modern descriptive and theoretical linguistics, primarily in the context of the general methodological problem of modeling linguistic variation. Therefore, along with traditional issues such as studies of DAM in specific languages and structural positions, modern research addresses the issues of the universality of mechanisms of DAM, its diachronic emergence and development, statistical analysis and multivariate models in typological and language-specific investigations of DAM.

Keywords: agreement, argument structure, case assignment, differential argument marking, linguistic typology, morphosyntactic alignment

* Обзор написан при поддержке проекта № РНФ 14-18-03270 «Типология порядка слов, коммуникативно-синтаксический интерфейс и информационная структура в языках мира».

Дифференцированное маркирование аргументов обсуждалось на рабочем совещании, которое прошло 22—23 апреля 2016 г. в Институте языкознания РАН в рамках работы проблемной группы по теории грамматики. Программа конференции включала 21 доклад, где были представлены типологические исследования и формальные модели данного явления, а также предложен анализ данных конкретных языков. Во вступительном слове, открывшем конференцию, В. А. Плуныян (Москва) подчеркнул популярность данной проблематики в современных типологических и конкретно-языковых исследованиях и отметил как широкий охват теоретических проблем, затрагиваемых участниками, так и представительную и разнообразную эмпирическую базу, включающую славянские, балтийские, анатолийские языки, древнеармянский язык, а также алтайские, уральские, северо-кавказские, семитские, тибето-бирманские, нигеро-конголезские языки.

Как кажется, можно утверждать, что широкий диапазон эмпирических обобщений и теоретических вопросов, поставленных участниками научного форума, отражает практически весь спектр современных исследований в области дифференцированного маркирования аргументов. Эта проблематика была в научной повестке дня функционально-типологической и эмпирической лингвистики как минимум последние 30 лет, однако следует подчеркнуть, что сегодня отмечается существенный рост интереса к данной области со стороны теоретической лингвистики, в первую очередь в связи с общеметодологической проблемой моделирования внутриязыкового варьирования [Seržant, Witzlack-Makarevich (forthcoming) a].

В данной статье вниманию читателя предлагается обзор современных направлений в исследованиях дифференцированного маркирования аргументов на основе представленных на конференции докладов.

1. Дифференцированное маркирование аргументов: обоснование проблемной области

Дифференцированное маркирование аргументов (differential argument marking, DAM) — термин, призванный обозначать широкий круг явлений, связанных с выбором морфосинтаксического оформления аргумента в зависимости от наличия или значения специального семантического или грамматического фактора — лицензора дифференцированного маркирования, не сводимого к залоговым или актантно-деривационным преобразованиям. Наибольшее число публикаций в типологической литературе посвящено варьированию в оформлении прямого дополнения; для обозначения этого явления используется термин, предложенный Г. Боссонгом — differential object marking (DOM). Дифференцированное маркирование объекта засвидетельствовано в большом количестве разноструктурных языков. Так, Боссонг [Bossong 1985: viii] насчитывает более 300 языков, в которых DOM представлен в том или ином виде; многие работы, посвященные данной проблематике, цитируют утверждение Г. Егера [Jäger 2007: 102]: почти во всех аккузативных языках есть DOM. Типологические исследования DOM (см., например, библиографию в учитывающей двадцать лет исследований DOM работе [de Swart 2007]) выявили целый ряд факторов, лицензирующих вариативное маркирование, включающий как характеристики самого аргумента (его одушевленность, определенность, референтность, топикальность), так и характеристики предиката/клаузы: значения видовременных и акциональных категорий, полярность, наклонение.

Не меньший интерес представляет дифференцированное маркирование аргументов в других структурных позициях. К ним относятся в первую очередь позиции подлежащего и посессора. Дифференцированное маркирование подлежащего (differential subject marking, DSM) в независимом предложении засвидетельствовано в первую очередь в переходной конструкции эргативных языков. Следует отметить, что, хотя конструкции с вариативным падежным оформлением субъекта/агенса эргативных языков известны достаточно давно, ср. [Silverstein 1976; Dixon 1979; DeLancey 1981], изучение DSM как единого феномена имеет сравнительно недолгую историю [de Hoop, de Swart 2008]. Основные явления,

подпадающие под понятие DSM в эргативных языках, включают так называемую расщепленную эргативность (*split ergativity*) и активную (ролевую) стратегию падежного маркирования (*active/semantic alignment, split intransitivity*). Лицензирующими факторами здесь выступают как формальные характеристики именных групп в позиции подлежащего (локутор/не-локутор, местоимение/существительное), так и семантические (волитивность, контроль) и грамматические (ТАМ-категории) характеристики предиката.

Дифференцированное маркирование посессора (*differential possessor marking, DPM*) как единый феномен в литературе обычно не выделяется. Можно указать три основных типа DPM, отличающиеся друг от друга и по формальным параметрам, и по лицензирующим факторам: (i) падежное варьирование как частный случай отличий в кодирующей технике для разных типов семантических отношений между именной вершиной и ее именным зависимым, в первую очередь отчуждаемой vs. неотчуждаемой принадлежности [Haiman 1983]; (ii) вариативное морфосинтаксическое оформление внешнего и внутреннего посессора [Shibatani 1994; Payne, Varshi 1999]; (iii) дифференцированное маркирование посессоров, имеющих различные формальные (например, местоимение/существительное) или семантические (например, референциальный статус) характеристики. Легко видеть, что последний тип DPM весьма напоминает по своим характеристикам дифференцированное маркирование клаузалльных аргументов — DOM и DSM. Более того, засвидетельствовано использование конструкций дифференцированного маркирования посессора для выражения дифференцированного маркирования субъекта номинализованных клауз [Kornfilt 2008; Lyutikova, Ibatullina 2015].

Объединение перечисленных феноменов имеет под собой серьезные основания. С одной стороны, можно выявить общую схему дифференцированного маркирования аргументов [Lyutikova 2016]. Контексты DAM соответствуют базовым грамматическим функциям именных групп — субъект, объект, посессор, для которых характерно единообразное морфосинтаксическое кодирование как с точки зрения падежного оформления (*flagging*), так и с точки зрения индексации (*indexing*) в управляющей вершине — субъектного, объектного и посессивного согласования. Факторы-лицензоры DAM вызывают отклонения от канонического кодирования: аргумент либо получает особый падеж, либо «теряет» падежный показатель, либо перестает контролировать предикативное или посессивное согласование. Существование подобной общей схемы предположительно говорит о наличии единых механизмов, стоящих за дифференцированным маркированием аргументов. Кроме того, нельзя забывать, что разные типы DAM регулярно взаимодействуют, так что некоторый фактор лицензирует одновременно дифференцированное маркирование в разных структурных позициях: например, в грузинском языке значения ТАМ-категорий вызывают и DSM, и DOM [Coop 2013].

С другой стороны, воздействие факторов, лицензирующих модифицированное управление, позволяет выделять подмножества аргументов, не совпадающие с основными грамматическими отношениями. Так, например, в русском языке оформляться генитивом в контексте сентенциального отрицания могут не только прямые дополнения (*Он читает газеты — Он не читает газет*), но и подлежащие (*Ответ пришел — Ответа не пришло*) — так называемые объектный и субъектный генитив отрицания; из недавних работ см., например, [Падучева 1997; 2006; Рахилина 2008; Borschev et al. 2008]. При этом, однако, дифференцированное падежное маркирование (номинатив vs. генитив) демонстрируют только такие подлежащие, которые соответствуют внутреннему аргументу глагола — например, подлежащие одноместных пациентивных глаголов и подлежащие при пассиве [Pesetsky 1982; Борик 1995; Brown 1999]. Следовательно, правильное обобщение состоит в том, что в русском языке дифференцированное маркирование в контексте сентенциального отрицания демонстрируют не прямое дополнение и подлежащее, а внутренний аргумент¹.

¹ Сам по себе статус внутреннего аргумента при стандартном для генеративной грамматики анализе не указывает, остается ли ИГ в синтаксической позиции дополнения внутри глагольной группы или же

Аналогичным образом, только внутренние аргументы в якутском языке могут оставаться беспадежными, что проявляется в дифференцированном маркировании прямого дополнения (ACC vs. Ø) и дифференцированном маркировании субъекта непереходной нефинитной клаузы (GEN vs. Ø) [Baker, Vinokurova 2010]. В татарском языке единый фактор — синтаксическая категория аргумента — предопределяет дифференцированное маркирование прямого дополнения (ACC vs. Ø) и посессора (GEN vs. Ø) [Лютикова, Перельсвайг 2015; Lyutikova, Pereltsvaig 2015]. Очевидно, что такого рода обобщения возможны только при едином подходе к дифференцированному маркированию аргументов, и прошедшая конференция еще раз подтвердила плодотворность этого подхода.

2. Дифференцированное маркирование аргументов в теоретической перспективе

С точки зрения теоретического моделирования феноменов DAM важнейшим вопросом представляется устройство грамматических механизмов, связывающих факторы-лицензоры DAM и формальные характеристики аргумента и конструкции в целом. По-видимому, нулевой гипотезой любой теории должно быть предположение, что морфосинтаксическое кодирование аргумента (падежное маркирование, индексирование в управляющей вершине, линейная и структурная позиция в синтагме) определяется единой совокупностью правил, независимых от того, демонстрирует ли данный аргумент дифференцированное маркирование. В таком случае лицензирующий фактор должен рассматриваться как один из параметров, поступающих на вход грамматических механизмов данного языка, и моделироваться именно в этой перспективе: как формальный признак аргумента (например, [+определенный], [+локутор], [+топик]), как формальный признак управляющей или вышестоящей вершины (например, [+имперфектив], [+отрицание]), а возможно, и как перестройка всей синтагмы (например, моноклаузальный анализ эргативной конструкции и биклаузальный анализ биабсолютивной конструкции [Kazenin 1998; Кибрик 1999; 2001; Coon 2013]).

Дополнительная теоретическая перспектива, связывающая дифференцированное маркирование аргументов с проблемой универсалий, состоит в том, что многие исследователи видят в эффектах DOM и DSM подтверждение существования универсальных референциально-дейктических иерархий, ср. [Silverstein 1976; Aissen 2003]. Иная точка зрения представлена в коллективной монографии [Bornkessel-Schlesewky et al. 2015], авторы которой понимают референциально-дейктические иерархии как эмпирические обобщения над конкретным языковым материалом, ср. обсуждение в [Циммерлинг 2016].

В рамках конференции было представлено три доклада, посвященных возможному теоретическому анализу дифференцированного маркирования аргументов. Е. А. Лютикова (Москва) помещает проблематику дифференцированного маркирования аргументов в контекст современных падежных теорий. Аргументируя единый подход к падежному варьированию, она выделяет параметры, позволяющие охарактеризовать этот феномен для произвольного языка и произвольного класса аргументов: локальность и тип лицензора; наличие семантической мотивации; позиционные различия; корреляции с согласованием. Рассматривая две наиболее глубоко разработанные формальные теории падежа — минималистскую теорию приписывания падежа при согласовании [Chomsky 2000] и конфигурационную теорию

продвигается в позицию подлежащего. В русской лингвистике, в том числе в модели «Смысл ↔ Текст», род. п. субъекта в конструкции *Ивана не было на берегу* рассматривается как грамматическое подлежащее [Mel'cuk 2014: 183]. Если ввести в описание грамматических систем так называемый параметр антисубъекта, т. е. морфологической маркировки синтаксической позиции как неподлежащей, ИГ в род. п. в предложениях типа *Ивана не было на берегу, Ответа не пришло vs. Иван не был на берегу, Ответ не пришел* будет однозначно квалифицирована как дополнение. О параметре антисубъекта см. ниже.

падежа [Marantz 1991; Baker 2015], Лютикова приходит к выводу, что каждая из них естественным образом представляет одни типы варьирования и нуждается в серьезных усложнениях для анализа других типов. Минималистская теория приписывания падежа является более гибкой в описании падежного варьирования, лицензируемого грамматическими и семантическими характеристиками предиката, и более ограничительной в отношении связи между падежом и согласованием. Преимущество конфигурационной теории в том, что она способна анализировать нелокальные зависимости между падежным маркированием аргументов.

Факторы, лицензирующие дифференцированное маркирование аргументов, принадлежат к универсальному набору категорий и признаков и характеризуют систему конкретного языка вне зависимости от того, связаны ли они в данном языке с особенностями морфосинтаксического оформления аргументов. Проанализировав границы феномена DAM в докладе «Дифференцированное маркирование актантов: синтаксис и иногда морфология?», А. В. Сидельцев (Москва) задается вопросом, не является ли DAM конкретно-языковой морфологической реализацией универсальных синтаксических различий между аргументами. Сопоставляя аккумулятивные и немаркированные прямые дополнения в турецком языке, мы обнаруживаем целый набор синтаксических свойств, отличающих их друг от друга: линейная позиция, способность выступать антецедентом анафорических выражений, способность контролировать пустые категории и т. д. Семантический контраст между аккумулятивными и немаркированными дополнениями, связанный со специфичностью, воспроизводится и в позиции подлежащего; более того, специфичные и неспецифичные подлежащие проявляют те же синтаксические свойства, что и специфичные и неспецифичные дополнения. Однако этот контраст не сопровождается отличиями в падежном маркировании, поскольку номинатив в турецком языке не имеет морфологического экспонента. Привлекая данные финского и хеттского языков, Сидельцев показывает, что синтаксические отличия между разными классами аргументов, аналогичные тем, что мы наблюдаем для языков с DAM, могут быть обнаружены и в языках, где морфосинтаксическое кодирование таких аргументов не различается. Следовательно, DAM — это лишь частный случай регулярных структурных отличий между аргументами, отражающих их интерпретационные возможности.

Необходимо отметить, что сам термин «дифференцированное маркирование X-а» уже предполагает определенное теоретическое решение: независимо от морфосинтаксического оформления, вызванного воздействием лицензора, X может быть единообразно охарактеризован как объект/субъект/посессор. Вопрос о том, в какой степени это решение адекватно, рассмотрел в докладе «Дифференцированное маркирование субъекта?» А. В. Циммерлинг (Москва). Исследователь останавливается на трудностях, возникающих в связи с расширением понятия дифференцированного маркирования аргумента за счет субъектных аргументов. Выделение субъекта, т. е. приоритетного аргумента, которому приписывается предикативный признак, связано с заранее принимаемыми конвенциями анализа на любом уровне рассмотрения — на уровне логико-семантической структуры события, на уровне семантических актантов и на формально-грамматическом уровне. Трудности с определением грамматического субъекта возникают не только в семантически эргативных языках и так называемых языках с выдвинутым топика, но и в некоторых языках номинативно-аккумулятивного строя, включая современный русский. В ряде славянских, германских и циркумбалтийских языков выделяются приоритетные актанты (неканонические подлежащие) в косвенном падеже, причем параметр, разрешающий неканонические подлежащие в косв. п., коррелирует с параметрами, разрешающим либо запрещающим употребление им. п./прямого падежа в позиции дополнения. Если второй актант глагола, принимающего неканоническое подлежащее, маркируется косвенным падежом и не может получать стандартный для подлежащего в данном языке падеж, можно говорить об актанте со статусом «антисубъекта». Статус антисубъекта означает, что соответствующая ИГ остается в позиции дополнения и не достигает позиции подлежащего. Наиболее

грамматикализован параметр антисубъекта в фарёрском языке, где как антисубъект регулярно маркируется актант-стимул эксперенциального глагола [Циммерлинг 2002: 772]. Другими кандидатами на статус антисубъекта могут быть аргументы в конструкции презентации в немецком и испанском языках, ср. нем. *Es gibt einen_{ACC} Unterschied_{ACC} zwischen X und Y* и исп. *Ø Hay diferencia entre X y Y* 'Между X и Y существует разница', где второй актант получает вин. п. при эксплетивном или нулевом подлежащем. В дискуссии обсуждалась возможность описания как антисубъекта род. п. отрицания в русском языке в конструкциях типа *Ответа_{GEN} не пришло*; *белья_{GEN} наполощено* и т. п. : в таком случае варьирование *Ответ_{NOM.SG.M} не пришел_{SG.M} ~ Ответа_{GEN} не пришло_{3SG.N}* отражает не дифференцированное маркирование подлежащего, как это интерпретируется, например, в модели «Смысл ⇔ Текст», где для русского языка допускается существование подлежащих в род. п. [Mel'čuk 2014: 183], а выбор между подлежащей и неподлежащей конструкциями². Параметр номинативного объекта, разрешающий дополнения в им. п., действует в латышском, литовском, древнерусском языках и диалектах русского Севера [Ронько, Циммерлинг 2015; Ронько 2016]. Статус номинативного объекта предполагает, что ИГ, получающая им. п., остается в позиции дополнения даже в том случае, если в предложении нет другой ИГ в им. п. Литературный русский язык запрещает предложения типа диал. *(тебе) надо баня_{NOM} рубить*, но имеются несогласуемые на морфологическом уровне предикаты типа *X-y по силам*, которые обладают нетривиальными свойствами. В конструкции с сентенциальным актантом *X-y было по силам [выиграть турнир]* они выбирают неканоническое подлежащее в дат. п., но в конструкции *X-y Y-и по силам* они сочетаются с ИГ в им. п., которая контролирует согласовательную форму связи: *X-y [эти задачи]_{PL} были_{PL} по силам*. Докладчик предложил считать, что параметр, запрещающий номинативные объекты в русском языке, соблюдается и здесь, а элементы типа *по силам* на синтаксическом уровне представляют собой пары омонимов несогласуемый предикат vs. аналитическое согласуемое прилагательное, получающее признак [+синтаксический им. п.]. Выступившие в дискуссии Я. Г. Тестелец, М. Ухлик, П. М. Аркадьев, А. Б. Шлуинский обсуждали плюсы и минусы данного решения.

Проблемы взаимосвязи различных параметров морфосинтаксического кодирования аргументов — в первую очередь падежного оформления и линейной позиции — и формального моделирования этой взаимосвязи освещались в докладе А. А. Герасимовой (Москва) на материале падежного варьирования в русских событийных номинализациях. В русских номинализациях единственный аргумент одностольной и внутренних аргумент переходной основы получают падеж посессора (генитив), а внешний аргумент переходной основы — особый падеж (инструменталис). Внимание докладчика было сосредоточено на номинализациях двухместных основ с лексически управляемым падежом внутреннего аргумента. Падежное (или предложно-падежное) оформление внутреннего аргумента в таких номинализациях сохраняется, а внешний аргумент может оформляться как генитивом, так и инструменталисом, т. е. демонстрирует вариативное падежное маркирование. При этом внутренний и внешний аргумент могут следовать за именем действия в различном порядке. В экспериментальном исследовании была установлена зависимость между позицией внешнего аргумента и его падежным оформлением. Герасимова выдвинула гипотезу о том, что и падежное оформление внешнего аргумента, и его линейная позиция предопределяются выбором стратегии приписывания падежа. Инструменталис является ингерентным падежом внешнего аргумента, возникающим независимо от падежа внутреннего аргумента. Генитив может рассматриваться как немаркированный падеж в именной группе, возникающий в отсутствие падежной конкуренции внешнего аргумента с внутренним. В рамках доклада был представлен анализ корреляций, включающий сопоставление рассмотренной закономерности с данными о порядке аргументов при других поддерживающих аргументную структуру отглагольных дериватах, в частности, пассивных причастиях.

² Или, в иных терминах — между конструкциями с каноническим и нулевым подлежащим.

3. Универсальное и специфичное в дифференцированном маркировании аргументов

Важнейшим направлением в современных исследованиях дифференцированного маркирования аргументов является поиск универсальных закономерностей в воздействии лицензирующих факторов на морфосинтаксические характеристики аргумента. В конкретно-языковых и типологических исследованиях DAM используются две основных эвристики. Первая эвристика связана с именами М. Силверстейна, С. ДеЛэнси, Б. Комри [Silverstein 1976; DeLancey 1981; Comrie 1975] и предполагает, что дифференцированное маркирование аргументов есть грамматикализация средств, используемых для привлечения внимания слушающего к неканоническому заполнению аргументных позиций переходной конструкции. Поскольку прототипом семантически переходной ситуации обычно считается конфигурация, в которой А-аргумент имеет высокую одушевленность и определенность, а Р-аргумент — низкую одушевленность и определенность, специальное маркирование должны получать одушевленный и определенный пациенс и, наоборот, неодушевленный и неопределенный агенс. Учитывая влияние тенденции к экономии морфосинтаксических средств, можно ожидать асимметричного DOM со специальным маркированием приоритетного аргумента по типу испанского [Aissen 2003] и асимметричного DSM со специальным маркированием неприоритетного аргумента, как в языках с расщепленной эргативностью [Silverstein 1976]. Вторая эвристика предполагает, что приоритетные признаки аргумента, проявляющиеся в его высокой позиции на различных семантических шкалах (одушевленности, определенности, коммуникативной значимости) оказывают единое влияние на маркирование этого аргумента в любой синтаксической позиции [Malchukov 2008]. Легко видеть, что предсказания двух эвристик совпадают в отношении DOM (хотя и предполагают различные механизмы кодирования) и диаметрально расходятся в отношении DSM.

Типологические данные показывают, что обе стратегии DSM встречаются в языках мира, причем DSM со специальным маркированием неприоритетного внешнего аргумента обычно устроен по модели формального именного сплита, а DSM с маркированием приоритетного внешнего аргумента демонстрирует весь спектр лицензирующих факторов и их взаимодействия, известный для DOM. В этой связи встает вопрос о типе DAM в конкретном языке и о возможностях его теоретического осмысления, поскольку указанные эвристики предполагают различные механизмы воздействия лицензирующих факторов на морфосинтаксическое кодирование аргументов: позиционно-специфичные в первом случае и позиционно-универсальные во втором.

В рамках конференции данная проблематика получила освещение на материале языков различной генетической и ареальной аффилиации. В докладе М. Б. Коношенко (Москва) на материале языков гвинейский кпелле (группа юго-западные манде), а также коно (юго-западные манде) и дан-гуэта (южные манде) обсуждалось «интегрированное» дифференцированное маркирование аргументов. Под этим термином Коношенко понимает случаи обязательного дублирования личными показателями определенных синтаксических типов именных групп, причем для подлежащего обязательным оказывается использование местоименно-предикативных показателей, а для дополнения — неноминативных префиксов. Хотя кодирующие техники для разных типов DAM различны, классы именных групп, вызывающих специальное маркирование, одинаковы во всех структурных позициях. К ним относятся сочиненные именные группы, именные группы с артиклем (детерминативом), а также сочетания местоимения и квантора (*все мы*). Конкретная структурная характеристика, которая объединяла бы такие именные группы в естественный класс, не вполне очевидна. Но ясно, что она оказывается лицензором дифференцированного маркирования аргумента в любой структурной позиции.

Сходное устройство DAM обнаруживается в абазинском языке, которому был посвящен доклад Я. Г. Тестельца (Москва). В абазинском языке отсутствует зависимое

маркирование (падежами или послелогоми) основных грамматических отношений, однако наблюдается противопоставление двух именных конструкций: одна, грамматически полная, охарактеризована по определенности и числу; другая, неполная, не специфицирована в отношении значений этих категорий ни формально, ни семантически. Неполная конструкция, наряду с полной, способна выступать в большом числе контекстов — субъекта, объекта, possessора, адьюнкта. Различие полных и неполных именных конструкций, по мнению Тестельца, предположительно укладывается в теоретическую модель разноструктурных именных конструкций (DP vs. NP). Хотя в абазинском языке чередование DP и NP и не сопровождается, в отличие от родственных адыгских языков, падежным чередованием, оно демонстрирует многие эффекты DAM и псевдоинкорпорации.

Позиционно-универсальные механизмы дифференцированного падежного маркирования аргументов в тибето-бирманских языках обнаруживает М. В. Шкапа (Москва). На фоне обзора существующих в тибето-бирманских языках стратегий дифференцированного маркирования субъекта и объекта она рассматривает теоретическую проблему выбора модели описания подобных падежных показателей и ставит вопрос о применимости к этим языкам понятия эргативного/аккузативного кодирования ядерных актантов. Учитывая единообразие лицензирующих факторов и типов маркирования для обоих аргументов переходной конструкции, представляется возможным заключить, что более точной характеристикой маркирования ядерных актантов в тибето-бирманских языках является «прагматическое маркирование» агенса или пациенса.

Наряду с универсальными закономерностями в соотношении лицензоров и механизмов DAM наблюдаются и специфичные для конкретного языка и конкретной синтаксической позиции способы организации семантико-синтаксического интерфейса. В этой связи особый интерес представляют данные Н. В. Сердобольской (Москва), исследующей влияние определенности на морфосинтаксическое кодирование объекта. Сердобольская основывает свой анализ на двух представленных в семантической литературе подходах к интерпретации понятия определенности — через единичность или через известность. При первом подходе (через единичность) можно объяснить использование определенного артикля в ИГ, референт которой идентифицируется единственным образом, однако, возможно, не упоминается ранее. При втором подходе (через известность) можно объяснить наличие определенного артикля в случаях, когда участник упоминается ранее, но не может быть однозначно идентифицирован. На материале бесермянского диалекта удмуртского языка Сердобольская показывает, что оба описанных подхода могут быть релевантны в языках, где определенность кодируется более чем одним средством. Таким образом, единый лицензор DAM — определенность — расщепляется на два семантически независимых, хотя и часто коррелирующих друг с другом признака, и с каждым признаком оказывается связанным свое морфосинтаксическое средство. В дискуссии была поднята одна из «вечных» тем типологии: в какой мере применяемый набор грамматических и референциально-дейктических категорий независим от свойств того языкового материала, на основе которого он был предложен; в данном случае речь шла о том, не может ли набор референциальных статусов ИГ, выделенных на основе артиклевых языков Европы, косвенно отражать особенности этих языков, или же он выводим на основе универсальных принципов семантики и прагматики.

4. Многофакторные и статистические подходы к дифференцированному маркированию аргументов

Выявление факторов-лицензоров DAM и построение моделей их взаимодействия относятся к традиционной тематике исследований дифференцированного маркирования аргументов. В последние годы такие исследования часто опираются на статистические методы анализа языковых данных. Это связано как с растущей доступностью новых форматов языковых данных — электронных корпусов, создаваемых не только для крупнейших национальных языков, но и для малых языков, мертвых языков, диалектов, так и с развитием

автоматических методов моделирования языковых феноменов, позволяющих выявлять релевантные факторы и силу их влияния на выбор языкового выражения.

Все преимущества статистического подхода к анализу многофакторного феномена продемонстрировал доклад И. А. Сержанта (Лейпциг), посвященный дифференцированному падежному маркированию объекта (NOM vs. ACC) при форме дебитива в латышском языке. Прескриптивные грамматики ограничивают использование аккузатива в этой конструкции личными и рефлексивным местоимениями; тем не менее в разговорном латышском до 13 % именных групп других типов демонстрируют аккузативное маркирование. Сержант на основе корпусных исследований выявляет факторы, благоприятствующие использованию аккузатива: препозиция к глаголу, «доступность» в терминах [Ariel 1990], одушевленность; напротив, определенность ИГ не оказывает влияния на выбор падежа, а значимость такого фактора, как семантический класс предиката, является эпифеноменом: аккузативное маркирование наблюдается при тех предикатах, которые лицензируют одушевленные дополнения. В докладе также был представлен диахронический анализ развития латышского DOM, опирающийся на гипотезу о смещении двух исторически различных конструкций.

Многофакторный подход использует Р. В. Ронько (Москва) при анализе конструкций с номинативом объекта (*земля пахать*, *вода пить*) в современных русских говорах. Значимого варьирования в устройстве данного явления между разными говорами автору выявить не удалось. Механизм выбора между аккузативом и номинативом, по мнению Ронько, определяется совокупностью факторов: одушевленностью, референциальным статусом, порядком слов и коммуникативным статусом прямого объекта. Автор представил попытку диахронического анализа номинатива объекта с привлечением данных из текстов древнерусских памятников XI—XV вв. Дифференцированное маркирование в современных говорах, по словам докладчика, кардинально отличается от того же явления в древнерусском языке, хотя несомненно к нему восходит. В говорах номинатив объекта появился в ряде новых контекстов, тогда как в древнерусском языке, предположительно, употреблялся только при инфинитиве. Также в современных говорах существенно менее строги требования к (не)референтности и (не)одушевленности номинативного дополнения.

Системе кодирования прямого дополнения в мокшанском языке был посвящен доклад С. Ю. Толдовой (Москва). Автор рассматривает взаимодействие системы глагольной индексации (субъектное спряжение vs. субъектно-объектное спряжение) и механизма зависимостного маркирования объекта (отсутствие специального маркера прямого дополнения vs. оформление показателем родительного падежа). Основное правило индексирования, согласно Толдовой, сводится к следующему: именная группа, имеющая маркер определенности или посессивности, контролирует субъектно-объектное согласование, при неоформленной именной группе выбирается субъектное спряжение. В докладе подробно обсуждались те случаи, в которых выбор субъектно-объектного спряжения не может быть объяснен референциальным статусом ИГ. Толдова предлагает анализ подобных случаев, базирующийся на концепции вторичного топика [Dalrymple, Nikolaeva 2011]. Сходные объяснения на материале других языков предлагались и другими докладчиками. Проблема, поднятая выступавшими в дискуссии, состоит в том, как именно информационная структура/к-структура высказывания взаимодействует с информационной структурой дискурса. Полной ясности в данном вопросе нет, и некоторые постулированные в типологической литературе дискурсивные сущности кажутся спорными. Так, например, сам коммуникативный статус так называемого «вторичного топика», по-видимому, соответствует тому, что в работах пражской и русской школы теории актуального членения [Firbas 1975; Арутюнова 1983: 55] принято называть «введением в рассмотрение бытующего предмета» (ср.: *В лесу родилась елочка*), при этом бытующий предмет относится к группе ремы, а не темы.

Выступление Кс. П. Семёновой (Москва) было посвящено правилам употребления проклитики *z-* при прямом дополнении в древнеармянском языке. В традиционных описаниях считается, что употребление этой проклитики связано с определенностью или с референтностью прямого дополнения, однако результаты, полученные автором при анализе корпусных

данных, расходятся с прежними обобщениями: обнаруживаются употребления *z*- с нереферентными и неопределенными прямыми дополнениями. Действие фактора определенности/референтности описывается иерархией, в которой личные местоимения и имена собственные всегда маркируются проклитикой, определенные ИГ маркируются почти всегда, а в классе неопределенных референтных ИГ и нереферентных ИГ выявлено наибольшее варьирование. С точки зрения линейной позиции маркированные проклитикой *z*- прямые дополнения чаще стоят в постпозиции. Семёнова замечает также, что проклитика употребляется при определенных семантических классах глаголов. Таким образом, древнеармянский язык может быть охарактеризован как имеющий многофакторный DOM.

Доклад И. В. Саркисова (Москва) представлял собой обзор дифференцированного маркирования объекта в новоарамейских языках. В силу диахронических причин в этих языках отсутствуют морфологические падежи. Объект в них маркируется различными «реципиентно-бенефактивными» предложениями и/или глагольным индексированием. Основным фактором, влияющим на выбор оформления объекта, является определенность. В фокусе внимания исследователя находится литературный урмийский язык, в котором объект маркируется предложениями *l* и *qa* или не маркируется вовсе, а глагол обычно согласуется с прямым дополнением. Саркисов обнаруживает специализированное средство маркирования одушевленных объектов — предлог *qa*. Таким образом, в пределах одного языка различные факторы — лицензоры DOM вызывают различные типы маркирования.

С. А. Оскольская (Санкт-Петербург) и Н. М. Стойнова (Москва) сделали сообщение о дифференцированном маркировании объекта в нанайском языке. В докладе был описан случай асимметричного DOM, при котором существительное в позиции прямого объекта может выступать с показателем аккузатива *-wa* ~ *-wə* или в виде немаркированной аффиксом формы номинатива. В докладе решается техническая проблема разграничения редуцированного до *-a* ~ *-ə* суффикса аккузатива *-wa* ~ *-wə* и «чистой» основы. Авторы показывают, что обсуждаемый материал действительно отражает DOM, а не сводится к морфонологическим процессам. Анализируются факторы, влияющие на выбор оформления прямого дополнения. По мнению авторов, это референциальный статус (тенденция к аккузативному маркированию определенности) и коммуникативный статус (тенденция аккузативного маркирования в теме).

5. Диахронические инновации в области дифференцированного маркирования аргументов

Вопрос о диахронических источниках и триггерах формирования систем дифференцированного маркирования аргументов в языках мира оказался в центре внимания типологов только в последние годы [Seržant, Kulikov 2013], хотя данный феномен часто обнаруживается в генетически и ареально независимых языках, что отражается в эволюционных моделях [Jäger 2007]. Существующие на сегодняшний день обобщения о путях диахронического развития систем DAM предполагают, что важнейшим источником их возникновения выступает смешение исторически двух различных конструкций, происходящее под давлением общезыковой тенденции к выравниванию и реорганизации частных подсистем в пределах единой системы [Seržant, Witzlack-Makarevich (forthcoming) b]. Следует отметить, что диахронические изменения могут изучаться и на квазисинхронном уровне, при анализе консервативного (обычно литературного) и инновативного (обычно разговорного) вариантов современного языка. В подобных работах удается проследить последовательную утрату самостоятельности реорганизующихся конструкций и изучить пути распространения языковых инноваций. Как показывают предшествующие исследования, эволюционные тенденции могут быть различными. Так, наличие генитива в контексте отрицания является инновацией балто-славянских языков, а дальнейшее развитие происходит либо по линии генерализации, либо по линии семантизации употреблений генитива в контекстах, где он изначально конкурировал с аккузативом; данная проблематика была затронута в докладе

П. М. Аркадьева. В древнескандинавском ареале изначально имелся параметр, разрешавший неканонические подлежащие в косв. п., но параметры, определяющие статус второго актанта конструкции с неканоническим подлежащим — номинативный объект или анти-субъект, — грамматикализовались лишь в ходе самостоятельной истории двух близкородственных языков — исландского и фарёрского [Циммерлинг 2002: 770—776].

В рамках очерченного подхода А. Ю. Урманчиева (Санкт-Петербург) выступила с докладом про эвиденциальные показатели, которые компенсируют утрату исходного механизма DOM в тазовском селькупском. В самодийских языках представлена модель дифференцированного маркирования, при которой переходный глагол может быть оформлен одной из двух серий лично-числовых окончаний (субъектной и субъектно-объектной), причем выбор между этими сериями связан с такой характеристикой объекта, как топиальность. В селькупском языке правила выбора между субъектным и субъектно-объектным спряжением изменились: непереходные глаголы используют только субъектное спряжение, переходные глаголы — только субъектно-объектное. Таким образом, на первый взгляд кажется, что селькупский язык утратил механизм дифференцированного маркирования объекта. Однако в тазовском селькупском разрушение этой общесамодийской системы компенсируется созданием нового механизма маркирования топиального объекта. Во-первых, маркируется не сам вторичный топик, а первое введение в повествование будущего вторичного топика; во-вторых, средством маркирования выступает форма косвенной эвиденциальности (с дополнительным миративным компонентом в семантике) вместо ожидаемой формы прямой засвидетельствованности.

Развитие нового механизма DOM в мокшанском языке анализирует А. А. Козлов (Москва). В фокусе внимания исследователя находится конструкция с послеголом *-esə*, который имеет локативное значение, но в некоторых случаях способен маркировать прямое дополнение, и в этих контекстах подвергается десемантизации. На базе сопоставления данных мокшанского с прибалтийско-финскими языками Козлов представил диахронический анализ DOM в мокшанском языке и выдвинул гипотезу о возможной когнитивной мотивации в использовании локативной формы как маркера дополнения неопределенных глаголов.

А. Б. Шлуинский (Москва) в своем докладе представил ареально-генетический обзор дифференцированного маркирования объекта в языках ква, гур и бенуэ-конго Западной Африки. Шлуинский рассматривает сериальные конструкции с глаголом 'брать', который претерпевает грамматикализацию и используется как объектный маркер. Лексический переходный глагол в этих языках может также употребляться и в простой переходной конструкции предложения, без данного маркера, вследствие чего возникает ситуация дифференцированного маркирования объекта. Общая тенденция, по мнению исследователя, состоит в том, что неопределенные дополнения вводятся выраженным объектным маркером (глаголом 'брать' или продуктом его грамматикализации), а определенные употребляются в простой переходной конструкции, но на эту тенденцию могут накладываться особые ограничения как в разных языках, так и при разных классах лексических глаголов в одном и том же языке.

6. Ареал — язык — конструкция — лексема: дифференцированное маркирование аргументов как грамматический параметр

Еще одной важной характеристикой DAM можно считать допустимый уровень обобщения касательно его свойств. Дифференцированное маркирование аргументов обычно рассматривается как параметр, характеризующий язык: например, в испанском языке представлено дифференцированное маркирование объекта, а в баскском — дифференцированное маркирование субъекта. Однако очевидно, что область определения DAM может быть как шире, так и уже. DAM определенного типа может характеризовать генетические или ареальные группы языков (см. выше о языках манде, ква, гур, бенуэ-конго, тибето-бирманских) и выступать как параметр, характеризующий языковую семью, или как ареальная характеристика языка. С другой стороны, как мы видели, дифференцированное маркирование аргумента

может затрагивать только конкретную частную конструкцию языка, например, объект при форме дебитива в латышском языке или внешний аргумент при событийной номинализации в русском языке. В предельном случае, по-видимому, речь идет о вариативном управлении конкретной лексемы. Основанием для объединения этих явлений может служить общность лицензирующих факторов и единство механизмов дифференцированного маркирования.

На конференции были представлены исследования DAM различного уровня общности. Так, П. М. Аркадьев (Москва) рассматривает изменение падежа прямого объекта переходного глагола при отрицании в славянских, балтийских и прибалтийско-финских языках как ареальную черту циркумбалтийских языков. Эти языки демонстрируют значительную вариативность в допустимости и распространенности «локальной» и «дистантной» версий правила генитива/партитива отрицания, которая, однако, ограничивается следующими имплекативными закономерностями: (i) если в языке есть хотя бы редкие случаи изменения падежного маркирования объекта нефинитного предиката под воздействием матричного отрицания, то в нем есть и не менее продуктивны аналогичные случаи для локального отрицания; (ii) если в языке есть обязательное правило изменения падежного маркирования объекта под воздействием локального отрицания, то в нем есть (возможно, факультативное) правило аналогичного изменения и для, по крайней мере, некоторых контекстов дистантного отрицания. И в русском, и в литовском аккузатив и генитив конкурируют между собой в контексте отрицания, но условия их доступности различны. В нормативном русском языке генитив отрицания возможен только при локальном отрицании (ср.: *??Вася не хотел [посылать письм-а_{GEN.}]*), а выбор между генитивом и аккузативом, по имеющимся описаниям, мотивирован семантически. В литовском языке генитив отрицания генерализован при локальном употреблении (наличие отрицания в той же клаузе делает выбор генитива обязательным) и во вложенных односубъектных клаузах (ср. лит. *Jonas ne-nori [rašyti laišk-o_{GEN.} / *laišk-q_{ACC.}]* букв. 'Йонас не хочет [писать письма/ *письмо]'), а во всех остальных случаях факультативно возможен.

Ж. Отье (Париж) анализирует дифференцированное маркирование аргументов в антипассивных конструкциях даргинского языка. Залоговые и актантно-деривационные преобразования обычно рассматриваются отдельно от дифференцированного маркирования аргументов, однако специфика морфосинтаксиса антипассивной конструкции в даргинском позволяет помещать ее в контекст DAM. Антипассив в даргинском не имеет особых глагольных показателей и выражается посредством кодирования аргументов: агенс кодируется номинативом, а пациенс — эргативом, так что возникают взаимозависимые DSM и DOM. Семантическим эффектом антипассивизации оказывается смещение фокуса внимания с объекта на субъект: во-первых, в антипассивных конструкциях объект обычно неопределенный или нереперентный; во-вторых, антипассив особенно часто встречается в зависимых клаузах, при том что в главных клаузах синтаксически приоритетным аргументом (pivot) выступает номинативная именная группа. Гипотеза Отье состоит в том, что антипассивизация позволяет сохранить последовательность номинативных топиков и тем самым имеет дискурсивное обоснование.

А. В. Малышева и А. В. Тер-Аванесова (Москва) в докладе «Падежная система и варьирование падежных показателей в одном южнорусском говоре» представили описание падежной системы говора села Роговатка Белгородской области. Опираясь на понятие однопадежного ряда [Зализняк 1967], авторы выделяют в говоре следующие падежи: именительный, винительный, родительный с предлогом *у*, родительный с другими предлогами, родительный без предлогов, родительный количественный, счетную форму, дательный, распределительный (при предлоге *по* в «локативном» значении), творительный, местный, предложный (при предлоге *при*). В докладе был представлен подробный анализ контекстов употребления падежей и позиционного распределения предлогов, управляющих соответствующими падежами.

Механизму выбора падежа дополнения при прилагательном *полный* был посвящен доклад Е. А. Проценюк (Москва). Традиционные описания лексемы *полный*, по мнению автора, не объясняют дифференцированного маркирования актанта прилагательного (*полный*

чего/чем), но лишь фиксируют это различие. Данные Проценюк показывают, что местоименные зависимые в постпозиции к данному прилагательному практически всегда выбирают форму творительного падежа. Выбор падежа именных групп с вершиной-существительным зависит от его семантических обстоятельств, а именно от принадлежности к тому или иному таксономическому классу. Так, по мнению исследователя, непредметные имена существительные таксономических классов «психическая сфера», «свойство человека» тяготеют к форме родительного падежа; выбор падежа предметных имен, абстрактных имен таксономического класса «ментальная сфера», а также имен, не входящих в определенную группу, представляет собой зону колебания. При этом для всех семантических классов существительных отмечается предпочтение формы родительного падежа, к тому же растущее со временем. В то же время фактором, благоприятствующим выбору формы творительного падежа, является наличие у существительного при *полон* собственного зависимого в родительном падеже.

Можно констатировать, что дифференцированное маркирование аргументов — активно развивающаяся область исследований, где лингвист имеет возможность не только описывать наблюдаемые факты, но и до определенной степени предсказывать распределение параметров грамматики как в синхронии, так и в диахронии. Рассмотрение в единой рубрике явлений дифференцированного маркирования объектов, субъектов и посессоров имеет под собой серьезные основания, несмотря на трудности, связанные с идентификацией подлежащего аргумента при принятии гипотезы о неканонических подлежащих. Доклады прошедшей конференции, с нашей точки зрения, подтвердили, что дифференцированное маркирование аргументов, при всем многообразии морфосинтаксической техники в языках мира, опирается на одни и те же базовые принципы грамматики, особенно в том, что касается непосредственно механизмов падежного варьирования и приписывания падежа. В то же время распределение отдельных маркеров DAM во многих языках благоприятствует многофакторному подходу, а попытка прямолинейно вывести наличие/отсутствие конкретного маркера DAM в конкретном языке из какой-то одной универсальной референциально-дейктической иерархии не достигает цели.

Подробнее с материалами конференции можно ознакомиться по адресу: http://iling-ran.ru/main/news/160402_gtg.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Арутюнова 1983 — Арутюнова Н. Д. Коммуникативные формы бытийных предложений // Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М.: Наука, 1983. С. 53—93. [Arutyunova N. D. Communicative forms of existential sentences. Arutyunova N. D., Shiryayev E. N. *Russkoe predlozhenie. Bytiinyi tip*. Moscow: Nauka, 1983. Pp. 53—93.]
- Борик 1995 — Борик О. М. Синтаксический признак неаккузативности глагола (на материале русского языка). Дипломная работа. М.: МГУ им. М.В. Ломоносова, 1995. [Borik O. M. *Sintaksicheskii priznak neakkuzativnosti glagola (na materiale russkogo yazyka)*. *Diplomnaya rabota* [The syntactic marker of the verb unaccusativity (based on the Russian linguistic material). Diploma paper]. Moscow: Moscow State Univ., 1995.]
- Зализняк 1967 — Зализняк А. А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967. [Zaliznyak A. A. *Russkoe imennoe slovoizmenenie* [Russian noun inflexion]. Moscow: Nauka, 1967.]
- Кибрик 1999 — Кибрик А. Е. (ред.). Элементы цахурского языка в типологическом освещении. М.: Наследие, 1999. [Kibrik A. E. (ed.). *Elementy tsakhurskogo yazyka v tipologicheskom osveshchenii* [Elements of Tsakhur from the typological perspective]. Moscow: Nasledie, 1999.]
- Кибрик 2001 — Кибрик А. Е. (ред.). Багвалинский язык. Грамматика, тексты, словари. М.: ИМЛИ РАН, 2001. [Kibrik A. E. (ed.). *Bagvalinskii yazyk. Grammatika, teksty, slovari* [Bagvalal. Grammar, texts, dictionaries]. Moscow: Institute of the World Literature, Russian Academy of Sciences, 2001.]
- Лютикова, Перельцвайг 2015 — Лютикова Е. А., Перельцвайг А. М. Структура именной группы в безартикульных языках: универсальность и вариативность // Вопросы языкознания. 2015. № 3. С. 52—69. [Lyutikova E. A., Pereltsvaig A. M. Noun phrase structure in articleless languages: Universality and variation. *Voprosy jazykoznanija*. 2015. No. 3. Pp. 52—69.]

- Падучева 1997 — Падучева Е. В. Родительный субъекта в отрицательном предложении: синтаксис или семантика? // Вопросы языкознания. 1997. № 2. С. 101—116. [Padučeva E. V. The genitive case of the subject: syntax or semantics? *Voprosy jazykoznanija*. 1997. No. 2. Pp. 101—116.]
- Падучева 2006 — Падучева Е. В. Генитив дополнения в отрицательном предложении // Вопросы языкознания. 2006. № 6. С. 21—43. [Padučeva E. V. Genitive of the object in negative sentences. *Voprosy jazykoznanija*. 2006. No. 6. Pp. 21—43.]
- Рахилина 2008 — Рахилина Е. В. (ред.). Объектный генитив при отрицании в русском языке. М.: Пробел-2000, 2008. [Rakhilina E. V. (ed.). *Ob'ektnyj genitiv pri otritsanii v russkom yazyke* [The genitive of object with negation in Russian]. Moscow: Probel-2000, 2008.]
- Ронько 2016 — Ронько Р. В. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 1 (31). С. 158—181. В печати. [Ronko R. V. Differential direct object marking in infinitive clauses in Old Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*. 2016. No. 1 (31). С. 158—181.]
- Ронько, Циммерлинг 2015 — Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Параметр номинативного объекта и синтаксис инфинитивных оборотов в диалектах русского Севера и в древнерусском языке // Вестник МГГУ имени М.А.Шолохова. Сер. Филологические науки. 2015. № 1. С. 57—66. [Ronko R. V., Zimmerling A. V. The parameter of nominative object and the syntax of infinitive clauses in the dialects of the Russian North and in Old Russian. *Vestnik MGGU imeni M. A. Sholokhova. Ser. Filologicheskie nauki*. 2015. No. 1. Pp. 57—66.]
- Циммерлинг 2002 — Циммерлинг А. В. Типологический синтаксис скандинавских языков. М.: Языки славянской культуры, 2002. [Zimmerling A. V. *Tipologicheskii sintaksis skandinavskikh yazykov* [Typological syntax of the Scandinavian languages]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Циммерлинг 2016 — Циммерлинг А. В. [Рец. на:] Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015 // Вопросы языкознания. 2016. № 4. С. 144—151. [Zimmerling A. V. [Rev. of:] Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015. *Voprosy jazykoznanija*. 2016. No. 4. Pp. 144—151.]
- Aissen 2003 — Aissen J. Differential object marking: Iconicity vs. economy. *Natural language and linguistic theory*. 2003. Vol. 21. Pp. 435—483.
- Ariel 1990 — Ariel M. *Accessing noun-phrase antecedents*. London: Routledge, 1990.
- Baker 2015 — Baker M. C. *Case: Its principles and its parameters*. (Cambridge studies in linguistics 146). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2015.
- Baker, Vinokurova 2010 — Baker M. C., Vinokurova N. Two modalities of Case assignment: Case in Sakha. *Natural Language and Linguistic Theory*. 2010. Vol. 28. Pp. 593—642.
- Bornkessel-Schlesewsky et al. 2015 — Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. (eds.). *Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.
- Borschev et al. 2008 — Borschev V., Paducheva E. V., Partee B. H., Testelets Y. G., Yanovich I. Russian genitives, non-referentiality, and the property-type hypothesis. *Formal approaches to Slavic linguistics. Proceedings of FASL 16*. Antonenko A., Bailyn J. F., Bethin C. Y. (eds.). Ann Arbor: Michigan Slavic Publications, 2008. Pp. 48—67.
- Bossong 1985 — Bossong G. *Empirische Universalienforschung. Differentielle Objektmarkierung in — neurianischen Sprachen*. Tübingen: Narr, 1985.
- Brown 1999 — Brown S. *The syntax of negation in Russian: A minimalist approach*. Stanford (CA): CSLI. Publ., 1999.
- Chomsky 2000 — Chomsky N. Minimalist inquiries: The framework. *Step by step. Essays on minimalist syntax in honor of Howard Lasnik*. Martin R., Michaels D., Uriagereka J. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press. Pp. 89—155.
- Comrie 1975 — Comrie B. Definite and animate direct objects: A natural class. *Linguistica Silesiana*. 1975. Vol. 3. Pp. 13—21.
- Coon 2013 — Coon J. TAM split ergativity (parts 1—2). *Language and Linguistics Compass*. 2013. Vol. 7. Pp. 171—200.
- Dalrymple, Nikolaeva 2011 — Dalrymple M., Nikolaeva I. *Objects and information structure*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2011.
- DeLancey 1981 — DeLancey S. An interpretation of split ergativity and related patterns. *Language*. 1981. Vol. 57. No. 3. Pp. 626—657.
- Dixon 1979 — Dixon R. M. W. Ergativity. *Language*. 1979. Vol. 55. Pp. 59—138.

- Firbas 1975 — Firbas J. On «existence/appearance on the scene» in functional sentence perspective. *Prague studies in English*. 1975. Vol. 16. Pp. 47—70.
- Haiman 1983 — Haiman J. Iconic and economic motivation. *Language*. 1983. Vol. 59. Pp. 781—819.
- De Hoop, de Swart 2008 — de Hoop H., de Swart P. (eds.). *Differential subject marking*. Dordrecht: Springer, 2008.
- Jäger 2007 — Jäger G. Evolutionary game theory and typology: A case study. *Language*. 2007. Vol. 83. No. 1. Pp. 74—109.
- Kazenin 1998 — Kazenin K. On patient demotion in Lak. *Typology of verbal categories*. Kulikov L., Vater H. (eds.). Tübingen: Niemeyer. Pp. 95—115.
- Kornfilt 2008 — Kornfilt J. DOM and two types of DSM in Turkish. *Differential Subject Marking*. De Hoop H, de Swart P. (eds.). Dordrecht: Springer, 2008. Pp. 79—111.
- Lyutikova 2016 — Lyutikova E. Formal modeling of case variation: A parametric approach. *Komp'yuternaya lingvistika i intellektual'nye tekhnologii: Po materialam ezhegodnoi Mezhdunarodnoi konferentsii «Dialog'2016»* (Moscow, June 1—4, 2016). No. 15 (22). Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2016. Pp. 455—470.
- Lyutikova, Ibatullina 2015 — Lyutikova E., Ibatullina D. Case theory and case variation in Tatar. *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov. Materialy mezhdunarodnoi konferentsii «TMP-2015»*. No. 2. Lyutikova E. A., Zimmerling A. V., Konoshenko M. B. (ed.). Moscow: Moscow State Pedagogical Univ., 2015. Pp. 228—244.
- Lyutikova, Pereltsvaig 2015 — Lyutikova E., Pereltsvaig A. The Tatar DP. *Canadian Journal of Linguistics*. 2015. Vol. 60. № 3. Pp. 289—325.
- Malchukov 2008 — Malchukov A. Animacy and asymmetries in differential case marking. *Lingua*. 2008. Vol. 118. Pp. 203—221.
- Marantz 1991 — Marantz A. Case and licensing. *Eastern States Conference on Linguistics*. Westphal G., Ao B., Chae H.-R. (eds.). Ithaca (NY): CLC Publications, 1991. Pp. 234—253.
- Mel'čuk 2014 — Mel'čuk I. Syntactic subject: Syntactic relations, once again. *Yazyk. Konstanty. Peremennye. Pamyati Aleksandra Evgen'evicha Kibrika*. Plungian V. A., Daniel' M. A., Lyutikova E. A., Tatevosov S. G., Fedorova O. V. (eds.). St. Petersburg: Aleteiya, 2014. Pp. 169—216.
- Payne, Barshi 1999 — Payne D., Barshi I. (eds.). *External possession*. Amsterdam: John Benjamins, 1999.
- Pesetsky 1982 — Pesetsky D. *Paths and categories*. Doct. diss. Cambridge (MA): MIT. Dept. of Linguistics and Philosophy, 1982.
- Seržant, Kulikov 2013 — Seržant I., Kulikov L. (eds.). *The diachrony of non-canonical subjects*. SLCS 140. Amsterdam: John Benjamins, 2013.
- Seržant, Witzlack-Makarevich (forthcoming) a — Seržant I., Witzlack-Makarevich A. Differential argument marking: An introduction. *The diachronic typology of differential argument marking*. Seržant I. A., Witzlack-Makarevich A., Mann K. (eds.). Berlin: Language Science Press. (forthcoming)
- Seržant, Witzlack-Makarevich (forthcoming) b — Seržant I., Witzlack-Makarevich A. Diachronic typology of differential argument marking. *The diachronic typology of differential argument marking*. Seržant I. A., Witzlack-Makarevich A., Mann K. (eds.). Berlin: Language Science Press. (forthcoming)
- Shibatani 1994 — Shibatani M. An integrated approach to possessor raising, ethical datives, and adversative passives. *Proceedings of the Twentieth annual meeting of the Berkeley linguistics society*. Berkeley (CA): University of California, 1994. Pp. 461—487.
- Silverstein 1976 — Silverstein M. Hierarchies of features and ergativity. *Grammatical categories in Australian languages*. Dixon R. M. W. (ed.). New Jersey (NJ): Humanities Press, 1976. Pp. 112—171.
- de Swart 2007 — de Swart P. *Cross-linguistic variation in object marking*. Doct. diss. Nijmegen: Univ. of Nijmegen, 2007.

Статья поступила в редакцию 21.06.2016.

РЕЦЕНЗИИ / REVIEWS

E. Velmézova (éd.). L'École sémiotique de Moscou-Tartu/Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité. Slavica Occitania. Vol. 40. Toulouse: Université de Toulouse, 2015. 410 p. ISBN 978-2-9538558-9-0.

Глеб Станиславович Нечволодов

Gleb S. Nechvolodov

Тартуский университет, Институт семиотики,
Tartu, 50090, Эстония; gsnetch@gmail.com

Tartu University, Institute of Semiotics, Tartu, 50090,
Estonia; gsnetch@gmail.com

Очередной (40-й) номер французского журнала «Slavica Occitania» посвящен феномену Московско-Тартуской семиотической школы (далее МТШ) и представляет собой сборник статей и интервью, подготовленных как членами МТШ, так и учеными, в чей круг интересов входят общие и частные проблемы семиотики, вопросы эпистемологии, структурализма и общей истории гуманитарных наук. В номер вошли 13 статей и два интервью, предисловие редактора-составителя книги профессора Лозаннского университета Екатерины Вельмезовой и приложения. Статьи написаны учеными из России, Эстонии, Франции, Швейцарии, Швеции, Польши и Бразилии; большинство статей было переведено на французский (с русского или английского языков). В предисловии Е. Вельмезова ссылается на трудности, возникающие при анализе любого объекта «изнутри» — т. е. с позиции внутреннего наблюдателя, непосредственного участника или последователя того или иного направления. Здесь Е. Вельмезова вторит одному из «архитекторов» МТШ, Б. А. Успенскому, не только неоднократно отмечавшему амбивалентность указанной позиции, но придерживающемуся взглядов У. Эко на будущее семиотики (из выступления ученого на Летней семиотической школе в Палмсе (Эстония) 22—26 августа 2011 г.). Так, итальянский ученый уже несколько лет тому назад заметил, что методологический и системный арсенал науки о знаковых системах в пределах исследуемых объектов себя исчерпал, интердисциплинарный «зонтик», предлагавшийся рядом известных специалистов в области семиотики — М. Андерсон, Дж. Дили, М. Крампеном, Т. Себеоком и др. [Anderson et al. 1984], — до конца не раскрылся и семиотике требуется выход на качественно новый уровень как в области методов, так и в выборе поставленных аналитических задач [Eco 1984]. В свою очередь, на упомянутой выше Летней семиотической школе в Палмсе Б. А. Успенский высказал мнение, что МТШ «закончилась» и как школа, и как эффективный аналитический метод, чем вызвал бурную дискуссию, в которой участвовали такие яркие фигуры современной семиотики, как Г. Сонессон, П. Гржибек, непосредственные представители МТШ М. Ю. Лотман, П. Торроп и другие. Сам Б. А. Успенский в этой дискуссии занял шуточно-нейтральную позицию. Однако, как писал о Р. Якобсоне С. Довлатов, «[х]орошо валять дурака, основав предварительно целую филологическую школу!» [Довлатов 2012: 130] — ведь для разделяющих соответствующую эпистему феномен МТШ был и остается как подвижной структурой, по сей день имеющей достаточный аналитический и дисциплинарный потенциал, так и академическим парадоксом, особенности которого Е. Вельмезова раскрыла в своем предисловии к сборнику. Эту парадоксальность редактору и составителю книги удалось передать и самим содержанием сборника.

В первую очередь, стоит обратить внимание на имена авторов статей, представленных в издании. Так или иначе, многие из авторов непосредственно связаны или с МТШ — будучи учениками Ю. М. Лотмана (И. А. Пильщиков, Т. Д. Кузовкина, Я. С. Левченко) или его

коллегами (К. Кулль) — или с кругом идей, исследуемых и интерпретируемых Школой, например, В. Нёта. Таким образом, «остраненность» (по В. Б. Шкловскому) оценки феномена МТШ стала возможна почти исключительно благодаря времени, прошедшему с момента неформального закрытия Школы в конце восьмидесятых — начале девяностых годов прошлого века (впрочем, момент формального открытия Школы тоже не зафиксирован: направление сложилось спонтанно, не как сознательная попытка объединения сходных теоретических векторов, но как результат ставших более или менее регулярными неформальных академических встреч). Однако в свете размышлений членов МТШ эта остранимость приобретает парадоксальный характер, одновременно придавая текстам сборника и «инсайдерскую» пикантность, и повышенную значимость: кто, как не сами члены Школы, может быть наиболее объективным и последовательным в авторефлексии и анализе как самого феномена МТШ, так и ее научных интересов?

Другим неожиданным, однако не менее интересным аспектом можно считать выбор предполагаемой читательской аудитории. Сборник был издан на французском языке и рассчитан, в первую очередь, на французских специалистов в области славистики, а также семиотики и культурологии, для которых МТШ, разумеется, не является чем-то совершенно неизвестным, однако и не представляет собой очевидного и обязательного компонента корпуса истории гуманитарных идей в целом и семиотики в частности. Действительно, французская семиотика, выросшая на идеях Р. Якобсона, Ж. Дерриды, Р. Барта, Ж. Бодриера, Ж. Делёза и на структуралистской доминанте, вполне естественно воспринимала МТШ как вторичную деривацию, внутренний сегмент общей теории науки о знаковых системах. Поэтому углубленное знакомство французских специалистов с феноменом МТШ, тем более с позицией ее непосредственных участников, является и важным, и полезным опытом еще и потому, что значительная часть сборника посвящена как раз проблемам структурализма и структурального анализа. Для русскоязычных читателей, владеющих французским языком, сборник может быть прежде всего интересен, во-первых, развернутым предисловием Е. Вельмезовой, сумевшей достаточно полно изложить краткую историю МТШ, ее основные постулаты и специфику, эволюцию и аналитическую динамику; а во-вторых, интервью К. Кулля с основателем тартуской ветви Школы Ю. М. Лотманом. Эта беседа — редкий материал, в котором тартуские коллеги дискутируют о перспективах семиотики эволюции и жизни в целом и который раскрывает дополнительные грани научного творчества Ю. М. Лотмана.

Внимание авторов сборника к личности Ю. М. Лотмана также вносит некоторую парадоксальность в содержание рецензируемой книги. По негласной академической традиции, господствующей в России, в названии Школы присутствует примат московского начала — чаще говорят о «Московско-Тартуской семиотической школе». Сегодня трудно сказать определенно, когда и почему эта традиция сложилась. Однако харизматичность тартуского профессора, глубина и революционный характер его идей позволяют называть Школу и «Тартуско-Московской», а интерес к идеям и работам ЮрМиха, как называли его коллеги и студенты, как оказалось, превалирует над интересом к многочисленным другим материалам МТШ. С этой точки зрения, сороковой выпуск журнала «*Slavica Occitania*» можно в шутку назвать «Лотмановским сборником», ведь большая часть материалов издания посвящена именно работам Ю. М. Лотмана: структура сборника такова, что первая его часть содержит работы самих участников МТШ — статью Б. А. Успенского и интервью Т. М. Николаевой с Е. Вельмезовой, а вторая часть — исследования, представляющие взгляд на Школу «со стороны» — как на «московскую» ее составляющую (статьи Р. Комте, Е. Вельмезовой, А. Семененко), так и на «тартускую». При этом большинство работ входят именно в последнюю часть, будучи посвящены трудам Ю. М. Лотмана — как малоизвестным текстам (статьи И. А. Пильщикова, Т. Д. Кузовкиной, интервью К. Кулля с Ю. М. Лотманом), так и переосмыслению уже знакомых лотмановских трудов (работы В. Нёта, А. А. Фаустова, С. Чугунникова и Я. С. Левченко, С. Н. Зенкина, Р. Мниха, Й. Херльта, Н. С. Автономовой).

Вероятно, в силу указанных причин сборник, на первый взгляд, может даже показаться тематически несколько односторонним: как уже отмечалось, явно доминируют над

остальными темами труды о Ю. М. Лотмане и материалы о структурализме и о структуралистских исследованиях. Лишь немногие статьи — например, об исследованиях в области асимметрии мозга (статья А. Семененко) или компаративистике в лингвистике vs. культурологии (статья Е. Вельмезовой) — позволяют неискушенному читателю получить представление о разнообразии и широте интересов Школы, лежащих за пределами чисто языковых и литературных штудий. Однако сборник явно рассчитан на профессионалов в области культурологии и истории гуманитарных идей, и поэтому некоторая «недоговоренность» в раскрытии образа МТШ может быть расценена не как недостаток, а как своего рода стилистический минус-прием — если воспользоваться терминологией самого Ю. М. Лотмана [2005: 49].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Довлатов 2012 — Довлатов С. Д. Соло на IBM // Довлатов С. Д. Уроки чтения: Филологическая проза. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012. С. 99—162. [Dovlatov S. D. The IBM solo. Dvlatov S. D. *Uroki chteniya: Filologicheskaya proza*. St. Petersburg: Azbuka, Azbuka-Attikus, 2012. Pp. 99—162.]
- Лотман 2005 — Лотман Ю. М. Структура художественного текста // Лотман Ю. М. Об искусстве. Санкт-Петербург: Искусство. С. 14—281. [Lotman Yu. M. The structure of the literary text. Lotman Yu. M. *Ob iskusstve*. St. Petersburg: Iskusstvo, 2005. Pp. 14—281.]
- Anderson et al. 1984 — Anderson M., Deely J., Krampen M., Randsell J., Sebeok Th. A., von Uexküll Th. A semiotic perspective on the sciences: Steps toward a new paradigm (Toronto Semiotic Circle working paper). *Semiotica*. 1984. Vol. 52. No. 1/2. Pp. 7—47.
- Eco 1984 — Eco U. *The semiotics and the philosophy of language*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1984.

М. Б. Ташлыкова. Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013. 277 с. [M. B. Tashlykova. *Semanticheskie etyudy o «sintaksicheskoi derivatsii»* [Semantic studies on syntactic derivation]. Irkutsk: Izd-vo IGU, 2013. 277 p.]. ISBN 978-5-9624-0976-4.

Софья Юльевна Семенова

Sofia Yu. Semenova

ИНИОН РАН, Москва, 117997, Российская Федерация; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, 125993, Российская Федерация; sonya_sem@mail.ru

Institute of Scientific Information for Social Sciences, Moscow, 117997, Russian Federation; Russian State University for the Humanities, Moscow, 125993, Russian Federation; sonya_sem@mail.ru

Книга Марины Борисовны Ташлыковой посвящена проблематике, занимающей несколько обособленное положение в современной русистике, но при этом проблематике фундаментальной и постоянно сохраняющей свою актуальность — механизмам семантико-синтаксической деривации, семантике и особенностям функционирования абстрактных отадективных и отглагольных существительных.

Книга состоит из трех глав, объемлемых предисловием и заключением. Библиографический список в конце издания содержит около 100 русскоязычных и около 60 иностранных наименований.

В **первой главе** представлен довольно подробный обзор отраженных в литературе проблем и идей, связанных с деривацией абстрактных (отвлеченных) имен существительных — девербативов и деадъективов. При этом автор справедливо отмечает, что исследованию девербативов в литературе (и в зарубежной, и в отечественной) уделено большее внимание, чем изучению деадъективов — видимо, в силу устойчивых представлений о большей сложности глаголов по сравнению с прилагательными и, соответственно, в силу большего интереса к глагольной лексике. В рецензируемой книге основное внимание уделено деадъективам, а также субстантивам из «смешанных» гнезд, включающих глаголы и прилагательные.

Деривация абстрактных имен рассматривается в первой главе с позиций целого ряда направлений лингвистического анализа. Явление характеризуется с позиций трансформационного синтаксиса, изучающего, в том числе, способы перераспределения информации в тексте предложения. Образование девербатов оценивается затем с точки зрения наследования субстантивным дериватом исходных грамматических свойств мотивирующего глагола (прежде всего, модели управления), а также редукции в процессе субстантивации таких глагольных категорий, как вид, время, переходность. Отмечается, что в современный период для изучения соответствующих грамматических проблем характерен учет типологических сведений.

Далее автор отмечает, что существенное место в литературе занимают задачи семантической интерпретации производного отвлеченного имени. Она останавливается на некоторых предлагавшихся исчислениях типов значения (таксономических категорий) отвлеченных имен, главным образом отглагольных. Так, среди категорий в свое время были выделены пропозиции, факты, события, способы действия, собственно действия, свойства и некоторые другие. Характеризуются подходы Н. Хомского, З. Вендлера, Е. В. Падучевой, М. Копчевской-Тамм, П. Адамца и ряда других ученых.

В главе также уделяется внимание когнитивному ракурсу изучения производных абстрактных имен. Приводится, в частности, мысль Е. С. Кубряковой о том, что синтаксическая деривация способствует получению альтернативных способов описания одного и того же фрагмента действительности, формированию различных ментальных моделей, различных образов этого фрагмента.

Существенное место в первой главе занимает разбор теоретических концепций и конкретных лексикографических описаний отадъективных существительных. Приводятся словообразовательные форманты (*-ость* (*краткость*), *-от-* (*краснота*) и др.) и некоторые типы межчастеречных словообразовательных цепочек (*круг* → *круглый* → *округлый* → *округлость* и др.). Справедливо отмечается, что для семантической лексикографии в целом характерно отсылочное описание значений деадъективов (например, слово *сладость* в первом значении представлено в МАС как «свойство по прилагательному *сладкий* в первом значении»), при том что во многих случаях отсутствует реальное семантическое тождество и есть нарушения регулярных соответствий между значением прилагательного и значениями производного существительного.

Далее автор, переходя (в той же главе) от обзора к изложению собственных идей, характеризует некоторые семантико-синтаксические типы функционирования деадъектива — собственно атрибутивную функцию: *чистота профиля* (→ профиль чистый); импликацию пропозиции: *чувствовать усталость* (→ чувствовать, что устал); адвербиализацию: *смотреть с нежностью* (= смотреть нежно); специфически определяемую «субстантивацию», т. е. усиление предметного начала (при «уходе» носителя качества), когда «... **деадъективы называют не конкретные предметы, а понятия, явления, категории**» (с. 57; полужирный шрифт автора): *Героизм я сравнил бы с genialностью* (Ф. Искандер); «опредмечивание»: ... *старость ходит осторожно и подозрительно глядит* (А. С. Пушкин). Здесь можно заметить, что по крайней мере некоторые приведенные автором примеры «опредмечивания» являют собой случаи классических метонимических сдвигов, что можно было бы зафиксировать в тексте главы.

В конце первой главы автор пишет о необходимости более индивидуального подхода (нежели обобщенный синтаксический подход) к изучению производной субстантивной лексики, о целесообразности детального семантического исследования отдельных групп деадъективов, объединенных по тем или иным основаниям. Ранее в тексте автор приводит мысль Е. В. Урысон о том, что превалирование функционального подхода к изучению синтаксической деривации привело к практическому отсутствию исследований семантики дериватов.

Далее в книге свойства абстрактных (отвлеченных) имен, образованных от качественных прилагательных, рассматриваются на материале пространственных параметрических существительных — имен линейных размеров *глубина*, *высота*, *ширина*, вариативных форм (кодериватов) таких существительных — *глубь*, *высь*, *широта*, *ширь*, а также форм,

производных от параметрических прилагательных малого полюса — *низость, узость, мелкость, мелкота, мелочь, тонкость*. Семантике вышеназванных субстантивных дериватов пространственных параметрических прилагательных, а также описанию полисемии самих мотивирующих прилагательных посвящена **вторая глава рецензируемой монографии**.

Действительно, в соответствии с традицией в отечественной лексической семантике и в когнитивных исследованиях лексики (можно назвать таких авторов, как Ю. Д. Апресян, А. Н. Журицкий, Е. В. Рахилина) параметрические деадъективы рассматриваются в книге М. Б. Ташлыковой в соотнесении с параметрическими прилагательными. Наиболее подробно описываются адъективы *глубокий, высокий, широкий* (одни из самых полисемичных среди параметрических прилагательных); затрагиваются также прилагательные смежных линейных измерений, наиболее подробно — прилагательное *тонкий* (также отличающееся развитой полисемией), а также *толстый*.

Анализ параметрической лексики естественным образом начинается в главе 2 с пространственных, т. е. неметафоризированных, значений. Автор, в частности, критикует толкование и разбиение на лексем в МАС прилагательного *глубокий* (одного из самых сложных для лексикографического описания), предлагает свой вариант разбиения его пространственных значений.

Потом для «вертикальных» прилагательных *высокий* и *глубокий* рассматривается метонимический сдвиг к локативному значению ‘находящийся на большом расстоянии вверх/вниз от уровня отсчета’ (*высокий потолок, глубокие корни* (дерева) и т. п.). Характеризуются также метонимические сдвиги от пространственных значений прилагательных *широкий* и *тонкий* (*широкая походка, тонкий туман* и нек. др.).

Затем автор переходит к рассмотрению субстантивных дериватов данных пространственных адъективных лексем. У имен *высота* и *глубина* описываются регулярные для этой пары метонимические переходы от семантики параметра (величины) к локативным значениям ‘расстояние от/до места на шкале’: от *высота мачты* к *высота острова над уровнем моря* (употребления второго типа М. Б. Ташлыкова, вслед за Е. В. Рахилиной, называет также дистантными). Рассматриваются также значения ‘место на шкале’ (*прыгнуть с высоты*) и ‘пространство вокруг места на шкале’ (*небесные высоты, океанские глубины*). Отмечается, что последнее из приведенных локативных значений характерно и для кодериватов (*кружиться в выси* и т. п.). Для дериватов прилагательного *широкий* (*ширина, широта, ширь*) справедливо отмечается соотнесенность со зрительным восприятием характеризующих пространственных объектов.

Далее автор переходит к рассмотрению метафорических употреблений названных параметрических слов. У слова *глубина* выделяется «локативное» обозначение области метафорического пространства (*в глубине сознания, памяти* и т. п.).

Для семантического гнезда высоты указывается известная количественная метафора, имеющая особую важность для научно-технического текста — переход от сочетаний наподобие *высокое дерево/низкий забор* к сочетаниям типа *высокая/низкая скорость*. Приводятся основные параметрические существительные, для которых характерна сочетаемость с *высокий/низкий*. Отмечается, что данная метафора связана с локативной интерпретацией параметрических прилагательных (‘расстояние до места на шкале’). Подчеркивается фактическое отсутствие соотносительной субстантивной лексемы (действительно, имеющийся в МАС пример *высота давления* представляется устаревающим).

С помощью корпусного материала подробно исчисляются группы имен, сочетающихся с метафорическими употреблениями прилагательных *широкий* и *узкий* (*широкая публика, в узком смысле* и др.). Показано, что сочетаемость с данными прилагательными обуславливается количеством охватываемых объектов, а в ряде случаев мерой гетерогенности объектов. Указывается на регулярность транспозиции от прилагательного к существительному (*широкий интерес — широта интересов*). Для имени *узость* отмечается тип употребления с относительными прилагательными социальной семантики, воплощающий идею замкнутости (*классовая узость*).

Для гнезда высоты рассматривается метафорический перенос от пространственной сферы к социальной иерархии, с дополнительными метонимическими преобразованиями локативного плана (*высокий пост, командные высоты, высота положения* и т. п.). Выделяется так называемая «стадиальная» метафора, связанная с развитием характеризуемого объекта во времени (*высокая квалификация* — ‘квалификация, достигнутая в результате долгого обучения и совершенствования’).

Подробно рассматриваются метафорические употребления слов с семантикой глубины; предлагаются объяснения (с когнитивной точки зрения) таких примеров, как *глубокая тоска, глубокий сон, глубокие противоречия*. Отмечен случай, когда эмоция ощущается как контейнер, в который погружается сознание (*впасть в глубокую депрессию, из глубин греха*).

Рассматривается также «качественная» метафора, связанная с выражением идей «дистантной» приподнятости над повседневностью (*высота духа*), большой «вместимости» внутреннего мира человека (*глубина натуры*), способности принять достаточный диапазон разных точек зрения (*широта души*). Качественная метафора проявляется как результат десемантизации собственно количественных отношений.

Весьма интересен представленный в конце второй главы анализ тех параметрических слов, которые исходно связаны с малым полюсом измерительной шкалы. Рассматривается ряд антонимичных пар: *высокий* — *низкий*, *высота* — *низость*, *глубокий* — *мелкий*. Ценно детальное исчисление метафорических значений прилагательного *тонкий* (*тонкий слух, тонкий юмор* и др.) и объяснение путей семантической деривации для этого прилагательного. Далее кратко характеризуются деадъективы малого полюса, у них, в частности, отмечаются предметные значения и значения, тяготеющие к предметной концептуализации: *мелочи* (мелкие предметы), *тонкости* (особые обстоятельства), *низости* (неэтичные поступки).

Проведенный во второй главе анализ параметрической адъективной и производной субстантивной лексики представляется большим достоинством монографии. Тонкость рассмотрения семантических переходов, опора на богатый корпусный материал делают этот раздел книги ошутимой вехой в развитии русской лингвистической параметрики.

Можно отметить и некоторые недостатки предложенного рассмотрения параметрических слов.

Так, в начале второй главы было бы желательно привести дефиниции параметрических слов как семантических понятий. Определения позволили бы уточнить, **что** автор подразумевает под параметрическим значением. В русистике традиционно для прилагательных под параметрическим значением понимается количественное значение большого / малого полюса, а для существительных — обозначение самой величины (как математической функции).

Также было бы полезно отметить, что обозначение параметров (величин) не является исходным значением рассматриваемых деадъективов. Исходны именно соотносительные значения (значения большого полюса), которые проявляются, например, в контекстах эмоционального восприятия: *удивляться глубине колодца* = ‘удивляться тому, что колодец глубокий’; подобные контексты автор приводит в первой главе (с. 49) для непараметрических имен. Вообще большинство субстантивных параметрических лексем являются семантически производными (результатами метонимического сдвига) от обозначений более простых сущностей: *радиус* (параметр) есть дериват от *радиуса* — фигуры, *давление* (параметр) — дериват от обозначения физического явления и т. д. У отадъективных параметрических существительных (морфологически наиболее регулярной группы среди имен параметров), таких как *вязкость, скорость, мощность* и др., все собственно параметрические лексемы семантически производны от субстантивных лексем, соотносительных с прилагательными большого полюса. Собственно параметрическое значение первично лишь у некоторых (заимствованных) имен, изначально употреблявшихся как термины измерения в сфере научных и научно-практических задач: *температура, периметр* и нек. др. [Семенова 2012].

Также, на наш взгляд, исследование полисемии и процессов деривации параметрических слов было бы более полным, если бы в рассмотрение были включены однокоренные наречия (*высоко, глубоко, широко* и т. п.). Ведь именные сочетания типа *глубина бурения* можно рассматривать как регулярные дериваты глагольных групп (*глубоко бурить*). Некоторый

намек на это есть в тексте: например, на с. 77 отмечается, что *глубокие корни* — это корни, которые расположены *глубоко*, на с. 90 упоминаются наречия *близко, далеко, вблизи* и др., но систематически наречия не включены в деривационные схемы. На роль наречий в развитии производных значений параметрических существительных указывали (в устных замечаниях) Р. Грегорицкова и Г. И. Кустова, см. также [Семенова 2014].

Можно отметить некоторую рыхлость композиции второй главы. Например, описание метафоризированных локативных употреблений *в глубине сознания* и т. п. (с. 94—98) можно было отнести к следующему разделу, посвященному метафорическим значениям. Учитывая насыщенность второй главы, многоаспектность ее материала, неоднократную характеристику (с разных сторон) одних и тех же (параметрических) слов, эту главу для облегчения чтения можно было снабдить отдельной вводной частью, описывающей ее структуру.

Третья глава представляет собой ряд детальных семантико-синтаксических описаний словообразовательных гнезд, в которые входит глагольная, производная от нее адъективная и субстантивная лексика. Из субстантивной лексики (в рамках своих гнезд) рассматриваются имена *привычка, привычность; пристрастие, пристрастность; подражание, подражательство, подражательность; случай, случайность*. Композиционно третья глава складывается из серии очерков, каждый из которых посвящен одному словообразовательному гнезду.

Для каждого гнезда описание начинается с характеристики актантной структуры и семантики (с разбиением на лексемы) мотивирующего глагола (*привыкнуть; пристрастить, пристраститься; подражать; случиться, случаться*). При описании этих семантически сложных глаголов автор в существенной мере опирается на идеи Ю. Д. Апресяна, Е. В. Падучевой, Т. В. Булыгиной и А. Д. Шмелева, А. Вежицкой, некоторых других исследователей. Затем в естественном с этимологической точки зрения порядке характеризуются синтаксические дериваты — прилагательные (*привычный, пристрастный, подражательный, случайный*) и существительные (см. выше).

При анализе синтаксически производных слов в центре внимания автора находятся вопросы наследования дериватом моделей управления глаголов, транспозиции участников в другие грамматические формы. Например, переход участника в форму синтаксического хозяина прилагательного-деривата; ср. выделенные автором субъектно vs. объектно ориентированные употребления прилагательного *привычный*: *привычный к опасности народ vs. привычные хлопоты*. Анализ нацелен также на выявление функций производных слов в коммуникативной организации тех предложений, которые описывают факты привычки, подражания, пристрастности, случайности. Например, автор отмечает, что слово *подражание* «выводит субъект из коммуникативного фокуса на периферию или в позицию За кадром, сосредоточивая внимание на объекте: *Визбор в эти годы тоже подражал Хемингуэю ↔ Подражание Хемингуэю коснулось в эти годы и Визбора* (Субъект на периферии ⟨...⟩)⟨...⟩ ↔ *В эти годы ⟨...⟩ вошло в моду подражание Хемингуэю* (Субъект за кадром ⟨...⟩)» (с. 226, цитируется с сокращениями). Очевидно, что при исследовании данного гнезда автор в существенной степени опирается на коммуникативную теорию лексического значения предикатных лексем, предложенную Е. В. Падучевой. При наличии кодериватов («деривационной избыточности») М. Б. Ташлыкова, характеризуя семантику этих кодериватов, стремится к выявлению различий в их коммуникативных функциях при описании пристрастности, подражания и т. п. С тематической точки зрения особо ценным представляется анализ семантики случайности, который можно рассматривать как вклад в параметрику, а именно, в исчисление способов выражения параметра «вероятность».

Говоря о третьей главе, при всем богатстве рассматриваемого корпусного материала, при всей тщательности, структурированности и глубине семантико-синтаксического анализа, можно отметить и некоторую компилятивность содержания, некоторую разностильность анализа разных гнезд, обусловленную не только спецификой материала, но и опорой на проблематику исследований представителей разных школ.

Говоря о монографии в целом, можно указать на некоторые (несущественные!) неточности в формулировках, в представлении материала. Например, очевидно, что под

номинализацией автор понимает не просто «процесс и результат синтаксической деривации», а процесс и результат синтаксической деривации **существительных** (с. 12). Или, обсуждая модель «привычка + inf» (*привычка опаздывать*), автор, очевидно, имеет в виду, что глагол обычно имеет форму несовершенного вида, а в тексте указано «инфинитив обычно имеет форму совершенного вида <...>» (с. 176). Среди классов объектов пристрастия указывается класс лиц; между тем в примере речь идет о пристрастии Татьяны Лариной не к личности, а к произведениям Руссо, и фамилия любимого Татьяной писателя употребляется как результат метонимического сдвига (с. 184). Не вполне удачными для научного стиля представляются некоторые эмоциональные формулировки, например «В содержательном отношении объектом пристрастия может быть все, что угодно <...>» (с. 183.), «<...> субъект пристрастия может быть обозначен самыми разными способами <...>» (с. 186). Не вполне корректно говорится об использовании «лексических баз данных», ведь далее приводится не материал баз данных, а корпусный материал (с. 117 и др.). Не всегда непосредственно по тексту можно определить источник толкований — являются ли толкования авторскими или цитируемыми (например, толкования глаголов *пристрастить* и *пристраститься* на с. 182). В конце книги нет списка сокращений. После литературных корпусных примеров приводятся фамилии, но не приводятся инициалы писателей (например, «Толстой» на с. 239), что нарушает определенный канон и формально не позволяет различать писателей-однофамильцев.

Впрочем, высказанные замечания не умаляют научной ценности книги, которая изобилует богатым и глубоким материалом, интересными наблюдениями и отражает вклад автора в семантику синтаксиса, в лексическую семантику, в разработку таких разделов, как семантический анализ параметрической лексики и анализ сложных отглагольных словообразовательных гнезд.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Семенова 2012 — Семенова С. Ю. Русское имя параметра: метафорические и метонимические процессы // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог» (Бекасово, 30 мая — 3 июня 2012 г.). Вып. 11 (18). Т. 1. М.: Изд-во РГГУ, 2012. С. 568—577.
- Семенова 2014 — Семенова С. Ю. К построению межчастеречных описаний полисемии русских параметрических слов на основе этимологического принципа // Шестая международная конференция по когнитивной науке: Тезисы докладов. Калининград, 23—27 июня 2014 г. Калининград: МАКИ, 2014. С. 545—546.

W. J. M. Levelt. A history of psycholinguistics: The pre-Chomskyan era. New York: Oxford University Press, 2013. 672 p. ISBN 978-0-19-965366-9*.

Ольга Викторовна Федорова

Olga V. Fedorova

МГУ имени М. В. Ломоносова, Москва, 119991, Российская Федерация; Институт языкознания РАН, Москва, 125009, Российская Федерация; olga.fedorova@msu.ru

Lomonosov Moscow State University, Moscow 119991, Russian Federation; Institute of Linguistics, Russian Academy of Sciences, Moscow, 125009, Russian Federation; olga.fedorova@msu.ru

В последние два десятилетия в научном мире наблюдается заметное повышение интереса к психолингвистической проблематике. Это касается и чисто научной составляющей, и учебной, и научно-популярной. Не обошла эта тенденция стороной и отечественную психолингвистику: у нас открываются новые научные центры, издаются новые учебники, появляются

* Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ (проект № 14-18-03819). Автор выражает благодарность А. А. Кибрику за критические замечания, высказанные при подготовке настоящей рецензии.

новые учебные курсы. Поскольку учебные курсы по психолингвистике преподаются еще не так долго, их содержание сильно варьирует от лектора к лектору, от учебника к учебнику. Однако слова вступительной лекции, посвященной истории психолингвистики, всегда звучат удивительно одинаково, например: «Психолингвистика — наука довольно молодая. В нашей стране и за рубежом она возникла примерно в одно и то же время, в конце 50-х — начале 60-х годов 20-го века» [Горелов, Седов 2001: 4]; «Психолингвистика как наука оформилась в начале 50-х гг. нашего века» [Залевская 1999: 12]; «Как отдельная наука она возникла в 1953 году в результате межуниверситетского семинара» [Леонтьев 1997: 22]; «Психолингвистика — наука, возникшая сравнительно недавно, в начале 50-х гг. прошлого столетия» [Глухов 2005: 3].

Аналогичные слова можно найти и в западных учебниках, ср. два примера из коллекции В. Лефельта: «With psycholinguistics in its fifth decade of existence», «Psycholinguistics is a young and fast changing science» (с. vi).

Конечно, почти все так или иначе слышали о существовании психологизма в языкознании, а также о зонах Брока и Вернике, однако непосредственно с историей психолингвистики это обычно не связывается — мы исходим из того, что в 1950-х гг. образовалась некая совершенно новая наука. В книге «История психолингвистики» Лефельт убедительно показывает, что это не так — психолингвистика как наука возникла не на заре «когнитивной революции» середины 1950-х гг., а задолго до этого.

Виллем (Пим) Лефельт (род. в 1938 г. в Амстердаме) — выдающийся современный психолингвист, основатель (в 1980 г.) и многолетний директор Института психолингвистики Общества Макса Планка в Неймегене (Max Planck Institute for Psycholinguistics). Получив степень PhD по психологии в Лейденском университете в 1965 г., он работал в нескольких американских университетах, в том числе в Гарварде с Дж. Миллером и Дж. Брунером, в университете Иллинойса с Ч. Осгудом и в Принстоне с Дж. Кэрроллом. В 1971 г. Лефельт вернулся в Нидерланды. В те годы среди нидерландских ученых еще не было принято публиковаться в англоязычных журналах и делать доклады по-английски. Пим Лефельт был одним из тех, кто убедил коллег в необходимости сделать английский языком научного общения, тем самым выведя нидерландскую лингвистику на международный уровень. Его книга «Speaking: From intention to articulation» [Levelt 1989] до сих пор остается одной из самых читаемых и цитируемых как среди психолингвистов, так и среди лингвистов, интересующихся механизмами порождения речи.

Термин «психолингвистика» (psycholinguistics) был введен Дж. Кантором в 1936 г. в книге «An objective psychology of grammar» [Kantor 1936], но оставался малоизвестным до 1946 г., пока его ученик Н. Пронко не опубликовал статью под названием «Language and psycholinguistics: A review» [Pronko 1946]. Между тем термин «психология языка» (psychology of language) активно использовался с конца XIX в. Центральная мысль книги Лефельта состоит в том, что «психолингвистика есть не что иное, как психология языка» (с. 1; перевод мой — О. Ф.). Лефельт предлагает такую периодизацию психолингвистики: ее корни можно найти уже в работах конца XVIII в., с конца XIX в. она становится сложившейся научной дисциплиной, а в первой половине XX в. наблюдается ее бурный рост и расцвет. В 1950-х гг., однако, происходит резкая смена парадигмы — Н. Хомский и Дж. Миллер заменяют традиционную психологию языка новой генеративной психолингвистикой, которая в первые годы своего существования тестирует «психологическую реальность» трансформационной грамматики, а затем постепенно превращается в самостоятельную науку со своей собственной научной базой. Книга Лефельта имеет подзаголовок «Дохоумскианская эра», или, кратко, «Psycholinguistics BC», а водораздел проходит по известной книге Б. Скиннера «Verbal behavior» [Skinner 1957] — по Лефельту, сама книга еще принадлежит к традиционной психологии языка, а рецензия на эту книгу Н. Хомского, написанная в 1959 г., — уже нет.

В соответствии с предложенной периодизацией «История психолингвистики» Лефельта состоит из четырех частей, довольно сильно отличающихся друг от друга по объему. Короткая вводная часть включает одну главу под названием «1951», в которой описываются ключевые события 1951 г., ставшего переломным в истории психолингвистики. Во второй части

(главы 2—6) автор рассказывает о зарождении психологии языка начиная с 1770 г. до начала XX в. Наиболее объемная третья часть (главы 7—14) посвящена описанию расцвета психологии языка в первой половине XX в. Наконец, в небольшой четвертой части (глава 15) Лефельт вновь возвращается к середине XX в. и описывает состояние дел в области психологии языка непосредственно накануне «хомскианской революции». Как пишет сам автор, первая и последняя части книги образуют своеобразный сэндвич, внутрь которого вложена начинка в виде почти двухсотлетней истории психолингвистических исследований (с. 1).

Первая глава «1951» представляет собой рассказ о трех эпохальных событиях, состоявшихся в тот год и во многом предопределивших «когнитивную революцию» середины 1950-х гг. Первое из них — Междисциплинарный летний семинар по психологии и лингвистике, проходивший в Корнелльском университете с 18 июня по 10 августа. Ключевой фигурой этого семинара стал Джон Кэрролл (1916—2003), биография которого изобилует встречами с известными людьми того времени. Еще будучи четырнадцатилетним подростком, Кэрролл попал на публичную лекцию Бенджамина Уорфа (1897—1941), в то время аспиранта Эдварда Сепира (1884—1939). Случайная встреча переросла в многолетнюю совместную работу. Уорф познакомил молодого Кэрролла с Сепиром, который посоветовал ему заняться психологией языка — на взгляд Сепира, это сулило большие возможности, чем лингвистическая типология. Поступив в аспирантуру университета Миннесоты, Кэрролл стал первым аспирантом Берреса Скиннера (1904—1990), который, в свою очередь, познакомил Кэрролла с Джорджем Ципфом (1902—1950). Приняв в 1950 г. предложение фонда Карнеги исследовать состояние дел в современной лингвистике, Кэрролл за год объехал всю страну, взяв интервью у многих известных лингвистов. Его отчет содержал рекомендации развивать новое направление «Language psychology», которое он сам успешно воплотил в жизнь, получив грант на проведение в 1951 г. междисциплинарного семинара. Кроме самого Кэрролла, в работе семинара приняли участие Чарльз Осгуд (1916—1991), Р. Соломон, Т. Себеок и др. По итогам семинара было объявлено о создании Комитета по лингвистике и психологии, который возглавил Ч. Осгуд. Второй междисциплинарный семинар, прошедший летом 1953 г. в университете Индианы, завершился изданием в 1954 г. коллективной монографии «Psycholinguistics: A survey of theory and research problems» под редакцией Осгуда и Себеока [Osgood, Sebeok 1954].

Второе важное событие 1951 г. — выход в свет книги Миллера «Language and communication» [Miller 1951]. Джордж Миллер (1920—2012) не принимал участие в летнем семинаре 1951 г., однако идеи этих проектов во многом перекликались. Буквально через несколько лет Миллер станет ключевой фигурой новой генеративной психолингвистической науки.

Наконец, третьим эпохальным событием 1951 г. Лефельт считает выход статьи Карла Лешли (1890—1958) «The problem of serial order in behavior» [Lashley 1951], в которой была предпринята первая серьезная атака на господствовавший в то время бихевиористский подход.

Вторая глава «Inventing a psychology of language» описывает самые первые работы в этой области. По мнению Лефельта, корни психологии языка идут из 1770 г., когда Иоганн Готфрид Гердер (1744—1803) представил работу «Abhandlung über den Ursprung der Sprache» [Herder 1772] Прусской академии наук. Также в этой главе упоминаются имена Вильгельма фон Гумбольдта (1767—1835), Чарльза Дарвина (1809—1882), Августа Шлейхера (1821—1868) и Хеймана Штейнталя (1823—1889). Подробные биографии большей части этих авторов русскоязычный читатель может найти в хрестоматии В. А. Звезгинцева [1964—1965] и учебнике В. М. Алпатова [2005].

В третьей главе «From bumps to diagrams: Tracing language in the brain» содержится описание важнейших открытий и теорий XIX в., повлиявших на становление современной нейролингвистики. Из раздела, посвященного Францу Галлю (1758—1828), известному австрийскому врачу и анатому, создателю так называемой френологии — учения об узкой локализации психических функций в изолированных участках мозга, мы узнаем о том, что сам он не любил термин «френология», который ввел в обиход один из его молодых помощников Иоганн Шпурцгейм, а называл свое учение физиогномикой (с. 54). Раздел, посвященный

Марку Даксу (1771—1837), содержит малоизвестный факт о том, что еще в 1836 г. он написал небольшую статью о локализации речевой функции в левом полушарии мозга, однако опубликована она была только в 1865 г. [Dax 1865] (с. 60). Данная глава содержит также биографии таких мэтров нейронауки, как Поль Брока (1824—1880) и Карл Вернике (1848—1905).

Четвертая глава «Language acquisition and the diary explosion» посвящена первым исследованиям в той области, которая теперь называется усвоением языка (first language acquisition). Оказывается, что дневниковые записи первых детских слов и высказываний ведут свою историю с XVI в., а первые научные публикации в периодическом журнале принадлежат Ипполиту Тейну (1828—1893) и Ч. Дарвину, опубликовавшим свои статьи в журнале «Mind» в одном и том же 1877 г. с разницей в несколько месяцев [Taine 1877; Darwin 1877]. Интересно также, что еще в XVIII в. исследователи обратили внимание на то, что детские жесты появляются раньше первых детских слов, а потом обязательно сопровождают первые детские высказывания (с. 116).

В пятой главе «Language in the laboratory and modeling microgenesis» содержится обзор экспериментальных исследований языка XIX в. Вопреки ожиданиям, точность измерений приборов, которые конструировали первые экспериментальные психолингвисты, была весьма высокой. Особенно поражает воображение совместная психометрическая работа нидерландского исследователя Франциска Дондерса (1818—1889) и его ученика Иоганна де Ягера (1839—1887) по измерению времени реакции при помощи созданного ими фоноавтографа (с. 128). Далее в главе описываются известные исследования памяти Германа Эббингауза (1850—1909), классификация речевых ошибок Рудольфа Мерингера (1859—1931), а также первые попытки описания движений глаз при чтении. Отдельного упоминания заслуживает тот факт, что популярная в наши дни парадигма изучения прайминг-эффектов была использована в диссертации Уолтера Пилсбери (1872—1960), написанной еще в 1897 г. [Pillsbury 1897].

В шестой главе «Wilhelm Wundt's grand synthesis», завершающей вторую часть книги, Лефельт подробно описывает биографию Вильгельма Вундта (1832—1920) — пожалуй, самой значительной фигуры во всей психолингвистической предыстории. Как пишет Лефельт, двухтомный труд Вундта «Die Sprache», вышедший в 1900 г. [Wundt 1900], подвел черту под этапом формирования психологии языка (с. 165).

Седьмая глава «New perspectives: Structuralism and the psychology of imageless thought» переносит нас в Европу начала XX в. В этой главе Лефельт рассказывает о развитии идей Фердинанда де Соссюра (1857—1913), а также о Карле Бюлере (1879—1963), более подробно об этом см. в [Звегинцев 1964—1965] и [Алпатов 2005]. Любопытна история Шарлотты Малаховски-Бюлер (1893—1974) — первой женщины, защитившей диссертацию по экспериментальной психолингвистике, а вскоре после этого ставшей женой К. Бюлера.

Восьмая глава «Verbal behavior» повествует об американском бихевиоризме — научном течении, отрицавшем психологический дуализм сенсомоторной реальности и сознания и признававшим только наблюдаемое поведение. Один из разделов этой главы посвящен Джону Уотсону (1878—1958), который ввел в научный обиход сам термин «бихевиоризм», опубликовав в 1913 г. в журнале «Psychological Review» манифест под названием «Psychology as the behaviorist views it» [Watson 1913]. В последующих разделах Лефельт обсуждает биографии и научные работы Леонарда Блумфильда (1887—1949), Зеллига Харриса (1909—1992) и его студента Ноама Хомского (род. в 1928 г.), Джейкоба Кантора (1888—1984), Б. Скиннера и Ч. Осгуда.

Девятая глава «Speech acts and functions» возвращает нас обратно в Европу. В этой главе Лефельт продолжает начатый в главе 7 рассказ о К. Бюлере, а также описывает работы Алана Гардинера (1879—1963).

Десятая глава «Language acquisition: Wealth of data, dearth of theory» продолжает повествование об истории развития исследований в области усвоения языка, начатое в главе 4. Из этой главы мы узнаем о книге «Die Kindersprache», написанной Кларой

(1878—1945) и Уильямом (1871—1938) Штернами [Stern C., Stern W. 1907]; как пишет Лефелът, бытовавшие в XIX в. спорадические дневниковые записи были заменены на более объективную картину, в которой данные были отделены от их интерпретации. Другой интересный раздел посвящен Ивану Георгову (1862—1936) — первому крупному болгарскому исследователю детской речи. В этой главе можно также найти биографии Жана Пиаже (1896—1980), Льва Семеновича Выготского (1896—1934), Александра Николаевича Гвоздева (1892—1959) и многих других исследователей детской речи первой половины XX в.

Одиннадцатая глава «Language in the brain: The lures of holism» открывается подробным описанием «афатических дебатов», состоявшихся в Париже летом 1908 г. основными действующими лицами которых были два известных профессора медицины Парижского университета Жозеф Дежерин (1849—1917) и Пьер Мари (1853—1940). Последующие разделы посвящены К. Вернике и его ученикам, российско-швейцарскому нейропсихологу Константину фон Монакову (1853—1930), немецкому психиатру и невропатологу Карлу Клейсту (1879—1960), английскому неврологу и нейропсихологу Генри Хэду (1861—1940), автору двухтомника «Aphasia and kindred disorders of speech» [Head 1926], Роману Осиповичу Якобсону (1896—1982), Александру Романовичу Лурия (1902—1977) и др.

Рассматривая в главах 7—11 развитие в XX в. психолингвистических теорий и методов, Лефелът отмечает большой прогресс по сравнению с идеями XIX в. В двенадцатой главе «Empirical studies of speech and language usage», однако, он пишет, что по отношению к ключевым вопросам психолингвистики, связанным с порождением и пониманием речи, этот кумулятивный эффект оказывается не так велик; скорее, можно говорить о некоторой мозаике из интересных частных исследований. К наиболее значительным новым явлениям первой половины XX в. в этой области Лефелът относит статистический подход Дж. Циффа, а также новые подходы к исследованию памяти Дж. Миллера и его коллег (отметим в скобках, что, на наш взгляд, в этой главе незаслуженно мало внимания уделено Фредерику Бартлетту (1886—1969) и его книге «Remembering» [Bartlett 1932]). Большой прогресс также был достигнут в области изучения движений глаз при чтении. Наконец, нельзя не отметить диссертацию Джона Струпа (1897—1973), защищенную им в 1933 г., а в 1935 г. изданную в виде журнальной статьи [Stroop 1935]. С тех пор эффектом Струпа называют задержку времени реакции при чтении слов-цветообозначений, цвет написания которых не совпадает с их значением. Отметим еще один малоизвестный факт. Герберт Кларк, один из ведущих современных психолингвистов, в 1986 г. опубликовал статью, в которой впервые, как считается, использовал китайскую головоломку «танграммы» [Clark, Wilkes-Gibbs 1986]. Как он сам пишет, эту идею во время его визита в Россию ему подсказала А. В. Беляева. Оказывается, однако, что китайские танграммы были использованы в научных целях Эрвином Эспером (1895—1972) еще в 1933 г. [Esper 1933].

В тринадцатой главе «A new cross-linguistic perspective and linguistic relativity» основное внимание Лефелът уделяет гипотезе лингвистической относительности Сепира — Уорфа, подробно описывая как саму гипотезу, так и биографии ее авторов. Также в этой главе можно найти истории об Эрике Леннеберге (1921—1975) с его классической книгой «Biological foundations of language» [Lenneberg 1967] и о Роджере Брауне (1925—1997), получившем известность благодаря книгам «Words and things» [Brown 1958] и особенно «A first language» [Brown 1973], на долгие годы ставшей бестселлером.

Четырнадцатая глава «Psychology of language during the Third Reich» описывает немецкую психолингвистику времен Третьего рейха. Особое место в ней занимает рассказ об истории проведения очередного конгресса Немецкого психологического общества, который первоначально должен был состояться в Дрездене в апреле 1933 г. Однако после того, как 30 января 1933 г. в Германии к власти пришел Гитлер, конгресс был перенесен на октябрь в Лейпциг, а состав его оргкомитета существенно «очистился». Большинство видных психолингвистов покинули страну, многие из них осели в США (в том числе супруги Штерн, Эрнст Кассирер (1874—1945) и многие другие). К. Бюлер эмигрировал в США в 1938 г. после аншлюса Австрии.

В заключительной пятнадцатой главе «Psycholinguistics post-war, pre-Chomsky» — единственной главе четвертой части книги — повествуется о послевоенной психолингвистике дохромосомной эпохи. В то время как послевоенная европейская наука практически пребывала в руинах (в качестве исключения Лефельт отмечает работы А. Р. Лурия по реабилитации пациентов с различного рода афазиями), ученым англосаксонского психолингвистического мира удалось добиться существенного прогресса сразу в нескольких областях. Лефельт упоминает в связи с этим исследования Алана Тьюринга (1912—1954), работы Клода Шеннона (1916—2001) «A Mathematical theory of communication» [Shannon 1948], книгу Норберта Винера «Cybernetics: Or control and communication in the animal and the machine» [Wiener 1948]. Как заключает Лефельт, эти исследования заложили фундамент для развития той новой психолингвистики, которая возникнет через несколько лет с наступлением когнитивной революции.

Такая объемная книга не может быть совсем свободной от недостатков. Понятно, что российский читатель в первую очередь замечает те недочеты, которые связаны с отечественными авторами. Приведем несколько таких примеров. В книге ни разу не упоминается имя Александра Афанасьевича Потемби (1835—1891), чья книга «Мысль и язык» [1862], несомненно, имеет прямое отношение к истории психолингвистики. Также оказался забыт один из основателей Казанской лингвистической школы Василий Алексеевич Богородицкий (1857—1941), в «Лекциях по общему языковедению» [1915] которого можно найти много интересных наблюдений, посвященных усвоению языка ребенком. В то же время Иван Александрович Бодуэн де Куртенэ (1854—1929) упоминается в книге несколько раз, однако Лефельт считает его исключительно польским ученым, не проводя связи с Казанской школой. Наконец, наиболее курьезный случай связан с фамилией Леонтьева. На с. 409 Лефельт пишет, что Лурия вместе с Выготским и Леонтьевым составили тройку ученых, которые основали новую советскую психологическую школу. В сноске к фамилии Леонтьева он правильно указывает даты жизни Алексея Николаевича Леонтьева (1903—1979), но далее приводит ссылку на книгу «Язык, речь, речевая деятельность», изданную на русском языке в 1969 г. [Леонтьев 1969], а в 1971 г. переведенную на немецкий [Leontiev 1971]. На самом деле эта книга принадлежит перу одного из самых известных отечественных психолингвистов Алексея Алексеевича Леонтьева (1936—2004), сына Алексея Николаевича.

«Историю психолингвистики» Лефельта можно рассматривать и в еще одном, несколько неожиданном, ракурсе. Как уже было отмечено в первых строках рецензии, содержание учебного курса и учебника по психолингвистике сильно варьирует от автора к автору. Некоторые рассматривают психолингвистику максимально узко, ограничиваясь только теми разделами, которые имеют отношение к порождению и пониманию речи здоровыми взрослыми носителями языка. Другие включают в учебник/учебный курс разделы, посвященные патологии речи, но не включают разделы про усвоение языка. Третьи, наоборот, включают разделы про усвоение языка, но не включают нейролингвистику. Наконец, максимально широкое понимание психолингвистики побуждает авторов описывать также освоение иностранного языка, этнопсихолингвистику, психолингвистику межличностного общения и под. Если мы соглашаемся с Лефельтом в том, что современная психолингвистика является непосредственным развитием психологии языка, которая с конца XIX в. занимается проблемами экспериментальной, возрастной и патопсихологии языка, то кажется логичным включать в учебники и учебные курсы именно эти разделы. Таким образом, мы приходим к определению психолингвистики как науки, изучающей процессы порождения и понимания речи в их функционировании, становлении и распаде.

Подведем итоги. Эту книгу нелегко прочесть от корки до корки, по насыщенности конкретными фамилиями, фактами и датами она напоминает энциклопедию. По словам известного психолингвиста Дэна Слобина, книга Лефельта включает не «все, что вы хотели знать о психолингвистике», а скорее «все, что было сделано в психолингвистике, о чем вы даже и не знали». Сам Лефельт полагает, что ее удобнее читать по частям. Например, преподавателям и студентам курса усвоения языка можно рекомендовать прочтение 4-й и 10-й глав, слушателям

курса нейролингвистики — 3-й и 11-й глав, курса истории экспериментальной психолингвистики — 5-й и 12-й глав. Тем не менее, как пишет в своей рецензии не менее известный психолингвист Стивен Пинкер, «каждый исследователь языка должен прочесть эту книгу».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Алпатов 2005 — Алпатов В. М. История лингвистических учений. М.: Языки славянской культуры, 2005.
- Богородицкий 1915 — Богородицкий В. А. Лекции по общему языковедению. Казань: Типо-литография Императорского ун-та, 1915.
- Глухов 2005 — Глухов В. П. Основы психолингвистики. М.: Астрель, 2005.
- Горелов, Седов 2001 — Горелов И. Н., Седов К. Ф. Основы психолингвистики. М.: Лабиринт, 2001.
- Залевская 1999 — Залевская А. А. Введение в психолингвистику. М.: РГГУ, 1999.
- Звегинцев 1964—1965 — Звегинцев В. А. История языкознания XIX и XX веков в очерках и извлечениях: В 2-х частях. М.: Гос. учеб.-пед. изд-во Министерства просвещения РСФСР, 1964 (Ч. 1); 1965 (Ч. 2).
- Леонтьев 1969 — Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М.: Просвещение, 1969.
- Леонтьев 1997 — Леонтьев А. А. Основы психолингвистики. М.: Смысл, 1997.
- Потебня 1862 — Потебня А. А. Мысль и язык. СПб., 1862.
- Bartlett 1932 — Bartlett F. C. *Remembering. A study in experimental and social psychology*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1932.
- Brown 1958 — Brown R. *Words and things*. Glencoe (IL): The Free Press, 1958.
- Brown 1973 — Brown R. *A first language. The early stages*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1973.
- Chomsky 1959 — Chomsky N. Review of B. F. Skinner. Verbal behavior. *Language*. 1959. Vol. 35. Pp. 26—58.
- Clark, Wilkes-Gibbs 1986 — Clark H. H., Wilkes-Gibbs D. Referring as a collaborative process. *Cognition*. 1986. Vol. 22(1). Pp. 1—39.
- Darwin 1877 — Darwin C. A biographical sketch of an infant. *Mind*. 1877. Vol. 2. Pp. 285—294.
- Dax 1865 — Dax M. Lésions de la moitié gauche de l'encéphale coïncident avec l'oubli des signes de la pensée. — Lu au Congrès méridional tenu à Montpellier en 1836, par le docteur Marc Dax. *Gazette hebdomadaire de médecine et de chirurgie*. 1865. No. 17. Pp. 259—260.
- Donders 1865 — Donders F. C. Over de snelheid der gedachte en der wilsbepaling: Voorloopige mededeling. *Nederlandsch archief voor genees- en natuurkunde*. 1865. Vol. 1. Pp. 518—521.
- Esper 1933 — Esper E. A. Studies in linguistic behavior. I. Characteristics of unstable verbal reactions. *Journal of general psychology*. 1933. Vol. 8. Pp. 346—381.
- Head 1926 — Head H. *Aphasia and kindred disorders of speech*. In 2 vols. London: Cambridge Univ. Press, 1926.
- Herder 1772 — Herder J. G. *Abhandlung über den Ursprung der Sprache*. Berlin: Voss, 1772.
- Kantor 1936 — Kantor J. R. *An objective psychology of grammar*. Bloomington: Principia Press, 1936.
- Lashley 1951 — Lashley K. S. The problem of serial order in behavior. *Cerebral mechanisms in behavior*. Jeffress L. A. (ed.). New York: John Wiley & Sons, 1951. Pp. 112—136.
- Lenneberg 1967 — Lenneberg E. H. *The biological foundations of language*. New York: John Wiley & Sons, 1967.
- Leontiev 1971 — Leontiev A. *Sprache — Sprechen — Sprechfähigkeit*. Stuttgart: Kohlhammer, 1971.
- Levelt 1989 — Levelt W. J. M. *Speaking: From intention to articulation*. Cambridge (MA): MIT Press, 1989.
- Miller 1951 — Miller G. A. *Language and communication*. New York: McGraw — Hill, 1951.
- Osgood, Sebeok 1954 — Osgood C. E., Sebeok T. A. *Psycholinguistics. A survey of theory and research problems*. Bloomington: Indiana Univ. Press, 1954.
- Pillsbury 1897 — Pillsbury W. B. A Study of apperception. *American journal of psychology*. 1897. Vol. 8. Pp. 315—393.
- Pronko 1946 — Pronko N. H. Language and psycholinguistics. *Psychological Bulletin*. 1946. Vol. 43. Pp. 189—239.
- Shannon 1948 — Shannon C. E. A mathematical theory of communication. *Bell System technical journal*. 1948. Vol. 27. Pp. 379—423, 623—656.
- Skinner 1957 — Skinner B. F. *Verbal behavior*. Acton (MA): Copley Publishing Group, 1957.
- Stern C., Stern W. 1907 — Stern C., Stern W. *Die Kindersprache: Eine psychologische und sprachphonetische Untersuchung*. Leipzig: J. A. Barth, 1907.
- Stroop 1935 — Stroop J. R. Studies of interference in serial verbal reactions. *Journal of experimental psychology*. 1935. Vol. 28. Pp. 643—662.
- Taine 1877 — Taine H. Acquisition of language by children. *Mind*. 1877. Vol. 2. Pp. 252—259.
- Watson 1913 — Watson J. B. Psychology as the behaviorist views it. *Psychological review*. 1913. Vol. 20. Pp. 158—177.
- Wiener 1948 — Wiener N. *Cybernetics: Or control and communication in the animal and the machine*. Paris: Hermann & Cie, 1948.
- Wundt 1900 — Wundt W. *Die Sprache*. In 2 vols. Leipzig: Engelmann, 1900.

*НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ / ACADEMIC LIFE***Обзор лингвистических проектов,
финансируемых Российским гуманитарным научным фондом в 2016 г.****Анастасия Сергеевна Выренкова[®], Татьяна Исидоровна Резникова**Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, 101000,
Российская Федерация; [®]avyrenkova@hse.ru**An overview of the projects in linguistics
supported by Russian Foundation for the Humanities in 2016****Anastasia S. Vyrenkova[®], Tatiana I. Reznikova**National Research University Higher School of Economics, Moscow, 101000, Russian Federation;
[®]avyrenkova@hse.ru

Настоящая работа представляет собой традиционный ежегодный обзор конференций и экспедиций, поддержанных РГНФ в уходящем году.

В этом году РГНФ были поддержаны 38 лингвистических проектов: 26 из них связаны с проведением научных мероприятий и 12 — с организацией лингвистических экспедиций. По сравнению с предыдущим годом, когда Фонд профинансировал 17 конференций и семинаров и шесть полевых исследований, эти цифры заметно выросли. Тематика и география проектов традиционно остается достаточно широкой.

Конференции

В этом году при поддержке Российского гуманитарного научного фонда были проведены 25 конференций и один научно-практический семинар. 14 мероприятий носят регулярный характер, 20 являются международными, 5 — всероссийскими. Организаторами выступили научно-исследовательские центры и вузы Москвы, Санкт-Петербурга и регионов. Как уже было сказано, количество конференций, получивших финансовую поддержку, значительно выросло. Несколько изменилась в этом году и политика фонда. Среди поддержанных заявок стало больше мероприятий, в той или иной степени уделяющих внимание корпусной и математической лингвистике. Также представлены конференции, посвященные фундаментальным областям (грамматика, фонетика, лексическая семантика), однако,

к сожалению, до сих пор их не так много. По-прежнему большое внимание уделяется междисциплинарным направлениям, таким как, например, лингвокультурология, и особенностям специального дискурса (в этом году это политический дискурс и медиатекст).

Мы начнем наш обзор с конференций, посвященных областям, плохо представленным в 2015 г.

Как отмечалось в обзоре предыдущего года, в 2015 г. Фондом не было поддержано ни одной конференции, посвященной проблемам грамматики и фонетики. К счастью, в этом году ситуация изменилась: в стенах Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН прошли две конференции очень высокого уровня, посвященные проблемам грамматической теории и разнообразным аспектам фонетики.

С 30 мая по 1 июня в Институте русского языка им. В. В. Виноградова РАН прошла масштабная международная конференция «ГРАММАТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ И СИСТЕМЫ В СИНХРОНИИ И ДИАХРОНИИ». В рамках конференции разностороннее освещение получил процесс грамматикализации как один из основных способов формирования в языке новых грамматических средств. Цель конференции — не только использовать самый последний опыт отечественных и зарубежных ученых для фиксации изменений грамматической системы русского языка, но и выработать стратегию системного изучения этого процесса,

что, по словам организаторов конференции, позволит впоследствии значительно обогатить нормативные и описательные грамматики русского языка. Среди многочисленных участников конференции такие известные исследователи, как А. М. Молдован, Е. В. Падучева, В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина, М. Д. Воейкова, А. А. Гиппиус, Ю. П. Князев, Я. Г. Тестелец, И. Б. Левонтина, И. М. Кобозева и др. В ходе конференции прозвучало более 60 докладов, посвященных различным аспектам грамматики на синхронном и диахроническом уровнях, были представлены различные методики изучения процессов грамматикализации, в числе которых, в частности, квантитативный и корпусный подходы. Для исследования лексико-грамматической вариативности докладчиками были использованы самые различные данные — от летописей и памятников русской агиографии до образцов детской речи и учебных текстов.

28—30 октября там же состоялась VIII Международная научная конференция «Фонетика сегодня», которая охватывала как теоретические, так и практические вопросы и была посвящена следующим направлениям: артикуляционная фонетика, акустическая и перцептивная фонетика, методы изучения фонетики, словесная и фразовая просодия, фонологическая теория, орфоэпия, социофонетика, историческая фонетика и фонология, диалектная фонетика, языковые контакты в области фонетики и фонологии. В мероприятии приняли участие как отечественные исследователи, так и гости из Великобритании, Германии, Норвегии, Польши, Финляндии и других стран, представляющие различные научные школы и направления.

Кроме того, в ИРЯ РАН состоялась Международная научная конференция «Язык художественной литературы: традиционные и современные методы исследования» памяти Наталии Алексеевны Кожевниковой. Эта именная конференция посвящена 80-летию со дня рождения известного филолога и лексикографа, автора словаря паронимов русского языка Н. А. Кожевниковой. Тематика докладов охватила вопросы, связанные с лингвистической поэтикой, стилистикой, поэтической лексикографией. В качестве важного практического результата можно отметить усовершенствование и расширение Поэтического корпуса русского языка в составе Национального корпуса русского языка, а также создание разнообразных словарей поэтического языка. В программу были включены доклады отечественных исследователей и ученых Нидерландов, Польши, США, Украины, Японии.

Еще одно направление, которое не было представлено среди поддержанных заявок

прошлого года, — классическая филология. С 20 по 22 июня в Институте лингвистических исследований РАН в Санкт-Петербурге состоялась XX Ежегодная международная конференция «Индоевропейское языкознание и классическая филология» (Чтения памяти И. М. Тронского). Это мероприятие регулярно собирает в ИЛИ РАН ведущих специалистов в области индоевропеистики и классической филологии из России и стран ближнего и дальнего зарубежья. Всего в рамках конференции было представлено более 80 докладов, секционные заседания были посвящены проблематике поздней античности и раннего христианства, ранней и средневековой истории германских языков, вопросам лексикографии и текстологии.

Далее мы расскажем о четырех конференциях, посвященных особенностям профессионального дискурса. Некоторые из них имели также образовательное значение.

Две конференции, получившие в этом году финансовую поддержку РГНФ, прошли в Российском университете дружбы народов в апреле этого года. VII Международная научная конференция «Актуальные проблемы лингвистики и лингводидактики иностранного языка делового и профессионального общения» была посвящена преподаванию языка профессионального и делового общения изучающим английский, французский, немецкий, испанский, итальянский и китайский. Помимо двух пленарных и шести секционных заседаний, в рамках мероприятия были проведены мастер-классы и круглые столы. А 28—29 апреля в РУДН состоялась I Международная научно-практическая конференция «Культурно-прагматические аспекты медиатекста», нацеленная на обобщение российского и зарубежного опыта в изучении средств массовой информации и привлечение к этой тематике молодых ученых. Отдельно обсуждались новые подходы к преподаванию в области журналистики и массовых коммуникаций.

С 11 по 13 октября в Пензенском федеральном государственном университете прошла международная конференция «Язык. Право. Общество», охватившая широкий круг проблем, возникающих в зоне пересечения языка и права. В оргкомитет конференции вошли ведущие российские и зарубежные специалисты. К участию в конференции были приглашены более 30 иностранных гостей из Ливана, Таджикистана, Турции, Кубы, США и других стран. Особенность мероприятия состоит, в частности, в том, что к обсуждению были привлечены не только исследователи, но и представители судебной системы, органов государственной власти и местного самоуправления. Интегрированный подход

к изучению явлений, возникающих на стыке языка и права, по мнению организаторов, позволяет разработать конкретные рекомендации в теории и практике законодательства и право-толкования, юридико-лингвистической экспертизы, юридического перевода. Более ста докладов, представленных на конференции, были посвящены как частным проблемам юрислингвистики и юридической герменевтики, так и их связи с общей теорией языка.

Последнее в этом ряду научное мероприятие — «Политическая коммуникация: X Международная научная конференция» — было организовано на базе Уральского государственного педагогического университета и прошло с 5 по 9 сентября 2016 г. Актуальность конференции обусловлена прежде всего необходимостью анализа политического дискурса как средства эффективного межгосударственного взаимодействия. Стоит отметить, что, несмотря на существование в России нескольких научных школ, работающих в области политической лингвистики, ежегодные конференции, посвященные непосредственно этой тематике, проводятся только в Екатеринбургe. В этом году на форум приехали участники более чем из десяти европейских стран и США. Дискуссия охватила такие вопросы, как закономерности и национальная специфика политической коммуникации, лингвистическая экспертиза политических текстов, стратегии и тактики деструктивного воздействия, креолизованный политический дискурс, межкультурная политическая коммуникация и др.

Проблемам ономастики, как и в прошлом году, посвящен один форум, профинансированный РГНФ. В Арзамасском филиале Нижегородского государственного университета 13—16 сентября этого года состоялась XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», гостями которой стали специалисты из Азербайджана, Белоруссии, Индонезии, Польши, Украины, Финляндии. Цель конференции — создание целостного представления об ономии Поволжья, а также его сопоставление с ономией других регионов страны и некоторых регионов ближнего зарубежья как в синхроническом, так и в диахроническом аспектах.

Обращаясь к конференциям, адресованным конкретным языкам, можно отметить два регулярных форума: проводимую во второй раз в Санкт-Петербургском государственном университете Международную конференцию «Иврит и идиш в контексте современного образования и культуры» (27—30 июня) и 10 Всероссийскую научно-практическую конференцию «Актуальные проблемы тюркологии и востоковедения: история, этногенез, язык и литература

тюркоязычных народов Крыма». Посвященное проблемам филологии иврита, первое из этих мероприятий объединяет исследователей, применяющих разнообразные подходы и методы к изучению еврейских языков (типологический, общетеоретический, литературоведческий, культурологический и др.). Вторая конференция, прошедшая в Крымском федеральном университете имени В. И. Вернадского, является единственной площадкой обсуждения научных исследований по языкам и литературам тюркоязычных народов Крыма. В этом году мероприятие включало традиционные секции «Крымскотатарское языкознание», «Крымскотатарское литературоведение», «Язык, литература и культура народов Крыма», «Национальные языки и их взаимодействие», «Новейшие компьютерные технологии в филологии» и др. Как видно уже из названий, в рамках обеих конференций обсуждались не только лингвистические, но и литературоведческие и лингвокультурологические вопросы.

Как уже отмечалось, лингвокультурология — одна из тех междисциплинарных областей, которые регулярно удастановляются особого внимания со стороны экспертов РГНФ. В 2016 г. ей в той или иной степени были посвящены еще по крайней мере восемь конференций, о которых сейчас пойдет речь.

В Тюменском федеральном государственном университете 16—17 мая состоялась Всероссийская конференция с международным участием «Лингвистическая имагология сегодня: языковые образы сквозь призму ментальности и культуры». В ней приняли участие исследователи, занимающиеся такими проблемами, как языковая политкорректность, экология языка, культурные и ментальные стереотипы в языке. В ходе работы секций были рассмотрены как различные стороны формирования образа иностранного языка у русскоговорящих студентов, так и направления развития РКИ с учетом последних достижений имагологии.

Сразу для нескольких конференций центральной темой стала проблема существования русского языка и культуры в полиэтничном окружении.

Так, 26 мая в Карачаево-Черкесском государственном университете им. У. Д. Алиева состоялась Всероссийская конференция «Славянская культура в поликультурном пространстве Северного Кавказа. XII Кирилло-Мефодиевские чтения». Собрав не только профессиональных специалистов, но и студентов и аспирантов, это мероприятие способствовало обмену научными достижениями российских и региональных специалистов, изучающих лингвистические, литературоведческие, исторические и философские

основы славянской культуры и ее связи с культурами других народов, проживающих на территории Северного Кавказа.

С 11 по 14 октября на базе Калмыцкого государственного университета была проведена Всероссийская научная конференция «Русский язык в иноязычном окружении: современное состояние, перспективы развития, культурно-речевые проблемы». Доклады конференции были посвящены актуальным проблемам, связанным с культурой русской речи в межнациональном окружении, в частности способам институционального воздействия на коммуникативную ситуацию в регионе. В конференции приняли участие 150 человек, по результатам конференции будет опубликован сборник материалов.

Также в Калмыцком государственном университете была организована Международная межвузовская научно-практическая конференция для молодых ученых, иностранных студентов, магистрантов и аспирантов «Русский язык в полиэтничном регионе», в которой приняли участие студенты зарубежных вузов.

Проблемами поддержки малых языков и этнической культуры их носителей была посвящена прошедшая 7—8 июня в Северо-Восточном федеральном университете им. М. К. Аммосова в Якутии Всероссийская научная конференция с международным участием «Культурное наследие традиционных сообществ в контексте мировой цивилизации: проблемы перевода и межкультурного диалога». Этот форум имел междисциплинарный характер и был адресован главным образом вопросам изучения, сохранения и распространения культурного наследия народов Севера посредством перевода. С этой точки зрения были рассмотрены сопоставление языков Севера, изучение особенностей поэтики северных эпосов, а также построение типологии переводческих особенностей.

Брянский государственный университет провел 25—26 октября Международную научно-практическую конференцию «Духовно-нравственные концепты русской словесности в современной языковой, культурной и образовательной практике Российско-Белорусско-Украинского пограничья». В рамках конференции обсуждались актуальные проблемы исторически обусловленных взаимосвязи и взаимовлияния русского, белорусского и украинского народов и их языковой культуры.

Около 150 участников выступили с докладами на VI Международной конференции «Концепт и культура», организованной Кемеровским и Крымским университетами 26—27 сентября. Тематическое направление, выбранное для конференции в этом году, — «Диалоговое пространство

культуры: Языковая личность. Текст. Дискурс», поэтому круг обсуждавшихся вопросов охватывал такие явления, как концептуальная и языковая картины мира, личность переводчика и индивидуально-авторская картина мира, текст в пространстве культуры, дискурсивные исследования в современной лингвистике, формирование речевой компетенции в межкультурном общении и др. В программу мероприятия вошли доклады по когнитивной лингвистике, социолингвистике, этнолингвистике и культурологии.

Связь языка и культуры стала центральной темой и XXVII Ежегодной международной конференции «Язык и культура». Мероприятие прошло на базе факультета иностранных языков Томского государственного университета. На конференции представлены фундаментальные и прикладные исследования, носящие междисциплинарный характер, особое внимание в рамках форума было уделено роли образования в осуществлении языковой политики. Кроме того, организаторы традиционно сделали акцент на обмене опытом между сложившимися специалистами и молодыми учеными — в число 12 секций, представленных в программе, вошли три молодежные.

Практически все из этих конференций одновременно с культурологическим аспектом рассматривали и вопросы статуса русского языка и культуры русской речи. Непосредственно этим вопросам были посвящены в этом году две конференции.

В Тамбовском государственном университете прошла V Международная конференция «Экология языка и речи», в рамках которой обсуждались перспективы развития русского языка, его статус в условиях глобализации и быстрого развития технологий. Объектом дискуссии стали стилистика речи, новые коммуникативные стратегии и жанры, лексикон современного русского языка, а также интенсивное влияние на русский язык английского.

30 ноября Нижнетагильский филиал Российского государственного профессионально-педагогического университета принимал в своих стенах Всероссийский научный форум «Речевая культура в разных сферах общения». Общая цель конференции — повышение роли русского языка в образовательном процессе и совершенствование коммуникативной культуры современных школьников и студентов. Особого внимания удостоилась специфика социоречевой культуры жителей Уральского региона в различных сферах общения и выявление основных тенденций и закономерностей ее развития.

Тематика, связанная с научным освещением проблем языкового стиля, обсуждалась

на состоявшейся 1—2 июня в Смоленском государственном университете X Международной конференции «Риторика в свете современной лингвистики». Среди постоянных участников конференции — представители Белоруссии и Украины, а с 2007 г. ее регулярно посещают исследователи из Франции и США. В рамках этого форума обсуждаются не только вопросы, касающиеся непосредственно риторики, но и трактовки риторических проблем в свете современных лингвистических теорий. В этом году в докладах были затронуты такие области, как интерпретация текста, анализ индивидуального стиля и риторических фигур, функциональный стиль и социолингвистика.

Как и в предыдущие годы, поддержку РГНФ получила прошедшая 23—24 сентября под эгидой Российской ассоциации лингвистов-когнитологов в ТюмГУ международная конференция «Когнитивные технологии в теоретической лингвистике». Конференция приурочена к юбилею университета и представляет собой масштабный влиятельный форум, на который с 2002 г. съезжаются ведущие мировые специалисты в области когнитивной лингвистики: Ж. Фоконье, Р. Лангакер, Л. Талми, М. Тернер и другие. В этом году в оргкомитет конференции вошли В. З. Демьянков, В. В. Дубицкий, Н. Н. Болдырев и др., среди почетных гостей были заявлены Алан Ченки и Радослав Гайда. Междисциплинарный характер конференции обусловил широкий круг обсуждавшихся вопросов: это и когнитивно-лингвистическое моделирование социально-экономических процессов, и проектирование лингвистических онтологий, и когнитивный анализ информации и коммуникации. Присутствие специалистов из смежных предметных областей позволило приблизиться к созданию новых интеграционных форматов в методологии лингвокогнитивных исследований, позволяющих объединить достижения нейролингвистики, компьютерных технологий, экспериментальных исследований когнитивной деятельности человека.

Проблемам когнитивной лингвистики было посвящено еще одно мероприятие (единственное из поддержанных на организацию научно-практического семинара), состоявшееся в Тамбовском государственном университете им. Г. Р. Державина. Целевой аудиторией Всероссийского научно-практического семинара «Проблемы когнитивной лингвистики» стали молодые ученые-когнитологи, которым этот форум дал возможность значительно повысить свою квалификацию в области подходов и методов когнитивной лингвистики. В течение 12 дней ведущими учеными-лингвистами из Москвы, Санкт-Петербурга, Тюмени, Тамбова им были прочитаны

лекции по когнитивной лингвистике и когнитивным технологиям, также были организованы мастер-классы, круглые столы, семинарские занятия.

Когнитивно-ориентированной можно назвать и Международную конференцию «Научное наследие Б. Н. Головина в свете актуальных проблем современного языкознания», приуроченную к 100-летию со дня рождения выдающегося ученого, создателя Нижегородской лингвистической школы. Мероприятие прошло в Нижегородском государственном университете им. Н. И. Лобачевского 28—30 сентября и было адресовано, прежде всего, специалистам, занимающимся когнитивными исследованиями языка, теорией и практикой концептуального анализа, а также лингвистам, внедряющим количественные, математические и компьютерные методы.

Широтой заявленной тематики на общем фоне несколько выделяется организованная в Томском государственном университете с 4 по 9 апреля III (XVII) Международная научно-практическая конференция молодых ученых «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЛИНГВИСТИКИ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЯ», участников которой принял филологический факультет ТомГУ. Как видно из названия, направления работы конференции были чрезвычайно разнообразны — это и многие аспекты языкознания (компьютерная и экспериментальная лингвистика, теория и история русского языка, сопоставительная лексикология и межкультурная коммуникация), и литературоведение (современная русская литература, русско-европейские литературные связи, художественный перевод, издательское дело и редактирование), и межсекционные доклады. В форуме приняли участие более 200 человек из различных регионов России и стран ближнего и дальнего зарубежья, большая часть которых — молодые ученые и специалисты. В качестве экспертов и руководителей мастер-классов и круглых столов приглашены отечественные и зарубежные исследователи.

Подводя итог, еще раз заметим, что в целом лингвокультурология осталась одной из приоритетных областей, финансируемых Фондом. Кроме того, значительное количество поддержанных конференций в той или иной степени охватывали проблемы статуса русского языка в многонациональных регионах, а также вопросы, связанные с культурой русской речи. По сравнению с прошлым годом несколько меньше внимания уделено лексикографии, однако были проведены конференции, посвященные таким фундаментальным областям лингвистики, как грамматика и фонетика. Вместе с тем мероприятия с собственно лингвистической тематикой так и остаются довольно малочисленными.

Лингвистические экспедиции

В 2016 г. РГНФ были профинансированы 12 лингвистических экспедиций в различные регионы России (Центр Европейской части России, Дальний Восток, Красноярский край, Марий Эл, Бурятия, Мордовия, Удмуртия, Северная Осетия-Алания, Севастопольский край) и за рубеж (КНР). Подтверждением тому, что организации полевых исследований Фондом уделяется значительное внимание, служит тот факт, что количество поддержанных заявок этого типа выросло с прошлого года вдвое. Некоторые проекты были посвящены исследованию языковых вариантов, диалектов и говоров, интерференции между контактирующими языками, другие — документированию и анализу исчезающих языков. Большинство проектов предполагает экспедиционный формат, то есть выездную работу, однако есть и такие, которые только используют полевые методы для решения практических и теоретических задач и в рамках которых организация поездок не проводится.

Одним из таких проектов стало предложенное Воронежским государственным педагогическим университетом исследование «Нормы русского литературного словоупотребления и стилистические варианты русского слова в языковом сознании современной российской молодежи: полевое исследование». В рамках проекта планировалось получить достоверные данные об особенностях восприятия норм русского литературного словоупотребления и содержания стилистических особенностей в языковом сознании современной российской молодежи. Полевой характер обусловлен работой непосредственно с молодыми носителями русского языка — школьниками и студентами, — проживающими как в малых и крупных провинциальных городах, так и в Москве. В рамках проекта проводились интервью и собирался текстовый материал в виде образцов устной и письменной речи, отражающих молодежный дискурс. Собранные данные призваны приблизить отечественную русистику к пониманию такого явления как современная «норма» русского языка, а также к созданию новых ресурсов, ориентированных на отражение стилистических вариантов.

Проект «Полевые исследования живой русской речи в дальневосточном регионе (на материале Приморского края)» продолжает ряд исследований, посвященных вариантам русского литературного языка. В рамках этого проекта, использующего методы полевой работы, собраны и систематизированы образцы речи русскоязычных носителей Дальнего Востока — жителей городов и сел Приморья. Имея очевидное

социолингвистическое и общетеоретическое значение, этот проект приобретает особенную актуальность в свете создания региональных корпусов в составе Национального корпуса русского языка, частью которого, возможно, станут полные данные.

Непосредственно изучению говоров посвящены три исследования.

Это, во-первых, ряд экспедиций, объединенных проектом «Пограничные зоны тульских говоров», направленных на корректировку картотеки «Словаря тульских говоров», составлением которого уже более десяти лет занимается Тульский государственный педагогический университет им. Л. Н. Толстого. В результате экспедиций усовершенствована теоретическая концепция лексикографического исследования и выявлены особенности периферийных зон тульского диалекта. Результаты проекта послужили ценным дополнением пилотного варианта «Словаря тульских говоров».

Специалистами в области этнолингвистики в России уделяется сравнительно мало внимания говорам территорий позднего заселения. Это вызвано в основном сложностями их изучения, возникающими в первую очередь в связи с определением материнского говора и путей миграции населения. Попыткой изменить эту ситуацию стал проект «Современные процессы в говорах территорий позднего заселения: диалектологическая экспедиция в Ольховский район Волгоградской области (Романовка, Липовка, Ягодное)» на базе Волгоградского государственного социально-педагогического университета. Говоры заявленных в названии сел были описаны впервые, а полученные результаты должны войти в картотеку Словаря русских народных говоров ИЛИ РАН. В экспедиции приняли участие преподаватели и студенты Донецкого университета, что, по мнению организаторов, должно отразиться на подготовке русистов в этом регионе.

Изучению говоров российских немцев, проживающих в Кировской области и Удмуртии, было посвящено полевое исследование, организованное О. Н. Обуховой на базе Вятского государственного гуманитарного университета. Несмотря на то, что на данный момент достаточно хорошо изучены этнические общности немцев Поволжья, Сибири, Украины, Москвы и некоторых других регионов России, культурному наследию и языковым особенностям этнических немцев севера Удмуртии и севера Кировской области было уделено сравнительно немного внимания. Между тем полученные в результате анализа говоров этой группы данные могли бы значительно обогатить социолингвистические исследования, проводимые не только в Кировской области

и в Удмуртской республике, но и в целом по России и за рубежом. Целью проекта является определение уровня интерференции на разных языковых уровнях в зависимости от возраста, социального статуса и степени социальной адаптации носителей, кроме того, будет проведен и диахронический анализ речи этой группы говорящих. Как ожидается, полученные результаты помогут выработать оптимальную политику сохранения изучаемых говоров.

Ниже представлены проекты, направленные на изучение исчезающих языков, в том числе и в типологической перспективе.

Посвященный практически утраченному энецкому языку проект «Экспедиция по сбору естественных текстов от последних носителей энецкого языка», инициированный Институтом лингвистических исследований РАН, нацелен на документацию и сбор данных о лексике этого уральского языка самодийской группы. В результате экспедиции планировалось не только получить массив транскрибированных и глоссированных текстов на энецком языке, но и провести ряд исследований отдельных фрагментов грамматики с использованием корпусных методов и с последующей публикацией результатов в виде серии статей. Полученные данные представляют значительный интерес для исследователей-уралистов и типологов.

Под эгидой Марийского государственного университета организован экспедиционный проект «СБОР МАТЕРИАЛА ПО ИССЛЕДОВАНИЮ ПОВЕДЕНИЯ КОНТАКТИРУЮЩИХ ЯЗЫКОВ: “исчезающего” горномарийского, “неблагополучного” лугомарийского и “благополучного” русского языка в естественном билингвальном пространстве». Было запланировано восемь экспедиций по сбору материалов, позволяющих понять, какие именно факторы приводят к тому или иному «формату» жизни языка (исчезающий — неблагополучный — благополучный) и какая языковая политика должна проводиться в регионе. В результате был собран значительный объем записей связных текстов, представляющих собой материал для изучения всех языковых ярусов и типологических исследований пограничных говоров.

Серию традиционных полевых исследований, которые проводились на кафедре теоретической и прикладной лингвистики МГУ им. М. В. Ломоносова А. Е. Кибриком и А. И. Кузнецовой, продолжил в этом году типологически ориентированный проект «Экспедиция по сбору данных уральских и алтайских языков» под руководством С. Г. Татевосова. В рамках проекта состоялись несколько экспедиций по изучению бурятского, мокша-мордовского и горного марийского языков. Участники экспедиций из года

в год используют собранный материал не только в описательных целях — на его основе выполняются работы и общетеоретического, и типологического характера. Надо сказать, что бурятский и мокша-мордовский языки уже изучались в предыдущие годы. В этом году в ходе изучения бурятского языка планировалось собрать данные по темам, которые были не до конца исследованы участниками экспедиций ранее, и подготовить к публикации типологически ориентированное описание. Среди таких тем актантные деривации, конструкции с сентенциальными актантами, послеложная группа, кванторы, неустойчивый *л*, фокусные частицы и другие синтаксически ориентированные вопросы. Мокша-мордовскому языку в 2013—2015 гг. были посвящены семь экспедиций, результаты которых представлялись на международных конференциях и опубликованы в научных журналах; в настоящий момент ведется подготовка обобщающей коллективной монографии, поэтому экспедиция проводилась главным образом с целью проверки и дополнения корпуса полученных данных. Основное внимание было сосредоточено вокруг следующих явлений и категорий: семантика пространственных падежей и категория определенности (исследованные экспериментально), нефинитные формы глагола, актантные деривации и залог, отрицание и др. Горный марийский язык до сих пор не был качественно описан лингвистами, поэтому полевые исследования этого года являются отправной точкой для системного анализа синтаксиса и грамматической семантики этого языка.

Одна из экспедиций 2016 г. года прошла за пределами Российской Федерации — в КНР. На базе Калмыцкого государственного университета под руководством А. Б. Лиджиева был организован проект «Язык шира югуров Китая: полевое исследование». Проект посвящен изучению языка, относящегося к монгольской группе, на котором говорит немногочисленный народ шира югуров (внутри этого этноса выделяются две группы, одна использует монгольский язык, другая — тюркский); собственной письменности у этого языка нет — используется китайское письмо, языком субэтнического общения является китайский, он же используется как язык образования и СМИ, большинство носителей являются билингвами. В такой ситуации родной язык оказывается на грани исчезновения. В цели экспедиции входило получение новых данных по этому маргинальному монгольскому языку, в особенности для анализа фонетических явлений, произошедших в языке в процессе его эволюции, а также для документирования разговорного языка шира югуров, который подвергается агрессивному влиянию со стороны китайского языка.

Несколько особняком стоит экспедиционное исследование кабардино-черкесского языка, которое ставило перед собой цель проанализировать лексику, обозначающую христианские реалии и заимствованную в кабардино-черкесский из русского. Сбор полевого материала проводился учеными из Карачаево-Черкесского государственного университета им. У. Д. Алиева в окрестностях г. Моздока (республика Северная Осетия-Алания) и некоторых сел Ставропольского края. Результаты экспедиции будут встроены в более широкий контекст функционирования кабардино-черкесского языка в различных социолингвистических, полилингвальных и поликультурных условиях.

Также выделяется организованная Тувинским государственным университетом экспедиция «Языковая картина мира усинских тувинцев Красноярского края: традиция

и современность», посвященная в целом связи языка с фольклором и культурой. Исследование проводилось в селе Верхнеусинское Ермаковского района Красноярского края, на территории которого проживали тувинцы до момента его основания более 190 лет назад. Сейчас население Верхнеусинского составляют представители 14 национальностей, доля тувинцев среди которых составляет 20 %. В рамках проекта было исследовано своеобразие языка, фольклора, культурного наследия и менталитета этой малочисленной этнической группы.

В заключение снова отметим, что в этом году Российский гуманитарный научный фонд удовлетворил существенно большее количество заявок на организацию научных мероприятий. Несмотря на трудности с финансированием, прием заявок на следующий год был продолжен.

**Международная научная конференция «Словообразование и Интернет»
Комиссии по славянскому словообразованию
при Международном комитете славистов**

Зоя Юрьевна Петрова[®], Ольга Игоревна Северская

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, 121019, Российская Федерация;
@zoyap@mail.ru.

**International scientific conference «Word-formation and the Internet»
organized by the Commission on Slavonic word-formation
of the International committee of Slavists**

Zoya Yu. Petrova[®], Olga I. Severskaya

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119019, Russian Federation; @zoyap@mail.ru.

С 22 по 25 марта 2016 г. в Институте славистики Университета имени Карла и Франца в г. Граце (Австрия) проходила Международная научная конференция «Словообразование и Интернет» Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов. В конференции, организованной проф. Б. Тошовичем и А. Вонишем (Австрия), приняли участие исследователи из Австрии, Белоруссии, Болгарии, Боснии и Герцеговины, Германии, Македонии, Польши, России, Сербии, Словакии, Украины, Франции, Черногории, Чехии. В ходе заседаний обсуждался широкий круг проблем — от словообразовательных процессов

в интернет-среде и использования Интернета как исследовательского инструмента и корпуса до отражения достижений дериватологии в Интернете.

Открывая конференцию, Б. Тошович обратил внимание на формирование нового направления в языкознании — интернет-лингвистики, изучающей новые, «сетевые», формы речи и влияние Интернета на язык. Словообразование — одна из наиболее изученных на данный момент ее сфер. Основное внимание Б. Тошович уделил структуре сетевого словообразования, образованию новых слов в реальном времени: по данным его наблюдений за общением в чатах, можно определить точный момент рождения окказионального слова, благодаря временным маркерам

веб-страниц можно следить и за его изменениями и функционированием новообразований в сети. Интернет, подчеркнул докладчик, представляет собой и корпус для изучения словообразовательных процессов, и исследовательский инструмент. А. Вониш познакомил участников с разработанным в Университете г. Граца Гралис-корпусом: в его составе — морфогенератор, немецко-боснийско-сербохорватский онлайн-словарь, писательские корпусы и т. д.

Председатель Комиссии по словообразованию член-корр. Национальной академии Республики Беларусь А. А. Лукашанец говорил как о возможностях, которые дает Интернет, обеспечивая оперативный доступ к научной литературе о словообразовании и учебным материалам, предоставляя исследователям огромную фактологическую базу и фиксируя речевую деятельность, отражающую тенденции развития языка, так и о «подводных рифах», на которые неизбежно наталкивается неподготовленный исследователь. Это, во-первых, иллюзия полноты и исчерпанности научной информации в интернет-пространстве, проблема фильтрации информации, оценки ее значимости и достоверности. Во-вторых — недостаточность справочной базы, отсутствие в открытом доступе словообразовательных словарей и проблема корректности размещенных в Интернете учебных материалов (например, на сайте slowonline.ru). В-третьих, проблема видится и в полноте и доступности фактологических интернет-ресурсов: в частности, в Национальном корпусе белорусского языка лишь 70 млн словоупотреблений размещено в открытом доступе, а 300 млн — на платном ресурсе. Особое внимание Лукашанец уделил отражению в Интернете «словообразовательного творчества»: спонтанного (на форумах, в блогах и комментариях к новостям), осмысленного коллективного в онлайн-словарях, словообразовательного экспериментаторства (например, в «олбанском» языке), политически мотивированного (*Крымнаш, Кацапстан, Хохлостан, Даунбасс, майдаун/майданутый* и др.). В заключение он подчеркнул необходимость строгого соблюдения требований к объективности размещаемых в Интернете теоретических источников, достоверности и полноте фактического материала, соблюдению исследовательской этики и политкорректности со стороны пользователей сети.

И. Г. Милославский (Москва) поставил под сомнение ценность изучения языка, бытующего в Интернете, и само его понимание как особого языка. Вместе с тем Интернет как источник сведений по словообразованию, по его мнению, полезен при критическом отношении к интернет-новациям. С точки зрения Милославского,

ощущается насущная необходимость создания морфемного словаря, семантизирующего морффы, и словообразовательного словаря, показывающего, какие именно семантические возможности и с помощью каких словообразовательных средств могут быть реализованы в словах, производных от данного. Желательно, чтобы оба эти словаря были максимально доступны в сети. Существующие словари, с точки зрения исследователя, далеки от идеала. Особо Милославский остановился на ответственности ученых за труды и рекомендации, размещаемые ими в Интернете.

Доклад Е. В. Петрухиной (Москва) «Динамика синхронного словообразования в русском языке по данным Рунета» был посвящен возможностям, которые предоставляет Интернет в изучении продуктивности словообразовательных моделей, соотношения потенциальных схем деривации/редеривации и реальных лексем, образованных по этим схемам, — последние, хотя и не зафиксированы словарями русского языка, пополняют разряды узуальной лексики. В качестве иллюстрации были приведены словообразовательные ряды существительных с формантами *-ость* (*дерзкость, русскость, узкость* и т. д., в том числе композиты *погодоустойчивость, по-мехоустойчивость, стрессоустойчивость, обороноустойчивость, отказоустойчивость* и т. п.), *-тель* (в частности, в юридических текстах: *содетствователь, дознаватель, опознаватель, залогодатель, наследодатель, ссудодатель/ссудоприниматель* и др.), прилагательные с приставкой *без-* и суффиксом *-н-* и др. Близкие проблемы оказались в центре внимания К. Клещевой (Польша): в ее докладе «Интернет как инструмент оценки устойчивости неологизмов (на примере польских прилагательных)» отмечался приоритет «цифровых библиотек» в регистрации неучтенных в словарях XX в. лексем с компонентами *anarcho-, filo-, izo-, przeziw-* и многими другими.

Поисковые системы Интернета как лингвистический источник рассматривались и в докладе «Проявление глобальной интернационализации в словотворчестве российских, польских и чешских интернавтов» Е. И. Коряковцевой (Польша). В докладе анализировались субстантивные неодериваты, созданные с помощью интернациональных аффиксов и аффиксоидных агглютинаторов (*-ung/-ing/-ink*, например: *базаринг, приколинг, водопадинг; -geim/-gate*, ср.: *абрамовичгейт, газгейт, лососегейт* со значением 'скандал'; *-(o)голик/-(o)holic*, ср.: *автомобилеголик, бабоголик, битлоголик, инфоголик, бананоголик, колбасоголик* и т. д.), исследовались их структурно-семантические и функциональные характеристики. Доказывалось, что заимствование

некоторых англо-американских аффиксов и деривационных моделей, обусловленное лингвокультурной «амероглобализацией» и активной кросс-коммуникацией, ростом влияния массовой медиа, способствует усилению черт аналитизма и агглютинативности в словообразовании русского, польского и чешского языков.

С. Рудник-Карват (Польша) посвятила свое выступление применению мультязыковой информационной системы iSybislaw в сравнительных исследованиях словообразовательных процессов и научной терминологии словообразования в различных славянских языках.

Несколько докладов было посвящено словообразованию в области интернет-терминологии. Так, Е. А. Карпиловская (Украина), озаглавив сообщение «Роль словообразования в “архитектонике” украиноязычного Интернета», исследовала процесс превращения компонентов интернет-терминов (как заимствованных: *интернет/инет/нет, веб, онлайн*, так и исконного *мережа* ‘сеть’) в словообразовательные форманты, который, по ее мнению, говорит о взаимодействии интернет-коммуникации с другими сферами функционирования национального языка.

В докладе «Словообразовательное гнездо с вершиной “Интернет” в современной русской речи» Н. А. Николиной (Москва) также подчеркивалось, что глобализация, технократизация общества, новые формы электронной коммуникации приводят к заимствованию и появлению большого числа новых производных слов с участием интернациональных компонентов. Словообразовательное гнездо с вершиной «Интернет» является в современной русской речи сильноразвернутым — в отличие от гнезда с исконным словом-вершиной *сеть*: последнее имеет тенденцию к разветвлению только в компьютерном сленге (например, *сетевуха* и др.); первое же включает в настоящее время около ста дериватов, в нем представлены как словообразовательные парадигмы, так и цепи, причем в структуре гнезда доминируют именно парадигмы, объединяющие сложносоставные существительные, построенные по модели «определяющее — определяемое»: *интернет-опрос, интернет-рассылка, интернет-услуги, интернет-экскурсия, интернет-язык* и др., суффиксальные дериваты (*интернетчик, интернетовский, интернетизация*) и субстантиваты (*интернет-зависимый*); на периферии находятся производные новой словообразовательной модели: *рунет, казнет, байнет* и т. п. Это, по мнению Николиной, отражает тенденции развития современного словообразования: взаимодействие словопроизводства с процессом заимствования (с последующей адаптацией), морфемизацию иноязычных структурных

элементов, активизацию сложносоставных слов с первым несклоняемым элементом.

В выступлении З. Ю. Петровой (Москва) «Языковая игра в интернет-терминологии в современной поэзии (словообразовательный аспект)» была сделана попытка описать те приращения смысла, которые получают лексические единицы семантических полей «Интернет» и «Компьютерные технологии» в контексте поэтического произведения. Особое внимание было уделено языковой игре, которая становится возможной в результате словообразования: *Нас ru-банки / обстругали, как рубанки; хамдамовской кисти женщина / интерНЕТ превратит в интерЕСТЬ* (оба примера — из А. Вознесенского).

К языковой игре так или иначе обращались и другие участники конференции: в частности, М. Пастухова (Польша), рассматривая ее словообразовательный потенциал на примере интернет-мемов и других продуктов словотворчества, пришла к выводу, что мультимедиа не столько сами производят что-то новое, сколько активизируют уже известные когнитивные и коммуникативные процессы.

Примеры словообразовательной языковой игры с терминами приводились и Г. А. Николаевым и Н. Г. Николаевой (Казань) в докладе «Русский интернет-жаргон: способы образования». В частности, речь шла о ложноэтимологическом преобразовании английского слова и сближении его с русским разговорным словом, близким по звучанию (*нафигатор* из *навигатор, дисплай* из *дисплей* и т. д.) или по написанию (*автогад* из *Auto Cad, васик* из *Basic, девушка* из *device* и т. п.). В целом же в интернет-жаргоне, по наблюдениям авторов, преобладают морфемный и семантический способы словопроизводства: в первом используются в основном русские производящие основы (*виндюк, винтарь, долбило, крутило, кулек* и т. п.), редко — английские (*чатиться, твитнуть, запостить* и т. п.), при втором перевод английского слова сопровождается семантической деривацией (*кишки, клоп, бублик* и др.).

В выступлении Т. Свищук (Австрия) «Демотиватор и мем: к вопросу о возникновении новых терминов Рунета» упомянутые терминологические новации рассматривались в их этимологическом, историческом и словообразовательном своеобразии.

Чаще всего исследователи обращались к анализу словообразования в различных областях интернет-коммуникации и на материале разных языков. Неформальной коммуникации коснулся в докладе «Имена существительные с признаком ‘лицо+’ в языке молодых пользователей

Интернета) М. Айджанович (Сербия). По его оценке, в сербскоязычных форумах и чатах преобладают негативно окрашенные дериваты (50 из 75 исследованных лексем), образованные преимущественно суффиксальными способами (*фрикуша*, *хипстерка*). Среди других способов различаются семантическая деривация (*гуска* 'глупая, ограниченная женщина') и несистемное «словопреобразование», близкое к поэтическому: перестановка слогов основы (*лерди* < *дилер*), пропуск начальных слогов (*фанан* < *коман* < *наркоман*), редукция мотивирующей основы (*крупара* < *круп[ан]* + *-ара* 'крупная женщина') и «народная этимология» (*ментол* < *man* + *tall*).

В выступлении Г. Милашина (Сербия) «О языке Твиттера со словообразовательной точки зрения» к наиболее продуктивным способам словообразования были отнесены: глагольно-суффиксальный с помощью суффикса *-ова(ти)*, присоединяемого к иноязычной основе, префиксальный, с помощью приставки *пре-*, присоединяемой к существительным, контаминация и разного рода сокращения (аббревиация и усечение, по И. С. Улуханову), ср.: *RT* = *retweet*, *nzt* = *не знам*.

К подобным явлениям в интернет-коммуникации на сербском языке обращались также Т. Миленкович (Австрия) и А. Шехович (Босния и Герцеговина). Миленкович, рассмотрев использование в молодежных чатах акронимов английского сленга, сербские варианты английских сокращений (*BBL* = *VSK* — *враћам се касније* 'вернусь позже'), акронимы (*abd* = *Ako Bog da* 'Если Бог даст'), выпадение гласных (*mng* = *mnogo*), усечения: финальные (*izww* = *izvini*), комбинированные (*vrv* = *verovatno*, *ljte* = *ljubim te* 'я люблю тебя'), звукоподражательные (*bla bla* — пустые разговоры, *grrrrr* 'я зол'), квантификативные (*o5* = *opet* 'опять'; *4um* = *forum*, *Bu2* = *Budva*), медальные и инициальные, пришла к выводу, что при страсти молодежи к сокращениям объясняется тем, что они экономят время и пространство текста, повышают скорость и эмоциональность общения, компенсируют недостаток невербальных средств, повышают конфиденциальность переписки, да и текст с ними выглядит интереснее. Шехович анализировала встречающиеся на форумах сложные сокращения, акронимы и аббревиатуры, которые означают явления или понятия из области общественно-политических отношений: сферы образования, политики, финансов и др.

Электронные СМИ и размещенная в Интернете публицистика также дали участникам конференции богатый материал для обсуждения.

К. Вашак (Польша) в сообщении «Контекстные словообразовательные неологизмы

в интернет-публицистике в функции речевого воздействия» обратила внимание на переосмысление дериватов в каждом конкретном речевом акте: именно контекст позволяет приписать дериватам смыслы, не вытекающие из конвенциональных значений компонентов их структуры: *экотеррористы* — это не 'экологические террористы', а те, кто терроризирует других здоровым образом жизни; в том числе и в языковой игре: *камерундинер* — не *камерунец* + *камердинер*, а премьер-министр Великобритании Дэвид Кэмерон (David Cameron), ведущий переговоры с Камеруном.

Л. В. Рацибурская (Нижегород) в докладе «Сложные новообразования как средство воздействия в электронных медиа» сосредоточилась на активизации интернет-СМИ функции воздействия сложных слов. Наряду с дериватами, созданными чистым сложением или сложением с аффиксацией (*энхазлозависимость*, *Петроградация*, *инвестворум*, *правокачание*), в электронных средствах массовой информации в большом количестве представлены дериваты неузальных способов словообразования: разного рода контаминированные конструкции (*физкультуриветливые лица*, *арт-подготовленный визит*, *торпедовыносцы*, *убеженец*, *заградпаспорт*, *люди-хаммеры*, *контрабатькин товар*, *как дагестать богатым*), в том числе графодериваты (*ГАДЖЕТизация*, *КРЫМсота*, *НОСТАЛЬгия*), а также новообразования, созданные путем заменительной деривации (*сетепредставление*, *турецкопойманные*, *органотряд*, *город-суд*, *законоругатели*, *золотоумышленники*), новообразования с аффиксидами (*лифтопад*, *фрейдоманы*; *евроконттакты*, *кибершпион*, *наночистка*, *нео-Сталин*, *телевыстрел*). Экспрессивный характер подобных номинаций в электронных медиа определяется семантико-стилистическим характером мотивирующих слов, нестандартностью словообразовательной структуры дериватов, а также теми социальными реалиями, которые стоят за новообразованиями.

В выступлении И. Боздоховой (Чехия) «Словообразовательная регулярность и аномалия средств и способов композиции интернет-текстов» на материале медиатекстов, включенных в Чешский национальный корпус, были рассмотрены квазикомпозиты, именующие новые продукты и товары, а также иные реалии современного мира. По данным исследователя, *автоботы*, *пивоматы* и *артотеки*, *хоббитеки*, *кинготеки* и т. п. встречаются в Интернете намного чаще, чем вне его, поражая обилием форм.

Предметом сообщения С. Ненезич (Черногория) «Собственные имена как мотиваторы

некоторых новообразований в языке черногорских онлайн-медиа) стала мотивирующая функция имен собственных (в ономастической и эпонимической функциях) в образовании новых слов, встречающихся в аналитических обозначениях, публикациях и комментариях пользователей. Мотиваторами бывают топонимы, антропонимы и аббревиатуры. В такого рода деривации чаще всего участвуют суффиксы *-izacija* (*budvanizacija* < *Budva*, *natoizacija* < *NATO*), *-ovac*, *-ovskil-evski/-ovački*. Производные же пополняют фонд неологизмов.

Сетевую поэзию, еще одну область функционирования языка Интернета, исследовала А. Барилко (Австрия), в ее докладе «Пирожковое словообразование» речь шла о популярных сегодня «стишках-пирожках», для которых характерно преимущественное использование префиксального (*дозволюционировать*) и суффиксального словообразования (например: *муравьиность*, *небоскрежность*, *разлюбление*), лексическая редупликация на *им-* (*культура-шмульта*), сложение (*астропсихотравматолог*), превращение аббревиатур в полноценные слова (*тэвэ/тви, жэжаха*) и других способов словообразования.

В ряде выступлений внимание уделялось конкретным моделям словообразования.

Р. Драгичевич и М. Утвич (Сербия) в докладе «Префиксоиды в сербском и русском языках на материале интернет-сайтов», сравнивая свои наблюдения с данными Б. В. Орехова, пришли к выводу, что в русском языке возрастает частота употребления дериватов с компонентами *авиа-*, *авто-*, *аудио-*, *видео-*, *мега-*, *мульти-*, *медиа-*, *нано-*, в то время как образований с префиксоидами *гипер-*, *мини-*, *супер-* становится меньше, в сербском же чаще используются префиксоиды *мега-* и *супер-*, реже — *мини-* и *мульти-*. Привели они и соотносимые списки наиболее частотных лексем, образованных по этим моделям.

С. Сахно и К. Эно (Франция) попытались ответить на вопрос, вынесенный в заглавие: «Чем супермаркет-ск-ий чай лучше супермаркет-ного?», и рассмотрели квазисинонимию и контекстную обусловленность дериватов, образованных от существительного *супермаркет* с помощью суффиксов *-н-*, *-ов-*, *-ск-* и *-ов-ск-*.

Л. Н. Саакян (Москва) в сообщении «“Закон экономии” и “неэкономные” средства словообразования в русскоязычном Интернете» обратил внимание на то, что «в современном русском языке одним из наиболее модных способов сгущения смысла стал (...) наименее экономный — сращение с использованием дефиса: (...) *Россия-которой-не-стало*, *человек-который-знает-как-надо*, *человек-которого-показывают-по-телевизору*, *сетевые-супер-мачо*». По его

мнению, «исходя из тенденций развития языка, можно предположить, что обозначающие понятия дефисные комплексы со временем сольются в единое слово».

Доклад О. И. Северской (Москва) «“Няшки” сквозь интернет-призму деривации» был посвящен модным дериватам *вкусняшка*, *стройняшка*, *нежняшка*, *умняшка* и их связи с языковой культурой японских аниме. С одной стороны, исследуемый материал может свидетельствовать об активизации словообразовательной модели, никогда не терявшей продуктивности. С другой стороны, обращает на себя внимание то, что все дериваты в контексте могут приобретать оценочное значение ‘нечто хорошее, приятное’ при ослаблении основного лексического значения, связанного с корнем (в отличие от других, образованных по той же модели): грубо говоря, *вкус*, *строй*, *нега*, *ум* становятся *няшными*, или *кавайными*. Это позволяет заключить, что речь нужно вести, скорее, не о новом пике продуктивности одного из словообразовательных формантов, а о «новом фасоне» морфемной структуры ставших «модными» слов.

В фокус внимания специалистов по словообразованию попали и языковые подсистемы. В частности, Ю. Серочук (Польша) посвятил свое выступление диалектному словообразованию и поднял вопрос о представлении в Интернете материалов говоров в электронных базах данных и о переходе от устной формы бытования говора к его отражению на письме. Он обратился и к конкретным примерам, требующим осмысления: например, великопольские существительные *kosiarz*, *kośnik*, *kosinier* не могут рассматриваться как дериваты от общепольского *kosić*, поскольку мотивированы диалектным *sieć*.

А. Вонич (Австрия) в сообщении «Язык футбола, словообразование и Интернет» сопоставил некоторые футбольные слова и термины в электронных СМИ на русском, болгарском и немецком языках. Он проанализировал существующие определения языка футбола, названия футбольных организаций, официальных сайтов команд, разновидностей футбольной игры, турниров и соревнований, типов игроков, арбитров и болельщиков, моментов, ситуаций, действий и т. д., сделав вывод: немецкий язык в наименьшей степени использует английские мотивирующие основы, но под влиянием Интернета начинает испытывать определенную зависимость от английского языка; болгарский и русский заимствуют много, но при этом меняют латиницу на кириллицу; в немецком преобладают сложные слова с дефисным написанием, те же новообразования в славянских языках демонстрируют тенденцию к раздельному написанию.

Доклад Е. Лукашанец (Белоруссия) «Онлайн-словари молодежного сленга: словообразовательный аспект лексики» продемонстрировал, что лексика, вошедшая в сетевые словари (www.slovonovo.ru, www.teenslang.su, www.slovoborg.su), позволяет исследовать словообразовательные процессы, характерные для ненормированной речи молодого поколения и определить степень сходства этих процессов в сленге и в современном общелитературном языке. Рассматривались наиболее продуктивные аффиксы (суффиксы, приставки), словообразовательные модели, словообразовательные типы сленговой лексики, в том числе иноязычного происхождения (английского, японского и т. д.). Особое внимание было уделено тем инновациям, которые связаны с графической формой представления сленга в интернет-коммуникации: графодеривации, графических сокращений и, напротив, длинных и труднопроизносимых слов. Анализировались словообразовательные варианты сленгизмов, а также оценки интернет-пользователями словообразовательных особенностей сленговых слов.

Проблеме онлайн-лексикографии был посвящен доклад И. Страмлич-Брезник (Словения) «Словообразовательная типология в онлайн-словарях живого словенского языка». Преимущество сетевых словарей автор видит в том, что они имеют большую пользовательскую аудиторию, могут постоянно пополняться и в целом быстрее доходят до пользователей, чем печатные версии; они интерактивны — пользователи отправляют свои комментарии, предложения относительно возможных вариантов перевода, толкований, могут добавлять новые слова и свои предложения эквивалентов заимствованных слов. В частности, на портал Fran (Институт словенского языка им. Франа Рамова) был прислан 21 вариант перевода модного английского слова *selfie*: *samofotka*, *sebefot*, *sebček*, *jazček*, *narcisek* и др. В результате специального анкетирования был определен наиболее приемлемый: *sebek*.

А. Никитевич (Белоруссия) в выступлении «Словообразовательная лексикография и язык Интернета» рассмотрел различные аспекты влияния языка Интернета на особенности словарной фиксации новых слов. Автор подчеркнул особую ценность тех словарей, в которых представлена информация об объединениях родственных слов — словообразовательных цепочках, парадигмах, различных фрагментах словообразовательных гнезд.

Многие участники конференции касались вопросов влияния английского языка и заимствований на язык Интернета, но И. Онхайзер (Австрия) в докладе «Регулярность и вариантность

адаптации английских заимствований в русском Интернете» наиболее полно представила эту проблему. Ею были проанализированы материалы «Словаря англицизмов русского языка» (более 17 000 словарных статей) А. И. Дьякова (<http://anglicismdictionary.dishman.ru/>). При этом обнаружилось, что, по сравнению с «чистой» транскрипцией, комбинированные приемы графического освоения англицизмов (например, транскрипция + транслитерация + частичная субституция аффиксов) способствуют сохранению членности и тем самым содействуют лучшей интеграции и словообразовательной активности заимствований на русской почве.

Влиянию Интернета на язык уделяли внимание многие ученые. Б. Штебих-Голуб (Хорватия), озглавив сообщение «Хорватский язык между Интернетом и “междусетием”», при анализе материала следовала алгоритму: чему отдается предпочтение? заимствованию или хорватскому слову? если используется англицизм, какова степень его адаптации к системе национального языка? если выбирается хорватское слово, насколько продуктивна его словообразовательная модель? Придя к выводу, что пуристическим нормативистским тенденциям противостоит активный процесс заимствования англоязычных слов и словообразовательных моделей, автор отметила высокую креативность интернет-словообразования.

В. Н. Виноградова (Москва) в докладе «Литературное и внелитературное просторечие в Интернете», рассмотрев многообразие представленных в сети просторечных форм (*свалить*, *порвать*, *скинуть (номер телефона)*; *забанить*, *погулить*; *блин*, *болванка (диск)*; *пробочный (гопод)* и др.), заметила: просторечие в силу своей экспрессивности является одним из источников развития литературного языка, но разговорно-просторечные «неправильности», распространяясь в Интернете, могут оказать негативное влияние на систему языка. Сходный взгляд присутствовал и в уже упомянутом выступлении И. Г. Милославского.

Резюме большинства докладов представлены в системе Gralis (http://www-gewi.uni-graz.at/gralis/projektarium/Kommissionen/kommissionen_derivation.html).

Огромным плюсом прошедшей конференции было то, что на ней обсуждались самые живые проблемы дериватологии и процессы, происходящие буквально «на глазах» славистов и носителей славянских языков. Обсуждение актуальных вопросов словообразования продолжится на следующем заседании Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов, которое пройдет в Сараево в апреле 2017 г.

Круглый стол «Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты»**Александра Игоревна Чиварзина**

Институт славяноведения РАН, Москва, 119991, Российская Федерация; mss-vah@yandex.ru

“Deixis and (linguistic) gestures in the Balkans” round table**Alexandra I. Chivarzina**

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, 119991, Russian Federation; mss-vah@yandex.ru

29 марта 2016 г. в Институте славяноведения РАН состоялся круглый стол «Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты», посвященный памяти Татьяны Михайловны Николаевой. Эта научная встреча продолжает большой проект центра лингвокультурных исследований «Balkanica» под названием «Балканский тезаурус», цель которого — обобщение существующих разработок в области семиотической балканистики, связанных с разными дисциплинами (лингвистика и этнолингвистика, этнография, литературоведение, искусствоведение и т. д.).

Языковые жесты затрагивают целую серию проблем, актуальных для современной лингвистики и балканской лингвистики в частности (дейксис, таксономия частиц, многообразие кодов модели мира и возможности перевода с кода на код). В то же время языковые жесты соотносятся сразу с двумя направлениями научной деятельности Т. М. Николаевой: с одной стороны, они непосредственно связаны с речью (в сосюрровской дихотомии относительно языка) и не существуют вне ее — а именно интерес к речевым структурам определял творчество Татьяны Михайловны в течение долгого времени; с другой стороны, идея языковых жестов в ряде определенных неотделима от звучания (особый фонематический рисунок, интонация, просодия). Татьяна Михайловна много раз подчеркивала, что звучание пользуется незаслуженно малым вниманием в современной лингвистике и сама делала очень много для того, чтобы изменить эту тенденцию. Так, в последние годы она была вдохновителем и руководителем фонетической лаборатории при отделе типологии и сравнительного языкознания в Институте славяноведения РАН.

Понятие «языкового жеста», ставшее центральным для круглого стола, возникает у разных исследователей и используется в разных значениях, поэтому за основу предлагалось принять максимально широкий семасиологический подход и двигаться к различным реальностям, которые могут стоять за этим понятием. В своем

вступительном слове М. М. Макарецев (Москва) напомнил, что первым этот термин использовал Евгений Дмитриевич Поливанов («По поводу “звуковых жестов” японского языка», 1919), и для него языковой жест — это прежде всего группа слов, обладающих похожими звуковыми характеристиками, оставляющих слуховое, зрительное, осязательное, моторное или иное впечатление. Но жест можно рассматривать не только как движение в физическом пространстве: так, Т. В. Цивьян пишет о том, что функционирование *dativus ethicus* в балканских языках можно понимать как интериоризацию предмета в локус данного субъекта, как языковой жест, направленный на себя.

Изучение жестов как движения в пространстве выводит на обширную тему дейксиса. Дейктические жесты позволяют указывать на когнитивный центр системы координат, отношения между участниками процесса коммуникации, противопоставлять элементы мира (близко / далеко, вверх(у) / вниз(у), свой / чужой; носители стандартного албанского, например, характеризуют гегские горы как «толстые»), связывая это с низкой высотой и тембром голоса, они непосредственно связаны по значению с дейктическими словами языка (ср. исходное значение др.-греч. δείκνυμι, δείξω ‘показывать’). Языковой жест существует на пересечении двух кодов — словесного и жестового, а связь между ними часто может быть неочевидной, но от того не менее реальным образом. Это открывает дополнительные перспективы для исследований.

Первыми были представлены исследования на материале славянских языков. Доклад И. А. Седаковой (Москва) был посвящен интересному случаю пересечения словесного и жестового кода. На материале ее собственных полевых исследований регионов Болгарии анализировались языковые жесты и элементы дейксиса, просматривающиеся при толковании человеком своего имени и при выборе имени для младенца. Так, например, часто родители в знак особого уважения составляют имя ребенку из частей или только букв имен своих бабушек и дедушек.

Во всех этих действиях воплощена некая действительная формула, которая одновременно и раскрывает некоторые внутрисемейные родственные отношения, и указывает в сторону одного или нескольких определенных лиц.

С предыдущим сообщением переключается доклад О. В. Беловой (Москва), которая на примерах из славянских народных легенд рассказала о наречении первым человеком имен животным. Адам распознает сущность животного и дает имя, соответствующее его природе: по повадкам, по внешнему виду, по издаваемые звукам (онома-топия): кошка получает имя *мачка* (серб., макед.), потому что мяукает, а червь — *црв*, потому что ползает на чреве, ср. *црево* (серб., макед.).

Карпато-балканские параллели были отражены в докладе К. Задоя в соавторстве с В. М. Вардиц (Германия). Авторы рассматривали ругательства, которые обнаруживаются в народной мифологической прозе славянского населения Украинских Карпат. Ругательства представляют собой конъюнктивы и (реже) императивы, в основе которых лежат отсылки: одни являются пожеланием несчастья, другие отсылают из своего пространства в чужое (часто в никуда). Помимо номинативной функции в мифологической прозе ругательства выполняют и функцию заклинаний, также они используются в качестве эвфемизмов, чтобы не называть демонические существа напрямую и предотвратить их вмешательство в жизнь людей. Представленные данные позволили выявить параллели в балкано-славянской традиции: соотносительность ругани с языческим культом у сербов и в Карпатах.

Функции оскорбительного жеста «мундза» (μουντζά) или «фаскело» (φάσκελο), широко распространенного в Греции, на Кипре и среди греков диаспоры во всем мире, были представлены в докладе К. А. Климовой (Москва). Здесь отсылка может быть обращена не только на кого-то, но и на себя самого, при этом степень оскорбления варьируется от «вежливой» до «двойной» мундзы (жест двумя руками, усиливающий оскорбление). В обоих докладах, на материале славянских и греческого языка соответственно, были рассмотрены фольклорные нарративы, связанные с этими словесными и жестовыми кодами.

Лингвистическим вопросам было посвящено второе заседание. К данным албанского языка обращались А. Ю. Русаков и М. М. Макарец.

Доклад А. Ю. Русакова (Санкт-Петербург) был посвящен разветвленной системе «перфектообразных» форм албанского языка: большинство форм могут употребляться как действительски, так и в относительной функции. Дейксис у форм глагола можно также связать с особыми редуцированными формами причастий, которые

становятся показателем ретроспективного сдвига — морфемой, маркирующей отнесение чего-либо к прошлому. В докладе также был показан основной спектр значений и возможные пути возникновения сверхсложных форм: внутреннее развитие, романское или славянское влияние.

М. М. Макарец привлек внимание к общей проблеме партикул в албанском языке. Партикулы по Т. М. Николаевой, на книгу которой ссылался докладчик, могут выступать в качестве самостоятельных единиц языка, соединяться в кластеры, а также присоединяться к знаменательным словам, модифицируя их значения. С одной стороны, партикулы являются важнейшими элементами в повседневной коммуникации, с другой — их общее значение оказывается растворено в многозначности и многофункциональности, что вынуждает описывать их в разных значениях как омонимы. Такой класс слов выделяется и в албанском языке, где они могут выступать в качестве отдельных лексических единиц, словообразовательных элементов или грамматических частей. Докладчик ссылается на Т. В. Цивьян, которая обращает внимание на то, что в цепях балканских слов «класса Z», к которому можно отнести и албанские партикулы, осуществляется своего рода звукопись, основанная, в частности, на скоплении одинаковых и сходных комплексов (*mi tu, te tь, tu te, tu to, na mi tu* и т. д.). Это обеспечивает дополнительную маркированность, и в определенном смысле эти элементы можно уподобить «звуковым жестам».

В докладе Н. Н. Казанского (Санкт-Петербург) «Дейксис при обозначении лица в древнегреческом языке и культуре» рассматривались ситуации прямого обращения в греческих посвященных надписях (δείξις ἄνταξις), дейксис с помощью указательного местоимения и возможность его усиления путем добавления указательной частицы -δε. Особое внимание уделялось соотношению местоимений с грамматическим лицом и их распределению в зависимости от позиции говорящего, а также выражению побуждения с помощью частиц (греч. ἄγε, лат. *age*).

Продолжая тему обращений, В. П. Казанские (Санкт-Петербург) описала жест, приглашающий выпить за чье-либо здоровье (πρότινω), отраженный в обрядах и представленный в древнегреческой литературе, воспевающей радости общения с пиршественной чашей вина. Отмечалось, что глагол πρότινω также имеет значение: ‘пить, обращаясь к кому-либо’, ‘пить за здоровье’, а отглагольное существительное πρότισις означает ‘здравица, заздравный тост’. Дальнейшее развитие семантики этих двух лексем само по себе отражает жест и древний обычай

гостеприимства: пить по кругу; отпить вина из кубка, передать остаток человеку, к которому обращен тост, и подарить ему сам кубок; отсюда — часто иронично — дарить что-либо, словно за пиршественным столом. С этим жестом связаны и свадебные обряды одаривания жениха винной чашей. Как было отмечено в ходе дискуссии после выступления, у славянских народов тоже существуют подобные обычаи.

Деление пространства «вверх» и «вниз» (*горе / доле*) позволяет указать направления к важным местам или объектам. В докладе Д. С. Ермолина (Санкт-Петербург), базирующемся на полевых материалах 2013—2015 гг., предлагалась попытка анализа пространственно-временного дейксиса в дискурсе косовских сербов, переселившихся в г. Ниш (Сербия). Семиотическая оппозиция вверх / вниз рассматривалась в соотношении север / юг: для них родное Косово и дом находятся *доле* 'внизу'. В докладе также были отмечены особенности культурной идентичности представителей данного сообщества: переселенцы ощущают себя отдельной группой и поддерживают контакты, организуют встречи внутри диаспоры.

Логическим продолжением стал доклад Н. В. Злыдневой (Москва), посвященный проблеме соотношения близкого и далекого

планов в художественном изображении в сравнительно-типологическом аспекте на материале живописи сербов, хорватов и словенцев межвоенного двадцатилетия XX в. Взаимодействие фигуры и фона, на котором она расположена, было предложено рассматривать как особый код «текста» культуры: он выявляет определенную стилистическую формацию и шире — модель мира, балканского мира в частности, а также демонстрирует дихотомию внутреннего / внешнего как гестуальный модус.

Л. И. Акимова (Москва) представила доклад по изобразительному тексту погребальной вазы мастера Дария из Челье ди Кампо (Апулия), ок. 320 г. до н. э. В сообщении делался акцент на «дейктические» элементы наррации в иерархической организации эпизодов сюжета, в выделении определенных фигур позами, жестами, композиционными акцентами, позицией ритуальных вещей и различных пространственных знаков.

Круглый стол показал, с каких разных позиций можно подходить к вопросу дейксиса и как по-разному могут быть выражены «языковые жесты». Материалы встречи готовятся к публикации. В дальнейшем ЦЛИ «Balcanica» планирует продолжать традицию подобных тематических научных мероприятий.

УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ, опубликованных в журнале «Вопросы языкознания» в 2016 г.

INDEX OF THE PAPERS published in «Voprosy Jazykoznanija» in 2016

Статьи

Аркадьев П. М. Роли, иерархии и двойное маркирование объектов	5
Афанасьева Т. И. Об особом употреблении «дательного самостоятельного» в русских переводах конца XIV в.	5
Березович Е. Л., Сурикова О. Д. К семантической истории «многоканальных» заимствований: случай <i>кураж</i>	4
Бухаров В. М., Байкова О. В. Язык немецкого национального меньшинства вятского региона: статус и перспективы развития	2
Вилинбахова Е. Л. Сопоставительные тавтологии в русском языке	2
Виноградова Е. Н. Грамматикализация в русском языке: от формы существительного к предлогу (на материале соматизмов)	1
Гиппиус А. А., Зализняк А. А. Берестяные грамоты из новгородских раскопок 2015 г. ...	4

Горбунова И. М. Пространственный дейксис и грамматикализация в атаяльском языке ...	4
Гращенко П. В. Морфология — взгляд из синтаксиса.....	6
Добровольский Д. О. Грамматика конструкций и фразеология	3
Добрушина Н. Р. Конструкции с русским сослагательным наклонением для обозначения хабитуальных ситуаций	4
Елоева Ф. А., Черноглазов Д. А. Греческий перфект как стилистический прием.....	1
Жолобов О. Ф. От праславянского языка к старославянскому: о перфективном имперфекте.....	3
Золян С. Т. Вновь о соотносительности языка и генетического кода.....	1
Инькова О. К проблеме описания многокомпонентных коннекторов русского языка: <i>не только... но и</i>	2
Козлов А. А. Мокшанский результатив и диахрония результативной конструкции	1
Левашов А. М., Прохоров А. В. Статистический метод классификации метров неклассического русского стиха (на материале так называемого «белого акцентного стиха» И. Бродского).....	4
Макарова А. Б. Феномен периферийного пересечения семантических сетей: русские приставки <i>при-</i> и <i>под-</i>	5
Оскольская П. А. «Смотри, этот чай вот-вот закипит в котле...» (об одной малоизученной видо-временной форме в тувинском языке)	5
Оскольская С. А. К вопросу об аспектуальной системе нанайского языка	1
Падучева Е. В. Местоимения типа <i>что-нибудь</i> в отрицательном предложении.....	3
Пекелис О. Е. Местоимение <i>это</i> как средство модификации истинностного статуса (о конструкции вида <i>если (когда, хотя...)</i> р, <i>это</i> q).....	5
Плунгян В. А., Семёнова Кс. П. К типологии древнеармянской именной парадигматики: INSTR.PL	5
Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. Научное наследие Ч. Филлмора и современная теория языка.....	2
Романий Г. И., Ключева М. А. К этимологии зачинов <i>кингера, тилирам, киргиз-татарин</i> и др. в детской подвижной игре типа «цепи (кованые)»	3
Стойнова Н. М. «Перепишите заново»: к типологии двойных деривационных показателей.....	3
Стойнова Н. М. Показатели «движения с целью» и событийная структура: суффикс <i>-nda</i> в нанайском языке.....	4
Татевосов С. Г. Структура и интерпретация ненецкого глагола: актантно-акциональные классы и типы спряжения.....	3
Толстая С. М. Питание и воспитание в зеркале славянской лексики	2
Федченко В. В. Развитие видо-временной семантики у маркеров пассивного залога в идише.....	1
Хентшель Г. Регулярная вариативность или «хаос»: вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «тряянки».....	6
Храковский В. С., Мальчуков А. Л. Взаимодействие и иерархия грамматических категорий глагола: введение в тему и типологическая анкета	6
Чернова Д. А., Слюсарь Н. А., Прокопья В. К., Петрова Т. Е., Черниговская Т. В. Экспериментальные исследования грамматики: синтаксический анализ неоднозначных предложений.....	6

Из истории науки

Кузнецов В. Г. К столетию публикации «Курса общей лингвистики» Фердинанда де Соссюра.....	2
---	---

Обзоры

Бонч-Осмоловская А. А. Предсказания, большие данные и новые измерители: о возможностях технологий компьютерной лингвистики в теоретических, лингвистических исследованиях	2
Добрушина Е. Р. Современная русистика и грамматика конструкций.....	1
Лютикова Е. А., Ронько Р. В., Циммерлинг А. В. Дифференцированное маркирование аргументов: семантика, морфология, синтаксис.....	6

Рецензии

Богуславский И. М. <i>Е. В. Падучева</i> . Русское отрицательное предложение. М.: Языки славянской культуры, 2013	2
Казанский Н. Н. <i>A. Bartolotta</i> (ed.). The Greek verb. Morphology, syntax, and semantics. Proceedings of the 8 th International meeting on Greek linguistics. Agrigento, October 1—3, 2009. Lovain-la-Neuve: Peeters, 2014	2
Кустова Г. И. <i>M. Nomachi, A. Danylenko, P. Piper</i> (eds.) Grammaticalization and lexicalization in the Slavic languages. Proceedings from the 36 th meeting of the Commission on the grammatical structure of the Slavic languages of the International Committee of slavists. München: Verlag Otto Sagner, 2014.....	1
Майсак Т. А. <i>П. М. Аркадьев</i> . Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015.....	3
Мищенко Д. Ф. <i>А. Б. Летучий</i> . Типология лабильных глаголов. М.: Языки славянской культуры, 2013	4
Молина М. А. <i>L. Kulikov, N. Lavidas</i> (eds.). Proto-Indo-European syntax and its development Amsterdam: John Benjamins, 2015	5
Нечволодов Г. С. <i>Е. Velmezova</i> (éd.). L'École sémiotique de Moscou-Tartu / Tartu-Moscou. Histoire. Épistémologie. Actualité. Slavica Occitania. Vol. 40. Toulouse: Université de Toulouse, 2015.....	6
Овчинникова И. Г., Ахутина Т. В. <i>А. А. Кибрик, А. Д. Кошелев</i> (сост. и ред.), <i>А. В. Кравченко, Ю. В. Мазурова, О. В. Федорова</i> (ред.). Язык и мысль: Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015	3
Петрухин П. В. <i>J. Breuillard, S. Viellard</i> . Histoire de la langue russe, des origines au XVIII ^e siècle. Paris: Institut d'études slaves, 2015	5
Семенова С. Ю. <i>М. Б. Ташлыкова</i> . Семантические этюды о «синтаксической деривации». Иркутск: Изд-во ИГУ, 2013	6
Стойнова Н. М. <i>F. Gardani, P. Arkadiev, N. Amiridze</i> (eds.). Borrowed morphology. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015.....	2
Федорова О. В. <i>W. J. M. Levelt</i> . A history of psycholinguistics: The pre-Chomskyan era. New York: Oxford University Press, 2013	6
Циммерлинг А. В. <i>I. Bornkessel-Schlesewsky, A. L. Malchukov, M. Richards</i> (eds.). Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective. Berlin: Mouton de Gruyter, 2015....	4

Научная жизнь

Выренкова А. С., Резникова Т. И. Обзор лингвистических проектов, финансируемых Российским гуманитарным научным фондом в 2016 г.....	6
Захаров В. П., Николаев И. С., Хохлова М. В. Международная научная конференция «Корпусная лингвистика – 2015»	4
Иванова К. А., Краснощекова С. В. Международная конференция «Проблемы онтолингвистики — 2015: механизмы усвоения языка и становление речевой компетенции».....	2
Капитанова Ю. С. Виноградовские чтения 2015 г.....	1
Капитанова Ю. С. Виноградовские чтения 2016 г.....	3
Кирьянов Д. П., Пивоварова Л. М. Международная конференция «Новые направления в квантитативных лингвистических исследованиях».....	2
Коган А. И. Международная конференция «Язык. Общество. История науки. К 70-летию чл.-корр. РАН В. М. Алпатова»	2
Кухто А. В., Пиперски А. Ч. Фонологические заметки из Будапешта	5
Летучий А. Б. 48-я Ежегодная конференция Европейского лингвистического общества ...	3
Петрова З. Ю., Северская О. И. Международная научная конференция «Словообразование и Интернет» Комиссии по словообразованию при Международном комитете славистов.....	6
Потапова Р. К., Потапов В. В. XVII Международная конференция SPECOM'2015 «Речь и компьютер».....	3
Чиварзина А. И. Круглый стол «Балканский дейксис и балканские (языковые) жесты» ...	6

Подписано к печати 31.10.2016 Дата выхода в свет 26.12.2016
 Формат 70×100^{1/16} Цифровая печать Усл. печ. л. 13,0 Усл. кр.-отг. 6,7 тыс.
 Уч.-изд. л. 15,5 Бум. л. 5,0 Тираж 507 экз. Зак. 812
 Цена свободная

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-66704 от 28 июля 2016 г.
 в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
 информационных технологий и массовых коммуникаций
 Учредитель: Российская академия наук

И з д а т е л ь: Российская академия наук. Издательство «Наука»,
 117997, Москва, Профсоюзная ул., 90
 Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
 телефон +7 495 637-25-16

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым